XIII
А-2678

Н. И. БАГРОВЪ

ПРАВОВЫЕ И СОЦІАЛЬНЫЕ
ИСТОЧНИКИ РУССКОЙ СМУТЫ

ВЪ 5 ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ТАЛЛИННЪ ВЪ ЭСТОНІИ
1939.

УСЛОВІЯ ПРІОБРѢТЕНІЯ КНИГИ Н. БАГРОВА

„Правовые и соціальные источники русской смуты.“

МАГАЗИННАЯ ЦѢНА:

за каждый изъ 5-ти томовъ — въ Эстоніи $3^1/_2$ кроны, а за всѣ 5 томовъ $17^1/_2$ кр.

за каждый изъ 5-ти томовъ — заграницей 1 ам. долларъ, а за всѣ 5 томовъ 5 долларовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на всѣ 5 томовъ: въ Эстоніи 10 кронъ. заграницей 3 ам. дол. } съ доставкой.

При заказѣ вносится $^1/_3$ суммы, послѣ 2-го тома — $^1/_3$ и послѣ 4-го тома — $^1/_3$.

Адресъ, по которому можно выписывать книгу:

Mr. Nikolai Bagroff, Estonia, Tallinn, Ahju 9-11

---

telef. 446-21.

XIII
А-12261

Н. И. БАГРОВЪ

ПРАВОВЫЕ И СОЦІАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ РУССКОЙ СМУТЫ

ВЪ 5 ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ТАЛЛИННЪ ВЪ ЭСТОНІИ
1939.

3
Bibliotheca Universitatis Tartuensis
1939: 01611
116 954

M. Hermann'i trükk Tartus, 1939 a.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОГЛАВЛЕНІЕ 2-ОЙ ЧАСТИ.

ГЛАВА V-ая. **Сословныя дѣленія въ царствованіе Алексѣя Михайловича.**

Сравненіе Московскаго сословнаго строя съ Удѣльнымъ. Какъ произошелъ переходъ отъ Удѣльнаго строя къ Московскому. Духъ крѣпостничества Московскаго государства и его происхожденіе. Сословныя обязанности. Когда возможно раскрѣпощеніе личности?

Очеркъ Земскихъ Соборовъ и ихъ идея. Современные Земскіе Соборы. **Резюмэ.**

Характеристика личности Алексѣя Михайловича. Тѣлесныя наказанія въ Московскомъ государствѣ 17 ст. Диктатура Морозова. Государственныя регаліи.

Смутный 1648-ой годъ. Бунты въ Сольвычегодскѣ и Устюгѣ. Земскій Соборъ и Соборное Уложеніе 1648—9 г. г.

ГЛАВА VI-ая. **Псково-Новгородскій бунтъ 1650 года.**

Вступленіе. Условія религіознаго воспитанія народа. Формализмъ духовный Довѣріе народа къ царю. Причины, поводы и средства бунта. Вліяніе на Псково-Новгородскій бунтъ Украинскаго національнаго движенія и Англійской революціи.

Описаніе Псково Новгородскаго бунта. **Резюмэ**

Московскій бунтъ 1654 г. во время чумы. Холопы. Московскій мятежъ 1662 г. Дальнѣйшее состояніе крестьянъ при Алексѣѣ Михайловичѣ.

ГЛАВА VII ая. **Атаманъ Стенька Разинъ.**

Вступленіе. Личность. Біографія и внѣшность. Разинъ — чародѣй Грезы русскихъ людей. Богатство Стеньки. Неразборчивость простого народа въ способахъ обогащенія. Обаяніе на народъ казаковъ.

Описаніе Разинскаго бунта. Начало. Рождается мысль о соціальной революціи. Разинъ „все можетъ“. Походъ Разина, гульба и казни. Круги и совѣты. Почему провалилась система Разина. Путь современнаго прогресса. Аналогія съ прошлымъ. Русская народная трагедія. Неудачи Разина, его арестъ и казнь. Необычайное самообладаніе.

Мученичество Астраханскаго митрополита Іосифа. Разиновщина. Заключеніе.

ГЛАВА V-ая

Сословныя дѣленія въ царствованіе Алексѣя Михайловича.

Мы приступаемъ теперь къ описанію и разбору большихъ народныхъ возмущеній, имѣвшихъ мѣсто въ царствованіе второго Романова — царя Алексѣя Михайловича. Но прежде этого попробуемъ суммировать все, что намъ извѣстно о сословныхъ дѣленіямъ Московскаго государства: Московская соціальная система, построенная на крѣпостномъ правѣ крестьянъ и рабствѣ холоповъ, отличалась извѣстной законченностью, что вмѣстѣ съ ея неподвижностью и являлось однимъ изъ важнѣйшихъ условій возникновенія русскаго бунта. Для систематизаціи этихъ данныхъ мы воспользовались прекрасной схемой проф. Ключевскаго, которую расширили исчерпывающими свѣдѣніями о каждомъ сословіи.

Служилые люди.

I. Служилые люди по отечеству, т. е. потомственные:

А) ЧИНЫ ДУМНЫЕ, ИЛИ „ЧИНЪ“:

1. Бояре. Съ середины 15 ст. состояли на $^3/_4$ изъ прежнихъ удѣльныхъ князей и на $^1/_4$ изъ стараго Московскаго родовитаго боярства.
2. Окольничіе.
   Бояре — окольничіе были второго ранга, на $^1/_3$ изъ тѣхъ же удѣльныхъ князей меньшаго значенія и на $^2/_3$ изъ Московскихъ старыхъ бояръ, невошедшихъ въ первый рангъ.
3. Думные дворяне.
   Съ середины 16 ст. изъ дѣтей боярскихъ и пришлыхъ бояръ удѣльныхъ.

   Дѣти боярскіе первоначально были кандидатами на боярство и всякія военныя и административныя должности. Они происходили изъ сыновей бояръ, по возрасту не могшихъ еще стать боярами, или же изъ обѣднѣвшихъ родовъ боярскихъ, или изъ бояръ удѣльныхъ. Впослѣдствіи мелкіе дѣти боярскіе верстались даже изъ казаковъ и вольныхъ слугъ. Въ общемъ, — сынъ боярскій былъ служилымъ человѣкомъ разныхъ категорій.

Б) ЧИНЫ СЛУЖИЛЫЕ МОСКОВСКІЕ:

1. Стольники.

2. Стряпчіе, завѣдывавшіе царской „стряпней“: короной, скипетромъ и державой, а въ походѣ — царскимъ вооруженіемъ.

3. Дворяне Московскіе. Дворъ царя.

4. Жильцы, — дежурные царской охраны, спавшіе очередями при царскомъ дворѣ.

Всѣ четыре категоріи дворянъ входили въ такъ называемый „Царевъ полкъ“, насчитывавшій около 2.600 дворянъ и 21.000 холоповъ. Полкъ имѣлъ значеніе гвардіи.

В) ЧИНЫ СЛУЖИЛЫЕ ГОРОДСКІЕ (въ провинціальныхъ городахъ):

1. Выборъ. Отборные провинціальные дворяне.

2. Дѣти боярскіе городовые.
Изъ оскудѣвшаго удѣльнаго боярства. Съ середины 16 ст. стали называться дворянами Московскими.

Г. СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ ПО ПРИБОРУ:

1. Стрѣльцы.
Вербовались изъ вольныхъ охочихъ людей, изъ обѣднѣвшихъ городовыхъ дѣтей боярскихъ, изъ людей вольныхъ и тяглыхъ. Правительство содержало ихъ денежнымъ жалованьемъ или земельной дачей въ маломъ размѣрѣ. По своимъ земельнымъ дачамъ они были соединены въ сельскія общества, обязанныя воинской службой пожизненно, „по отечеству“.
Дѣти стрѣльцовъ, ихъ братья, племянники, подсусѣдники и захребетники, если не записывались въ тягло, обязаны были поступать на стрѣлецкую службу.
То же правило примѣнялось къ солдатамъ и драгунамъ позднѣйшаго времени.

2. Казаки и ихъ атаманы.

3. Пушкари, ѣздоки, сторожи, вожи.
Всѣ три категоріи имѣли земельныя дачи на подгородныхъ земляхъ и сидѣли на „государевой десятинной пашнѣ“, будучи прикрѣплены къ стрѣлецкой или казачьей слободѣ.

Тяглые люди.

I. Тяглые люди посадскіе:

А) ЧИНЫ ПОСАДСКІЕ МОСКОВСКІЕ:

1. Гости.

Богатые купцы-оптовики, состоянія которыхъ на наши деньги оцѣниваются въ милліонахъ золотыхъ рублей. Имъ поручалась организація провинціальнаго купечества, сборъ безвозмездно наиболѣе крупныхъ государственныхъ налоговъ и веденіе государственныхъ предпріятій, какъ напр. казенной добычи руды, казенной добычи и продажи соли; казенной закупки хлѣба, продажи дорогихъ мѣховъ, поступавшихъ отъ охотниковъ-звѣролововъ, продажи питей и. т. д.

2. Гостинная сотня.

Богатые купцы какъ бы 1-ой гильдіи.

3) Суконная сотня.

Купцы какъ бы 2-ой гильдіи.

Обѣ категоріи являлись помощниками гостей или самостоятельно исполняли менѣе отвѣтственныя порученія правительства. Они назывались „вѣрными головами“ и „цѣловальниками“, потому что имъ ввѣрялось общественное дѣло и они цѣловали крестъ въ томъ, что не злоупотреблятъ этимъ довѣріемъ. Однако, они сильно наживались, и это вызывало народное неудовольствіе. Такая система практиковалась широко: изъ Москвы въ провинцію пріѣзжали гости и выбирали зажиточныхъ и ловкихъ купцовъ. Если личность купца вызывала сомнѣнія, то за него ручался круговой порукой земскій міръ. Порученіе купцу было годичнымъ. Послѣ Смуты купцовъ осталось такъ мало, что одному и тому же купцу поручались служебныя обязанности черезъ годъ. Вообще, сборъ податей производился самими тяглыми людьми чрезъ ихъ общества, подъ пассивнымъ наблюденіемъ намѣстниковъ или воеводъ.

4. Черныя сотни и слободы Московскія.

Это были ремесленники и мѣщане въ городахъ.

Б) ЧИНЫ ПОСАДСКІЕ ГОРОДОВЫЕ (низшее купечество, торговцы, мѣщане):

1. Лучшіе люди. Наиболѣе богатые и зажиточные.
2. Середніе. Средніе по достатку.

3. Молодшіе, или худые. Бѣднота, поденные рабочіе и люди безъ постоянныхъ занятій.

II. Тяглые люди уѣздные:

А) КРЕСТЬЯНЕ ЧЕРНЫЕ И ДВОРЦОВЫЕ. Подраздѣлялись на:

1. Крестьяне „собственно.“
Эти крестьяне при полномъ земельномъ надѣлѣ, сидя на государственной землѣ, платили полныя повинности. Лично они были свободны и лишь для исправнаго несенія государственнаго тягла входили въ сельскія общины.

2. Бобыли. Маломочные крестьяне на государственной землѣ. Занимаютъ неполные надѣлы и платятъ неполныя повинности, или же вовсе безъ надѣла владѣютъ лишь одной усадьбой и занимаются различными сельскими промыслами и ремеслами.

Б) КРЕСТЬЯНЕ ЧАСТНОВЛАДѢЛЬЧЕСКІЕ, КРѢПОСТНЫЕ.

I. Крестьяне „собственно“.
Свободный землепашецъ-арендаторъ садился на господскую землю всегда съ подмогой отъ владѣльца: готовой усадьбой, постройками, рабочимъ скотомъ, сѣменами и прочимъ. За эту подмогу крестьянинъ, сверхъ арендной платы за пользованіе землей, платилъ помѣщику еще повинности, которыя опредѣлялись порядными грамотами или ссудными записями между крестьяниномъ и помѣщикомъ. Крестьянинъ сохранялъ свою личную свободу только на бумагѣ и могъ уйти по окончаніи срока договора, уплативъ помѣщику свои долги. Онъ могъ уйти и до срока, уплативъ за это еще неустойку, такъ называемый крестьянскій „зарядъ“. Но на практикѣ рѣдкій крестьянинъ могъ это сдѣлать и въ дѣйствительности все болѣе должалъ владѣльцу. Единственный способъ освобожденія былъ переходъ разъ въ годъ, въ Юрьевъ день, къ другому помѣщику, который уплачивалъ старому всѣ крестьянскіе долги и переселялъ крестьянина къ себѣ. Этимъ пользовались только крупные помѣщики и монастыри къ неудовольствію правительства, которое желало поднять хозяйство въ малыхъ помѣстьяхъ служилыхъ людей, о чемъ и позаботился Борисъ Годуновъ въ указахъ отъ 1601 и 1602 г. г., разрѣшавшихъ переходъ крестьянъ только къ служилымъ помѣщикамъ. А съ 30-хъ годовъ 17 ст. въ порядныя грамоты вносится обязательство „быть помѣщику крѣпкимъ“, „безъ выходу“, „за государемъ

своимъ жить во крестьянѣхъ по свой животъ безвыходно", что уже означало личную крѣпостную зависимость отъ помѣщика. Эти сдѣлки юридически были назаконны, опережая собою общее законодательство, еще не провозгласившее полнаго крѣпостного права. До 40 ыхъ годовъ 17 ст. правительство не вмѣшивается въ это положеніе, но затѣмъ, изъ опасенія, что крестьянинъ перейдетъ на положеніе холопа и перестанетъ нести государственныя повинности, — правительство заставляетъ помѣщика ручаться въ платежахъ налоговъ за ихъ крестьянъ, но зато закономъ 1646 г. превращаетъ срочную или пожизненную повинность крестьянина въ потомственную крѣпостную повинность: правительство сдѣлало это путемъ переписи городскихъ и сельскихъ тяглыхъ людей. Тѣ крестьяне, которыхъ перепись гдѣ застала, и были прикрѣплены навсегда къ своимъ владѣльцамъ или обществамъ, со всѣми живущими при нихъ нетяглыми лицами, дѣтьми, родственниками, захребетниками. — Тяглые люди стали „крѣпки" „по переписнымъ листамъ" и „безъ урочныхъ лѣтъ", -- т. е. безсрочно. Въ то же время помѣщикамъ были даны преимущества по сыску бѣглыхъ крестьянъ: въ то время, какъ указомъ 1597 г. помѣщикъ могъ искать ихъ лишь въ теченіе 5 лѣтъ, въ 17 столѣтіи этотъ срокъ сначала удлиняется до 10 лѣтъ, а затѣмъ, по Соборному Уложенію 1649 г. — до 15 лѣтъ. — „Переписные листы", т. е. книги, явились новымъ юридическимъ актомъ для доказательства крестьянской „крѣпости" помѣщику. Этотъ актъ замѣнялъ ссудную запись. По этимъ книгамъ крестьянинъ закрѣплялся владѣльцу безъ срока лично и со всѣмъ потомствомъ и даже родней, жившей съ нимъ въ одномъ домѣ. Свое право на дѣтей и родныхъ крѣпостного крестьянина владѣлецъ могъ осуществить, однако, только давши имъ полное хозяйственное обзаведеніе для несенія крѣпостной службы. Кромѣ того, помѣщикъ и за нихъ ручался передъ правительствомъ въ исправномъ несеніи ими государственныхъ повинностей. Крестьянская крѣпость отличалась отъ холопьяго рабства только тѣмъ, что холопъ не платилъ государству тягла, а крестьянинъ платилъ.

2. Бобыли помѣщичьи.

Платили въ пользу помѣщика и государства уменьшенные налоги. Помѣщику они платили, сверхъ того, арендную плату за свои дворы.

Люди нетяглые.

(Не несутъ ни тягла, ни повинностей).

I. ЛЮДИ ВОЛЬНЫЕ, ИЛИ ГУЛЯЩІЕ.

Не имѣя собственнаго хозяйства, они входили товарищами къ тяглымъ захребетникамъ, къ „сосѣдямъ“ и подсусѣдникамъ. Другіе изъ нихъ переходили съ мѣста на мѣсто, кормились „походя“ случайнымъ заработкомъ. Третьи и вовсе были нищіе и калики перехожіе.

II. ХОЛОПЫ:

А) Холопы полные.

Состояли въ рабствѣ у господина и его потомства, со всѣмъ своимъ потомствомъ. Договоръ полнаго холопства назывался „полной грамотой“.

Б) Холопы докладные.

Это — сельскіе ключники, заключившіе съ господиномъ сдѣлку объ обязательствѣ за долгъ служить господину до его смерти, безъ возврата долга. Сдѣлка носила названіе „докладной“, оттого что о ея заключеніи докладывалось намѣстнику, который вызывалъ стороны, опрашивалъ и составлялъ „по докладу“ актъ. Со смертью господина обязательство службы прекращалось.

В) Холопы кабальные.

Попадали въ это положеніе по заемной „кабалѣ“. Первоначально это былъ договоръ о годовой службѣ, за проценты по взятой ссудѣ, съ обязательствомъ ее выплатить по истеченіи года. Когда кончался годъ и должникъ не могъ внести долга, то долженъ былъ остаться и служить до смерти помѣщика.

По указу 1597 г. кабальный холопъ, покинувшій господина безъ уплаты ему долга, возвращался назадъ. Но отъ него брать долгъ ужъ запрещалось, и онъ оставался холопомъ до смерти господина.

По этому указу дѣти кабальнаго холопа, закабаленныя ихъ отцомъ или же прижитыя во время кабалы, служили отцову господиту также до его смерти, послѣ которой они его наслѣдникамъ болѣе не служатъ и долга отцовскаго имъ не платятъ.

Въ 17 столѣтіи кабала превратилась въ договоръ службы до смерти господина, съ фиктивнымъ займомъ ровно въ 3 рубля. Отсюда слѣдуетъ переходъ къ „жилой“ кабалѣ.

Г) **Холопы „жилые“** — состояли въ „жилой“ неволѣ. Ея виды:

1. Заемная заживная кабала.
   Обязывала зажить долгъ по займу до смерти господина.

2. Жилая ссудная кабала.
   То же самое, при займѣ вещами.

3. Заемная отживная кабала.
   Когда заемъ давался по истеченіи службы.

4. Закладная кабала.
   Когда свободный закладчикъ закладывалъ на извѣстный срокъ свою жену и дѣтей или другихъ младшихъ членовъ семьи, о чемъ говорилъ Козьма Мининъ Нижегородцамъ.

Законодательство 17 ст. запретило полное холопство. Было запрещено прекращать холопство неполное досрочной уплатой господину долга: это было вознагражденіемъ господъ за ставшую для нихъ обязательной ихъ службу государству. А закрѣпленіе за господами жилого и кабальнаго холопства правительство вознаградило холоповъ уничтоженіемъ холопства полнаго.

СРАВНЕНІЕ МОСКОВСКАГО СОСЛОВНАГО СТРОЯ СЪ УДѢЛЬНЫМЪ.

Какъ намъ уже извѣстно, сложно-сословная система, получившая наивысшее развитіе въ 17 столѣтіи, явилась наслѣдіемъ удѣльнаго времени.

Удѣльный порядокъ отличался договорностью отношеній, имѣвшихъ характеръ правовой. Удѣльный князь не былъ государемъ въ политическомъ смыслѣ, онъ считалъ себя какъ бы вотчинникомъ и старался пріобрѣсти себѣ службу свободныхъ людей и средства — договоромъ. Въ удѣльный періодъ бояре получали отъ князя кормленіе изъ- полу: они удерживали себѣ половину дохода да еще пользовались на своихъ земляхъ судебно-фискальными льготами. Бояре назначались на высшія должности по администраціи, а вольные слуги, т. е. дворяне, получали низшія должности и земли съ льготами, по аналогіи.

Въ Удѣльный періодъ государство только начинало складываться, и еще не существовало политическаго подданства: бояре и служилые люди могли „отъѣхать“ къ другому князю, сохранивъ за собою здѣшнія вотчины, которыя они, однако, въ случаѣ войны, должны были защищать. Воспитывался условный патріотизмъ мѣстнаго, дробнаго характера.

Слуги дворцовые, во время состоянія въ придворныхъ должностяхъ, получали въ пользованіе земли.

Черные люди, городскіе и сельскіе, тянули тягло, будучи связаны въ своихъ обществахъ круговой порукой; они платили князю деньгами или работали на него. Въ удѣльный періодъ черный человѣкъ, наравнѣ съ бояриномъ и служилымъ человѣкомъ, могъ перемѣнить владѣльца и даже княжество.

Крѣпостные крестьяне 17 ст. имѣли своими предшественниками въ Удѣльное время „закладней“, — вольныхъ людей, бравшихъ у помѣщиковъ и бояръ ссуды.

Въ Удѣльное время холопы раздѣлялись на большихъ и меньшихъ, и большіе холопы дѣлились далѣе на служилыхъ (ратниковъ) и приказныхъ (дьяковъ), меньшіе же холопы — на дворовыхъ и страдныхъ землепашцевъ.

Если свободный „закладень“ уходилъ отъ господина, не уплативъ ему ссуды, его возвращали и онъ становился холопомъ. Въ началѣ 17 ст. его возвращали и заставляли уплатить ссуду въ теченіе 2 хъ лѣтъ, безъ % и безъ потери личныхъ правъ.

Удѣльное общество было подвижно и измѣнчиво: въ немъ былъ возможенъ переходъ отъ одного состоянія въ другое, хотя съ этимъ

и боролись удѣльные князья. Такъ, черный человѣкъ могъ перейти въ слугу вольнаго или дворцоваго, а слуга дворцовый — въ слугу вольнаго или чернаго, глядя по обстоятельствамъ.

Какъ произошелъ переходъ отъ Удѣльнаго строя къ Московскому.

Удѣльная дробность Россіи и случайный характеръ внутреннихъ удѣльныхъ взаимоотношеній, при слабости княжеской власти, доставили много зла Россіи и не могли, конечно, имѣть больше мѣста въ Московскомъ государствѣ, задачей котораго было объединеніе Русской Земли и укрѣпленіе государства.

Вслѣдствіе этого, интересы отдѣльныхъ лицъ, до сихъ поръ выраженные въ договорахъ населенія съ княземъ, должны были уступить мѣсто требованіямъ обще-государственнымъ, занявшимъ въ Московскомъ государствѣ первое мѣсто и приведшимъ къ подавленію личности государствомъ.

Только съ образованіемъ Московскаго государства, Московскіе Великіе Князья стали заботиться о національномъ единствѣ Русскаго Народа, въ которомъ главную созидательную роль играло великорусское племя. Политически безвластный, удѣльный князь, какъ помѣщикъ и частноправовой контрагентъ, долженъ былъ превратиться въ лицѣ Московскаго Великаго Князя въ крѣпкаго и самостоятельнаго правителя всего русскаго общества. Въ то время, какъ въ удѣльный періодъ каждый вольный человѣкъ могъ изъ своего княжества отъѣхать, теперь самовольный уходъ и переселеніе изъ предѣловъ Московскаго государства уже стали считаться измѣной, поскольку бѣглецъ уходилъ къ народу иной расы, религіи и культуры, и тамъ ассимилировался. Такъ, самозванецъ Григорій Отрепьевъ — принялъ въ Польшѣ католичество, а другой самозванецъ — Акундиновъ, выдававшій себя за сына царя Василія Шуйскаго (бездѣтнаго), принялъ въ Швеціи „Луторскую вѣру“: оба измѣнили русской національной и религіозной традиціи, оба стали измѣнниками.

Политическое сознаніе русскаго общества 17 ст. уже настолько шагнуло впередъ, что могло отдавать себѣ отчетъ во вредѣ удѣльной системы, дробившей Русь на политически безсильныя части.

Духъ крѣпостничества Московскаго государства и его происхожденіе.

Московское государство впервые создавало крѣпкую государственную власть. Оно должно было, поэтому, бороться съ тѣми либеральными и космополитическими взглядами, которые воспитала удѣльная система, создавъ общество, лишенное строгой лойяльности въ отношеніи государства, лишенное политическаго правосознанія. Въ борьбѣ за свое бытіе Московскее государство должно было покуситься на индивидуальныя права своихъ гражданъ, и этимъ объясняется его

крѣпостническій характеръ. Этотъ характеръ сохранился и позднѣе, подчеркивая собою молодость и слабость государства. Для устраненія этой слабости сначала требовалось подчиненіе гражданъ сильному государству: пока государство не станетъ сильнымъ, оно не можетъ думать о раскрѣпощеніи личности. У насъ это раскрѣпощеніе произошло во второй половинѣ 19 го столѣтія, когда русское государство почувствовало себя, наконецъ, для этого достаточно сильнымъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что духъ крѣпостничества, который лежалъ въ основѣ всей политической системы Московскаго государства, вліяя и на взгляды правящихъ классовъ, — зависѣлъ не отъ людей, стоявшихъ въ то время у власти, но Московская крѣпостническая система сама явилась слѣдствіемъ историческаго процесса, заключавшагося въ переходѣ Русскаго государства отъ удѣльнаго политическаго безначалія къ политическому порядку, и этотъ переходъ сопровождался угнетеніемъ личности.

Московскій Великій Князь превращаетъ вольныхъ сословныхъ контрагентовъ Удѣльнаго Князя въ своихъ политическихъ подданныхъ, а ихъ вольные договоры съ Удѣльнымъ государствомъ закрѣпляетъ въ качествѣ постоянныхъ обязанностей передъ государствомъ. Сословія получаютъ постоянныя функціи, соотвѣтствующія ихъ прежнимъ правамъ и обязанностямъ. Это сознаніе государственной общности и единства Русскаго Народа впервые проснулось съ той силой, которая была необходима для созидательной дѣятельности Московскаго правительства. Но неудивительно, что это сознаніе не успѣло проникнуть глубоко въ жизнь русскаго общества: этому сознанію еще предстояло развиваться и пройти чрезъ многочисленныя историческія испытанія, выпавшія на долю Русскаго Народа.

Сословныя обязанности.

Такимъ путемъ, служилые люди стали обязанными служить государству на административныхъ и военныхъ должностяхъ, а преимущества этой службы явились пособіемъ для ея исправнаго выполненія.

Крестьяне также стали обязаны тянуть свое государственное тягло. Ратная служба стала пожизненной и потомственной обязанностью служилыхъ людей. Безземельнымъ служилымъ людямъ давались помѣстья, чтобы и они могли нести службу: приблизительно съ каждыхъ 150 десятинъ земли помѣщикъ обязанъ былъ выставлять по одному конному ратнику, для „ближней“ войны — на одномъ конѣ, а для „дальней“ — на двухъ. Устанавливался принципъ: приказная служба — по отечеству, ратная — по землѣ, земельное пожалованіе — по службѣ, а чины по отечеству и службѣ. (Проф. Ключевскій).

Прежнихъ Удѣльныхъ князей, членовъ Государевой Думы, царь оставилъ своими Намѣстниками въ ихъ бывшихъ Удѣлахъ, какъ вассаловъ, которые потеряли свою несависимость еще до переѣзда на службу къ Московскому Великому Князю.

Новыя области заселялись безземельнымъ людомъ: низшими слугами прежнихъ Удѣльныхъ дворянъ, тяглыми людьми и холопами-ратниками.

Многіе провинціальные холопы за ратную службу или полонное „терпѣніе“ награждались землей — небольшими помѣстьями и вотчинами, съ освобожденіемъ отъ холопства и крестьянства. Эти помѣстья давались пожизненно, для службы.

Когда ратная служба стала обязанностью для служилаго класса, то ея тяжести были разложены „по землѣ“, — по ихъ количеству и качеству.

Такимъ образомъ, боярство и служилый классъ прежнихъ Удѣльныхъ князей разселились по новымъ мѣстамъ своей службы пожалованныхъ имъ помѣстій.

Московское правительство закрѣпило всѣ прежнія сословныя различія, придавъ имъ строгую опредѣленность и неподвижность. Оно не считалось съ тѣмъ, что жизнь прогрессируетъ и однажды установленныя сословныя градаціи съ теченіемъ времени становятся стѣснительны и несправедливы, являясь причиной смуты.

Когда возможно раскрѣпощеніе личности?

Отъ большого искусства правителя государства и знанія имъ исторической обстановки зависитъ правильно опредѣлить тотъ моментъ, когда отъ закрѣпощенія личности гражданъ государство обязано перейти къ обратному процессу — ея раскрѣпощенію. Этотъ моментъ, какъ мы видѣли, опредѣляется наступленіемъ мощности государства и внутреннимъ состояніемъ общества, — степенью его зрѣлости и подготовленности къ политической свободѣ.

Къ сожалѣнію, весьма многіе правители недостаточно бываютъ знакомы съ исторіей управляемаго ими народа и не слѣдятъ за ошибками государственныхъ людей другихъ странъ, чтобы изъ этихъ ошибокъ извлекать для себя положительныя правила управленія. Но, увлекаясь идеей единства и мощи государства, они выказываютъ такое пренебреженіе къ личности гражданъ, которое приводитъ къ народному возмущенію, а въ наше время — къ сложнымъ движеніямъ пролетаріата.

Ex bibl. univ. Tart.

Земскіе Соборы и ихъ идея.

Описавъ сословныя взаимоотношенія Московскаго государства, мы обязаны остановить наше вниманіе на Земскихъ Соборахъ — крупномъ положительномъ факторѣ всей русской жизни. — Земскіе Соборы не только влили свѣжую струю въ политическое творчество Русскаго Народа, утвердивъ въ немъ правовое сознаніе и чувство національнаго единства, но и до сей поры имѣютъ неразрывную связь съ Русскимъ государствомъ, оказывая вліяніе на его историческія судьбы, которыя лишь временно отклонились въ сторону подъ вліяніемъ современной смуты.

Основателемъ института Земскихъ Соборовъ является царь Иванъ Васильевичъ Грозный. Мы уже знакомы съ состояніемъ Россіи при воцареніи Грознаго и намъ извѣстна роль этого сильнаго человѣка въ дѣлѣ объединенія Московскаго государства. Учрежденіемъ Земскихъ Соборовъ царь Грозный стремился приблизить царскую власть къ народу, оперевъ ее на всѣ классы русскаго общества.

По идеѣ Грознаго, Земскіе Соборы были призваны содѣйствовать государственно — политическому и духовному объединенію русскаго общества, въ противовѣсъ сепаратистскимъ стремленіямъ боярскаго класса.

Послѣ Грознаго Земскіе Соборы становятся необходимой частью Московскаго управленія, хотя и собираются періодически, въ неопредѣленные сроки. Но уже при дальнѣйшемъ развитіи Соборовъ, среди русскихъ людей возникаетъ мысль сдѣлать Земскій Соборъ учрежденіемъ постояннымъ, созываемымъ ежегодно.

Земскіе Соборы отразили въ себѣ многія чрезвычайныя событія Русскаго государства, особенно въ Смутное время, когда они возвысились до значенія верховной власти въ государствѣ. Они же явились кодификаторами узаконеній государственной власти по крестьянскому вопросу, который для насъ особенно интересенъ.

Здѣсь мы можемъ привести лишь приблизительный перечень Земскихъ Соборовъ, какъ полныхъ, такъ и неполныхъ, такъ какъ принуждены опустить нѣкоторые фиктивные Соборы, какъ напр. Соборъ отъ 29 мая 1682 г., которымъ по желанію царевны Софьи было установлено двуцарствіе царевича Петра и его слабоумнаго брата Ивана, и нѣкоторые неполные Соборы, какъ напр. Соборы 1672 и 1676 г. г., состоявшіеся при участіи торговыхъ людей, свѣдѣнія о которыхъ неполны.

---

1. Первый Земскій Соборъ былъ созванъ царемъ Иваномъ Грозным въ 1550 году и состоялъ „изъ городовъ всякаго чину людей". Этому Собору юный царь произнесъ съ Лобнаго мѣста рѣчь, въ которой жаловался на свое тяжелое дѣтство, насилія и произволъ бояръ и объявлялъ, что теперь этого больше не будетъ, такъ какъ онъ самъ рѣшилъ взять управленіе въ свои руки и загладить всѣ несправедливости боярскаго управленія. Созывомъ этого Собора Иванъ Грозный пытался осуществить мысль о непосредственномъ общеніи народа съ монархомъ, безъ боярскаго и приказнаго средостѣнія. По мнѣнію проф. С Ѳ. Платонова, русскіе цари всегда стремились превратить царскую власть во всенародное служеніе.

2. Второй Земс. Соборъ 1566 г. состоялъ изъ 376 депутатовъ: 32 лицъ высшаго духовенства, или освященнаго собора, участвовавшаго, затѣмъ, во всѣхъ Земскихъ Соборахъ „по положенію", 29 бояръ и другихъ членовъ Боярской Думы, 33 чел. дьяковъ и приказныхъ, около 205 чел. дворянъ, дѣтей боярскихъ и помѣщиковъ, 75 торгово — промышленныхъ людей, но еще безъ представителей отъ государственныхъ крестьянъ.

Соборъ этотъ былъ созванъ Грознымъ для рѣшенія вопроса о продолженіи Ливонской войны противъ Польскаго короля. — Рѣшилъ: войну продолжать. Мнѣнія подавались каждымъ чиномъ и сословіемъ отдѣльно. Допускались отдѣльныя докладныя записки и челобитныя къ правительству. Въ выраженіи своихъ мнѣній сословія были равноправны.

3. Неполный Земскій Соборъ 1571 г. состоялъ изъ дѣтей боярскихъ, станичниковъ, сторожей и вожей ото всѣхъ украинныхъ городовъ и былъ созванъ для рѣшенія, „какъ поустроити станицы и сторожи на южной украинѣ для обереженія отъ набѣговъ Крымскихъ татаръ."

4. Созванный Грознымъ неполный Земс. Соборъ 1580 г. состоялъ изъ одного духевенства. Постановилъ: вотчинъ при архіерейскихъ домахъ не выкупать и не отбирать, а впредь въ монастыри вотчинъ по душѣ не давать, монастырямъ земель не покупать и закладной не держать, а вотчины, издревле доставшіяся монастырямъ, предоставить въ волю Государя." Этимъ Соборъ ограничивалъ ростъ монастырскаго землевладѣнія.

5. Неполный Земс. Соборъ 1584 г. изъ духовныхъ властей, по созыву Грознаго, опредѣлилъ: отмѣнить всѣ тарханы (жалованныя грамоты) со льготами и освобожденіями отъ суда и податей, коими пользовались монастырскія вотчины, и „чтобы съ монастырскихъ вотчинъ платить подати какъ и съ прочихъ земель."

6. Земскій Соборъ 1584 г. просившій на царство сына Грознаго, царевича Федора Ивановича. Составъ его неизвѣстенъ.

7. Земск. Соборъ 1598 г., по составу однородный съ Соборомъ 1566 г., состоялъ изъ 512 депутатовъ: высшаго духовенства, думныхъ дьяковъ и приказныхъ, бояръ, служилыхъ людей, преиму-

щественно Московскихъ, дворянъ и царедворцевъ, и представителей части Московскаго тяглаго населенія, — избралъ на царство Бориса Годунова, оставаясь при царѣ Борисѣ въ теченіе всего лѣта 1598 г. и сопровождая его въ походѣ на татаръ.

8. Земс. Соборъ I-го Земскаго Ополченія, отъ 30 іюня 1611 г. по обстоятельствамъ Смутнаго времени неполный, былъ созванъ по иниціативѣ Прокопія Ляпунова и дѣтей боярскихъ, назывался „Совѣтомъ всея Земли“ и состоялъ: изъ освященнаго собора, чиновъ высшаго военнаго совѣта и выборныхъ отъ народнаго ополченія, — для упорядоченія жизни и принятіи срочныхъ мѣръ управленія.

Соборъ запретилъ грабежи, приказалъ для производства кормовъ (фуражировки) посылать людей „добрыхъ“, утвердилъ верховную власть въ государствѣ за тріумвирами Ляпуновымъ, кн. Дмитріемъ Трубецкимъ и атаманомъ Заруцкимъ, приказалъ отбирать въ казну имѣнія „худыхъ людей русскихъ“, кто въ годину бѣдствія уклоняется отъ службы Отечеству, и пригрозилъ смѣстить верховныхъ правителей, если они окажутся неспособными или нерадивыми въ управленіи.

9. Земс. Соборъ 2 го Земскаго Ополченія, созванный по почину князя Пожарскаго лѣтомъ 1612 г. въ Ярославлѣ и также названный „Совѣтомъ всея Земли“, состоялъ изъ духовнаго совѣта, замѣнявшаго собою патріаршій освященный соборъ, ратнаго, или боярскаго синклита, усвоившаго функціи Боярской Думы, и земскихъ выборныхъ служилыхъ и тяглыхъ людей.

Предсѣдателемъ и главою Собора, а вмѣстѣ съ тѣмъ и временнымъ Главою государства явился митрополитъ Ростовскій Кириллъ, а составившееся при немъ правительство возглавилось княземъ Пожарскимъ.

10. Земскій Соборъ 1613—16 г. г., засѣдавшій почти 3 года, исключительно полнаго состава, былъ созванъ временнымъ правительствомъ кн. Трубецкого и кн. Пожарскаго, по очищеніи Москвы отъ поляковъ, для избранія на царство Михаила Федоровича Романова. Онъ открылъ собою плеяду Соборовъ, всего числомъ семь, которые послужили юному царю важнымъ подспорьемъ въ управленіи разоренной отъ Смуты страной.

Это единственный Соборъ, выборы въ который были безсословны, такъ какъ состояніе страны послѣ Смуты не позволяло произвести правильныхъ сословныхъ выборовъ. Въ городахъ и уѣздахъ просто выбирали „отъ всякихъ чиновъ лучшихъ и разумныхъ людей“, „добрыхъ и постоятельныхъ“, кому вѣрили, къ какому бы сословію эти лица ни принадлежали.

Кромѣ обычнаго участія духовенства, выборы въ этотъ Соборъ въ уѣздныхъ и городскихъ тяглыхъ мірахъ производились отъ торговаго и крестьянскаго населенія черныхъ волостей, отъ служилыхъ и жилецкихъ людей. Пригласительныя грамоты на участіе въ Соборѣ говорили о присылкѣ людей, которыхъ излюбятъ земщины — „изъ лучшихъ посадскихъ и волостныхъ людей“.

Вначалѣ засѣданія Собора были очень бурны, каждая политическая группа предлагала своего кандидата и „всякій хотѣше по своей мысли учинити и тако проводиша не малые дни“. Въ концѣ концовъ сторонники Романовыхъ одолѣли.

Первые три Собора царствованія Михаила Федоровича имѣли проволжительную сессію, а 4 послѣднихъ — были созваны на короткій срокъ, по отдѣльнымъ вопросамъ.

Обиліе Соборовъ этого царствованія показываетъ собою чрезвычайное разореніе Русской Земли послѣ Смуты, такъ какъ приведеніе ея „въ достоинство“ требовало крѣпкой думы всего Народа.

II. Земск. Соборъ 1616–1619 г. г. былъ уже сословнымъ. Его задачей было упорядоченіе финансовъ и налоговаго дѣла. Такъ, Соборъ постановилъ взять съ бр. Строгановыхъ, уже и раньше жертвовавшихъ на Земское ополченіе, 40.000 руб., а съ сошныхъ людей, сельскихъ и городскихъ, — по 120 руб. съ „сохи“.

Въ 1619 году этотъ Соборъ послалъ спеціальныхъ агентовъ, „добрыхъ писцовъ и дозорщиковъ“, для осмотра и описи разореній отъ Смуты, и приказалъ внести въ писцовыя книги описаніе всѣмъ происшедшимъ разореніямъ и состоянію хозяйствъ, предоставивъ, послѣ того, согласно полученной описи, налоговыя льготы разореннымъ городамъ и уѣздамъ. Писцы отмѣчали въ книгахъ и потребности населенія.

12. Неполный Земскій Соборъ 1619—20 г. г. состоялъ только изъ выборныхъ отъ населенія мѣстъ, пострадавшихъ отъ Смуты. Выборные разсказали о состояніи населенія ихъ районовъ и его потребностяхъ. Соборъ принялъ рядъ репараціонныхъ мѣръ.

13. Земск. Соборъ 1621—22 г. г. былъ созванъ царемъ Михаиломъ для рѣшенія вопроса, принять ли предложеніе Турецкаго султана, Крымскаго хана и Шведскаго короля о войнѣ противъ Польши.

Соборъ принципіально высказался положительно, но до начала войны разослалъ государственныхъ уполномоченныхъ „для разбора“ свѣдѣній о количествѣ и хозяйственномъ состояніи служилыхъ людей, которыхъ нужно было призвать въ армію, и для разъясненія народу дерзостнаго поведенія Польши и необходимости защитить государство Московское отъ поползновеній его „вѣковѣчнаго врага“.

14. Земскій Соборъ 1632—34 г. г. одобрилъ начало войны съ Польшей и произвелъ раскладку военныхъ налоговъ, назначивъ для сбора денегъ спеціальную комиссію. Было назначено собрать: съ торговыхъ людей пятую деньгу (20%), а съ остальныхъ — „вспоможеніе, кто что дастъ“. Но торговые люди утаили свои обороты.

29 января 34 года Соборъ, разобравъ полученные отчеты, постановилъ собирать деньги „по пожиткамъ, что кому мочно“, „съ животовъ и промысловъ вправду“.

15. Земс. Соборъ 1637 г. былъ созванъ Михаиломъ Федоровичемъ для объявленія войны Крымскому хану и сбора денегъ на эту войну.

16. Земс. Соборъ 1642 г. изъ людей всѣхъ чиновъ былъ созванъ для отвѣта Турецкому султану на его протестъ противъ захвата Донскими казаками въ 1637 году города Азова. Въ виду того, что Соборъ выяснилъ полную невозможность для Россіи затѣвать новую войну, — приказано: казакамъ Азовъ сдать обратно туркамъ.

17. Земс Соборъ 1645 г., послѣ смерти царя Михаила, былъ созванъ Патріархомъ и Боярской Думой, по двое выборныхъ отъ каждаго города, для избранія новаго царя. Патріархъ предложилъ выбрать сына Михаила, Алексѣя Михайловича, и Соборъ это избраніе утвердилъ

При Алексѣѣ Михайловичѣ было только 5 Соборовъ, въ чемъ сказалось возросшее вліяніе новой служилой дворянской бюрократіи.

18. Земс. Соборъ 1648—49 г. г. рѣшилъ составить новое Уложеніе (сводъ законовъ), поручивъ его разработку коммиссіи князя Одоевскаго. Затѣмъ проэктъ былъ разсмотрѣнъ, утвержденъ, и въ 49 году Уложеніе было издано.

19. Земс. Соборъ 1650 г. былъ созванъ Алексѣемъ Михайловичемъ по случаю Псковскаго и Новгородскаго бунтовъ. Соборъ выдѣлилъ изъ своего состава торжественное посольсво во Псковъ подъ начальствомъ епископа Рафаила, которое имѣло успѣхъ и внесло успокоеніе.

20. Земск. Соборъ 1651 г. о присоединеніи Малороссіи ничѣмъ не окончился, такъ какъ переговоры съ гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ затянулись.

21. Земс. Соборъ 1653 г. по случаю состоявшагося присоединенія Малороссіи и начавшейся изъ за этого войны съ Польшей.

22. Неполный Земс. Соборъ 1660 г., на которомъ участвовали гости и торговые люди всѣхъ категорій. Ихъ спрашивали, почему вздорожалъ на Москвѣ хлѣбъ, и что надо сдѣлать, чтобы его удешевить?

Послѣдніе 22 года царствованія Алексѣя Михайловича Земс. Соборовъ не было. Они съ интенсивностью возобновились при его больномъ сынѣ, царѣ Феодорѣ Алексѣевичѣ, монархѣ развитомъ и чуткомъ, и носили постоянный, какъ бы конституціонный характеръ. Царь Федоръ спрашивалъ мнѣнія Собора, и это мнѣніе принималъ къ точному исполненію.

23 и 24. Два неполныхъ Собора, созванныхъ вскорѣ послѣ кончины царя Алексѣя Михайловича, изъ выборныхъ отъ купечества, для рѣшенія вопросовъ торговли съ Персіей и Голландіей.

25. Земс. Соборъ 1681 г., созванный царемъ Федоромъ Алексѣевичемъ, изъ выборныхъ отъ лучшихъ и знающихъ тяглыхъ людей а также представителей отъ крестьянъ дворцовыхъ и государственныхъ селъ и слободъ, для уравненія податей, службъ и повинностей, думалъ о томъ, „какъ могутъ люди ихъ платить, чтобы тяглое населеніе не страдало и государева казна полнилась?“

26. Земс. Соборъ 1682 г. былъ созванъ Федоромъ Алексѣевичемъ для разсужденія объ улучшеніи порядка военной службы и измѣненія ратнаго устава. Соборъ нашелъ, что ратная служба тѣсно связана съ институтомъ мѣстничества, и постановилъ: „уничтожить проклятое мѣстничество и родовые счеты бояръ.“ Соборъ состоялъ изъ выборныхъ отъ служилыхъ людей, дворянъ и придворныхъ чиновъ.

27. Земс. Соборъ 27 апрѣля 1682 г., по смерти царя Федора Алексѣевича, того же состава, что и предыдущій Соборъ, на предложеніе патріарха Іоакима объ избраніи на царство одного изъ двухъ братьевъ усопшаго царя, — царевича Петра или слабоумнаго брата его Ивана, избралъ Петра.

Петръ Великій ни одного Собора не собралъ. Прежде, чѣмъ перейти къ описанію послѣднихъ Земскихъ Соборовъ, остановимся на системѣ выборовъ въ Соборъ и порядкѣ соборныхъ преній.

Система выборовъ въ Соборъ и преній въ немъ.

Выборные призывались отдѣльно отъ каждаго сословія по избирательнымъ округамъ, которыми были города съ ихъ уѣздами. Особо были выдѣлены Москва, съ ея многочисленными слободами, и Новгородъ, съ ея пятинами, на которыя дробились избирательные участки этихъ большихъ городовъ

Сословные выборы точно соотвѣтствовали сословному дѣленію тогдашняго Московскаго общества.

Число выборныхъ не было опредѣлено и мѣнялось, но обычно въ одномъ избирательномъ районѣ выбиралось по 2 депутата отъ служилыхъ людей, и по 1 депутату отъ посадскихъ. Случалось также, что находившіеся въ Москвѣ провинціальные дворяне отъ „выбора“ признавались депутатами отъ своего города и чина, безъ предварительнаго ихъ избранія.

Предложенные правительствомъ вопросы обсуждались каждымъ чиномъ и сословіемъ отдѣльно, и мнѣнія подавались на Соборѣ также раздѣльно.

Послѣдніе Земскіе Соборы.

Екатерина I въ мартѣ 1727 г. распорядилась созвать на сентябрь Земскій Соборъ для разсмотрѣнія экономическаго состоянія городовъ и земель, и для установленія размѣровъ податного обложенія, также для отвѣта на вопросъ, брать ли налогъ подушно, какъ это установилъ Петръ, или съ двороваго числа, или съ тяголъ, или съ земли, — и изыскать мѣры къ сокращенію государственныхъ расходовъ. Но въ маѣ скончалась, и Соборъ остался несозваннымъ.

Анна Ивановна указомъ отъ I іюня 1730 года пыталась созвать неполный Земскій Соборъ изъ депутатовъ отъ духовенства, дворянства и купечества для сочиненія новаго Уложенія, — но неожиданно, указомъ отъ 10-го декабря того же года, созывъ Собора отмѣнила.

Елизавета Петровна 28 сентября 1761 г. дала Сенату указъ собрать для слушанія новаго Уложенія къ 1 января 62 года въ С.-Петербургъ выборныхъ отъ дворянъ, духовенства и купечества, но за ея смертью Соборъ не состоялся.

28. Послѣднимъ Земскимъ Соборомъ считался до сихъ поръ Соборъ 1766 г., созванный Екатериной II подъ названіемъ „Комиссіи для сочиненія проэкта новаго Уголовнаго Уложенія и для выслушанія отъ представителей съ мѣстъ народныхъ пожеланій". Эта Комиссія засѣдала 1 годъ и 5 мѣсяцевъ и была распущена, оставивъ послѣ себя незаконченные обширные труды, поступившіе затѣмъ въ частныя комиссіи, продолжавшія работу общей Комиссіи.

По своему характеру и составу этотъ Соборъ напоминаетъ Соборъ Михаила Федоровича 1619 года. Екатерининская Комиссія распадалась на депутатовъ отъ земли и отъ службы. Отъ службы были представители Сената, Синода, Коллегій и Канцелярій, а отъ земли — представители дворянства, городовъ, уѣздовъ, однодворцевъ, пахотныхъ солдатъ и разныхъ служилыхъ людей, государственныхъ черносотенныхъ и ясачныхъ крестьянъ, некочующихъ крещеныхъ и некрещеныхъ народовъ, отъ казаковъ и Запорожскаго Войска.

Система выборовъ была трехстепенной. Выборщики изъ селъ съѣзжались въ уѣздный городъ, гдѣ выбирали одного депутата отъ уѣзда. Уѣздные депутаты съѣзжались въ губернскій городъ, гдѣ выбирали „провинціальнаго депутата" ото всей губерніи.

Система выборовъ въ Екатерининскую Комиссію намъ сильно напоминаетъ выборы по проэкту Лорисъ-Меликовской конституціи, не получившей своего осуществленія изъ-за убійства Императора Александра II-го. Съ другой стороны та же система выборовъ нѣсколько напоминаетъ и Государственную Думу Императора Николая II, въ которой она была тоньше и тщательнѣе разработана, напоминаетъ и современную систему выборовъ въ корпоративный парламентъ, который основывается, какъ извѣстно, на пропорціональныхъ выборахъ непосредственно отъ различныхъ группъ населенія, минуя партійное средостѣніе.

Этимъ Екатерининская Комиссія обнаруживаетъ свою связь съ современностью. Земскіе Соборы не только имѣли свое вліяніе на

организацію русскаго представительнаго строя въ началѣ XX вѣка, но и должны это вліяніе сохранить для нашего національнаго будущаго.

Старые русскіе историки, недожившіе до нашей эры, считали Екатерининскую Комиссію послѣднимъ Земскимъ Соборомъ. Мы же теперь обязаны думать иначе, прежде всего присоединивъ къ списку Земскихъ Соборовъ Государственную Думу всѣхъ 4 хъ ея созывовъ:

29—32. Земскіе Соборы 1906—1917 г. г., по своей структурѣ распадавшіеся на Государственную Думу и реформированный въ 1905 г. Гос. Совѣтъ. Оба эти учрежденія и составляли вмѣстѣ Земскій Соборъ, о чемъ читатель найдетъ подробныя объясненія въ 4-омъ томѣ нашего труда.

Мы не беремъ на себя здѣсь изслѣдованія возможныхъ частичныхъ Земскихъ Соборовъ въ тѣхъ областяхъ Россійскаго государства, которыя были заняты въ эпоху гражданской войны 1918—1920 г. г. арміями адмирала Колчака, генерала Деникина и другихъ.

Эти Соборы, несомнѣнно, были. Таковы Казачья Рада Донского Войска, собравшаяся въ началѣ большевизма при участіи ген. П. Н. Краснова, и другія Казачьи Рады національнаго характера, являвшіяся разновидностью Земскихъ Соборовъ. Таковъ также извѣстный намъ неполный Земскій Соборъ, носившій и имя Земскаго Собора, созванный въ 1922 г. во Владивостокѣ быв. Начальникомъ штаба Адмирала Колчака генералъ-лейтенантомъ М. К. Дитрихсъ. Соборъ состоялъ изъ народныхъ представителей Приморской области, подробный составъ его неизвѣстенъ. Этотъ Соборъ назначилъ генерала Дитрихсъ главою правительства „Земскаго Края“, но просуществовалъ всего нѣсколько мѣсяцевъ, когда Приморская область, покинутая японцами, была занята красной арміей Уборевича, которому русскіе Каппелевскіе отряды, по своей незначительности, не могли оказать сопротивленія.

Резюмэ.

Бывшій премьеръ-министръ Русскаго правительства эпохи 1905 года графъ Сергѣй Юльевичъ Витте, въ своихъ мемуарахъ пишетъ, что когда Государь Николай II спросилъ его мнѣнія о томъ, не созвать ли Земскій Соборъ, то онъ, Витте, отвѣтилъ, что Земскіе Соборы — хотя и почтенное, но отжившее учрежденіе.

Сужденіе графа Витте было ошибочнымъ: Витте не улавливалъ историческаго значенія Земскихъ Соборовъ для настоящаго времени, онъ не предугадывалъ, что будущая Государственная Дума, совмѣстно съ реформированнымъ Государственнымъ Совѣтомъ, въ который вошли представители нѣкоторыхъ общественныхъ корпорацій, явится ничѣмъ инымъ, какъ продолженіемъ Земскихъ Соборовъ.

Но повидиму графъ Витте, сторонникъ западно-европейскаго парламента съ его партійной борьбою, потому и считалъ Земскіе Соборы устарѣвшими, что въ нихъ этой борьбы не было.

Однако, въ наше время, именно эти свойства Соборовъ дѣлаютъ ихъ достойными особеннаго нашего вниманія, необычайно сближая Земскій Соборъ стараго времени, по духу и идеѣ, съ современнымъ безпартійнымъ корпоративнымъ представительнымъ строемъ.

Изучая Земскіе Соборы русскаго прошлаго, мы убѣждаемся, что въ ихъ основѣ лежала глубокая демократическая идея непосредственнаго общенія народа съ монархомъ, идея, по которой Соборъ избирался не по партійному списку, а по принципу надпартійному, всенародному.

Какъ это обнаруживаютъ весьма важные Земскіе Соборы Смутнаго Времени, когда Собору приходилось избирать царя или временныхъ правителей государства, — Соборъ составлялся изъ представителей всѣхъ слоевъ русскаго общества, за исключеніемъ прѣпостныхъ крестьянъ и холоповъ, — и ни одно сословіе не пользовалась на Соборѣ никакими спеціальными правами или прерогативами, но всѣ сословія были между собою равноправны, какъ въ подачѣ голоса, такъ и въ свободѣ сужденія.

— Сословность выборовъ и подачи на Соборѣ голоса являлась техническимъ, но не политическимъ условіемъ выборовъ и работы Собора, вызванная отсутствіемъ политическихъ партій. Вмѣсто партійнаго списка, для выставленія въ соборъ кандидатуры требовались личныя качества кандидата, играли роль его преданность Отечеству и вѣрѣ православной, учитывалось нравственное значеніе личности депутата въ той общественной средѣ, къ которой онъ принадлежалъ: его честность, умъ и практическія знанія, позволявшія ему разбираться въ дѣлахъ государственнаго управленія на пользу Отечеству.

Земскіе Соборы не выдѣляли сословныхъ преимуществъ той или иной группы своихъ членовъ ни въ пользу знатности происхожденія, ни богатства, но требовали, чтобы ихъ членами были люди „постоятельные“ и честные, прямые, стойкіе и независимые въ своихъ убѣжденіяхъ.

Вслѣдствіе всего этого, Соборъ долженъ былъ состоять изъ истыхъ и крѣпкихъ русскихъ людей всевозможныхъ классовъ общества, объединенныхъ въ своей обще-земской работѣ лишь желаніемъ безкорыстно служить Родинѣ, изъ людей, кого населеніе знаетъ лично и кому довѣряетъ свои интересы.

Благодаря такимъ требованіямъ, всѣ члены Собора вмѣстѣ, несмотря на свою принадлежность къ отдѣльнымъ классовымъ группировкамъ, — являли собою объединенную народную совѣсть и единый народный разумъ.

Земскій Соборъ являлся всенароднымъ Національнымъ Собраніемъ, составленнымъ изъ безпартійныхъ гражданъ всѣхъ сословій, объединенныхъ національно и религіозно.

Вслѣдствіе этого, Учредительное Собраніе 1917 года, разогнанное большевиками и состоявшее исключительно изъ лѣвыхъ негосударственно мыслящихъ партійцевъ, среди которыхъ террористическая соціалъ-революціонная партія была еще самой „умѣренной“, — невозможно счесть Земскимъ Соборомъ. Требованіе патріотизма является прямымъ противоположеніемъ всякой партійности, въ особенности же партійности соціалистической, которая свою дѣятельность основываетъ не на служеніи Отечеству, котораго она не знаетъ, а своимъ „отечествомъ“ признаетъ лишь волю различныхъ заграничныхъ Интернаціоналовъ, интересы которыхъ противоположны интересамъ всякаго національнаго государства.

Земскій Соборъ, въ качествѣ Всенароднаго Національнаго Собранія, ни при какихъ условіяхъ не можетъ терпѣть въ своей средѣ никакихъ интернаціоналистовъ. И если бы народы Европы и др. материковъ земли были благоразумнѣе, то они поняли бы эту истину, которая обязательна и для нихъ.

Мы видимъ, что идея Земскихъ Соборовъ глубоко народна и кристально чиста. По этой идеѣ только дѣйствительно лучшіе, достойные граждане всѣхъ классовъ общества могутъ быть дѣятелями Собора.

Суммируя вышесказанное, мы должны притти къ ясному сознанію, что Земскіе Соборы, по своему внутреннему духу, были учрежденіемъ всесословнымъ, внѣпартійнымъ, состоящимъ изъ отборныхъ патріотовъ всѣхъ классовъ общества, избранныхъ лично самимъ населеніемъ на мѣстахъ, — были учрежденіемъ демократическимъ — въ лучшемъ значеніи этого понятія, имѣющимъ характеръ постояннаго государственнаго установленія, для народной думы по вопросамъ государственной жизни.

Земскій Соборъ былъ первымъ послѣ царя государственнымъ учрежденіемъ и въ присутствіи царя являлся авторитетнымъ законосовѣщательнымъ органомъ, служившимъ для царской власти орудіемъ ея общенія съ Націей.

Въ силу такого положенія, когда умиралъ царь, Земскій Соборъ, въ виду отсутствія законодательства о престолонаслѣдіи, заботился объ избраніи новаго царя.

Въ періоды смутъ и междуцарствій Земскій Соборъ заступалъ мѣсто самого царя и ему принадлежала въ эти періоды руководящая верховная власть въ государствѣ. Онъ назначалъ и контролировалъ вождей національнаго движенія и верховныхъ правителей государства, сохраняя за собою и право ихъ смѣщенія. Въ эти историческіе моменты жизни Націи Соборъ являлся ея верховнымъ возглавителемъ, ея судьей, законодателемъ и административнымъ контролеромъ, которому подчинялось все, что не обладало царскимъ достоинствомъ. Такова идея и реальная власть Земскихъ Соборовъ, отразившихъ въ себѣ влеченіе русской души къ соборнымъ устоямъ жизни, какъ въ области политической, такъ и религіозной.

Но когда, въ эпоху первыхъ Романовыхъ, на политической авансценѣ появилась и выросла новая сила — бюрократіи, то она отставила Земскіе Соборы на задній планъ и мѣсто ихъ, съ начала Петровской эры, заняли Канцеляріи, съ ихъ коллегіальнымъ, квази-общественнымъ устройствомъ, которое было модно для Западной Европы того времени. Но эти Канцеляріи не могли замѣнить собою живого, органически цѣльнаго тѣла Земскихъ соборовъ.

Сила бюрократіи постепенно росла, пока въ царствованіе Императора Николая II она не вступила въ рѣшительную борьбу съ царской властью. Въ этой борьбѣ бюрократія побѣдила. Но плоды побѣды она должна была уступить революціи. Революція уничтожила весь бюрократическій классъ, и въ настоящее время мы стоимъ передъ новыми, весьма сложными задачами государственнаго управленія, которое въ извѣстный историческій моментъ должно будетъ возвратиться къ исконнымъ русскимъ политическимъ устоямъ, заключающимся въ непосредственномъ общеніи верховной власти съ Народомъ, безъ мѣшающихъ тому средостѣній, о чемъ подробнѣе мы скажемъ въ нашемъ заключительномъ томѣ.

Личность царя Алексѣя Михайловича.

Профессоръ Ключевскій питаетъ какую то особенную слабость въ отношеніи личности царя Алексѣя Михайловича. Знаменитый историкъ находитъ въ своей палитрѣ много теплыхъ красокъ для описанія душевнаго благородства, доброты и мягкости характера Алексѣя Михайловича. Справедливо онъ хвалитъ его за его влеченіе къ красотѣ и порядку, за то, что царь много читаетъ, любитъ и цѣнитъ искусство, интересуется западомъ, заводитъ у себя театръ и даже, къ ужасу современниковъ, — домашній балетъ.

Интересъ царя Алексѣя Михайловича къ западной культурѣ объясняется тѣмъ, что въ его эпоху въ Россію уже бьетъ сильная струя западно-европейскаго вліянія, высшее русское общество принуждено знакомиться съ западно-европейской жизнью, и въ Россіи начинаются первыя попытки по пересадкѣ западной культуры на русскую почву.

Ключевскій указываетъ и на ту черту характера Алексѣя Михайловича, что онъ былъ чрезвычайно привязчивъ къ окружавшимъ его людямъ, которымъ не измѣнялъ въ своемъ расположеніи до конца жизни.

Но эта черта „гораздо тихаго“ царя имѣла и свою оборотную, тѣневую сторону: окруженный людьми недобросовѣстными, искавшими изъ своей близости къ престолу часто лишь извлеченія личныхъ выгодъ, царь отстаивалъ и защищалъ этихъ людей даже тогда, когда они должны были понести наказаніе за нечестность и злоупотребленія: это уже было слабостью. Это происходило, по мнѣнію проф. Платонова, по той причинѣ, что царь Алексѣй Михайловичъ, наряду со своими высокими нравственными достоинствами, безконечной добротой и душевной чуткостью, наряду съ хорошимъ образованіемъ, которое его значительно возвышало надъ современниками, — былъ настолько слабъ характеромъ, порою даже малодушенъ, что самъ не умѣлъ и не думалъ работать, а государственное управленіе поручалъ боярамъ и приказнымъ, выдѣляя и временщиковъ; таковыми были одинъ за другимъ — Борисъ Ив. Морозовъ, князь Никита Ив. Одоевскій, патріархъ Никонъ, Ординъ-Нащекинъ, бояринъ Матвѣевъ, каждый изъ которыхъ поворачивалъ корабль государственнаго управленія по своимъ склонностямъ и взглядамъ, отчего утрачивалось единство направленія.

Оттого народъ и считалъ мягкаго и безвольнаго, хотя и симпатичнаго царя — только ширмой, которой пользовалось въ своихъ корыстныхъ цѣляхъ боярско-приказное окруженіе царя, и народъ этого окруженія по справедливости боялся.

Весьма ярко этотъ страхъ иллюстрируется уличными сценами при проѣздахъ царя по Москвѣ. Какъ только показывался гдѣ нибудь царскій поѣздъ, народъ въ ужасѣ спѣшилъ скрыться по дворамъ и переулкамъ, изъ щелей заборовъ разсматривая своего монарха. Тѣ, кто не успѣвали убѣжать, подвергались побоямъ окружавшихъ царя всадниковъ и арестамъ.

Даже въ выборѣ себѣ невѣсты царь оказался настолько безволенъ, что по настоянію боярина Морозова, сославъ въ Тюмень со всей родней невѣсту Всеволожскую, въ которую долгое время былъ влюбленъ. Всесильный Морозовъ устроилъ послѣ того женитьбу царя на дочери своего вѣрнаго друга Милославскаго, и самъ женился на сестрѣ новой царицы.

Морозовъ выдвинулъ родню Милославскихъ, оказавшихся людьми мелкими, жадными взяточниками, особенно — Плещевъ и Траханіотовъ, убитые впослѣдствіи народомъ. Они управляли земскимъ и пушкарскимъ приказами. Плещеевъ завелъ себѣ цѣлую шайку ложныхъ доносителей, по доносамъ которыхъ хватали людей зажиточныхъ и вымучивали у нихъ пытками взятки за освобожденіе. Никакія жалобы на имя царя не доходили: всѣ онѣ попадали въ руки того же Морозова съ компаніей. Эти возмутительныя обстоятельства и послужили причиной бунта 1648 года.

Несмотря на интересъ царя къ западно-европейской культурѣ, его царствованіе шло по старой рутинѣ. Состояніе народа не улучшилось и отъ изданія знаменитаго Соборнаго Уложенія 1649 года, которымъ народная свобода стѣснялась еще болѣе, а крѣпостное право увеличивалось.

Тѣлесныя наказанія въ Московскомъ государствѣ 17 ст.

Адамъ Олеарій, секретарь Голштинскаго посольства, дважды побывавшаго въ Россіи — въ царствованіе Михаила Федоровича и Алексѣя Михайловича, человѣкъ ученый и наблюдательный, оставилъ намъ слѣдующее исторически цѣнное описаніе тѣлесныхъ наказаній, тогда примѣнявшихся.

Къ болѣе легкимъ наказаніямъ Олеарій относитъ правежъ и битье батогами.

На правежъ, какъ извѣстно, ставили неисправныхъ должниковъ и плательщиковъ государственныхъ налоговъ, добиваясь отъ нихъ полной уплаты ихъ долга, по требованію казны или частнаго лица. Неисправнаго плательщика заключали въ тюрьму, изъ которой его ежедневно выводили передъ канцеляріей на открытое мѣсто, гдѣ подвергали битью по голенямъ гибкой палкой, толщиной въ мизинецъ. Этому битью подвергались лица всевозможныхъ званій обоего пола, отъ ремесленниковъ и купцовъ до монаховъ, монахинь и даже священниковъ. Но иногда палачъ, получивъ отъ должника посулъ, билъ его только слегка и мимо. А иные ухитрялись обертывать себѣ ноги внутри голенища сапога жестью или узкими деревянными дощечками, по которымъ и приходились удары палача.

Наказаніе батогами состояло въ томъ, что наказуемый скималъ съ себя одежду и ложился животомъ на землю. Тогда два человѣка садились ему на ноги и на голову, и гибкими лозами пороли его по спинѣ, точно скорняки, выколачивающіе шкуру звѣря.

Но наказаніе кнутомъ, говоритъ Олеарій, было уже варварскимъ. Мужчинъ и женщинъ обнажали до бедеръ, послѣ чего они должны

были по очереди ложиться на спину стоявшаго помощника палача, обнявъ его руками за шею. Другой помощникъ связывалъ веревкой наказуемому ноги, и все время держалъ эту веревку такимъ образомъ, чтобы наказуемый не касался ногами земли и не двигалъ тѣломъ. Послѣ этого палачъ, отойдя отъ жертвы на три шага, неистово билъ ее по спинѣ толстымъ кнутомъ, такъ что послѣ каждаго удара обильно лилась кровь. — Дѣло въ томъ, что къ концу кнута были привязаны три ремешка длиною въ палецъ изъ твердой недубленой лосиной кожи, рѣзавшіе тѣло жертвы, словно острымъ ножемъ. Однихъ забивали на смерть, другихъ отпускали послѣ 15—30 ударовъ. Женщины, притомъ, лишались сознанія. Спины наказанныхъ не сохраняли цѣльной кожи даже въ палецъ шириной, и люди, такимъ образомъ израненные, походили на животныхъ, съ которыхъ содрали кожу. — Говорятъ, добавляетъ Олеарій, что друзья наказанныхъ натягивали имъ на спину еще теплыя шкуры только что зарѣзанныхъ овецъ и этимъ ихъ исцѣляли. Когда не хватало для массовыхъ наказаній кнутомъ профессіональныхъ палачей, то таковыхъ пополняли любителями изъ мясного цеха.

Но наказаніе кнутомъ не принадлежало по своей жестокости исключительно лишь Московскому государству. Весьма схожее съ нимъ наказаніе шпицрутенами мы находимъ въ Западной Европѣ. Шпицрутенъ представлялъ собою тонкую деревянную палку, съ острыми гранеными краями. По наблюденію того же Олеарія, шпицрутены примѣнялись въ Прибалтикѣ господами къ мѣстному не-нѣмецкому населенію латышей и эстовъ. Такъ же, какъ и при наказаніи кнутомъ, наказуемыхъ, говоритъ Олеарій (стр. 114 его книги) обнажали до бедеръ и клали ничкомъ на землю или привязывали къ столбу и били по обнаженному тѣлу парой шпицрутеновъ, опредѣляя количество ударовъ въ зависимости отъ проступка. Особенно плохо, говоритъ Олеарій, приходилось наказуемому, когда господинъ говорилъ (записано на плохомъ эстонскомъ языкѣ): „selcke pahk maha rexema,“ что означало: „бить такъ, чтобы содрать со спины кожу.“

Къ дальнѣйшимъ наказаніямъ Московскаго государства относится вырываніе ноздрей, цѣлью котораго являлось причиненіе неизгладимаго обезображенія лица. Наконецъ, высшей и самой страшной мѣрой тѣлеснаго наказанія являлась квалифицированная смертная казнь, носившая названіе четвертованія.

— Осужденному послѣдовательно отрубали правую руку ниже локтя и лѣвую ногу ниже колѣна, такимъ же способомъ другую руку и ногу, послѣ чего палачъ мгновенно отрубалъ осужденному голову. Такимъ манеромъ были казнены Стенька Разинъ, Пугачевъ, самозванецъ Тимошка Анкудиновъ и нѣкоторые другіе.

Диктатура Морозова.

Въ первые годы царствованія фактическимъ правителемъ страны былъ бояринъ Морозовъ. Онъ сталъ ненавистенъ народу тѣмъ, что его первыми мѣрами было прикрѣпленіе тяглыхъ людей къ мѣстамъ. Но тяглые люди продолжали бѣжать и поступать въ другія сословія. Посадскіе люди для вида записывались въ казаки и стрѣльцы или закладывались въ кабалу частнымъ лицамъ, поступали въ монастырскіе крестьяне и слуги, чтобы, прикрывшись этими званіями, оставаться на своихъ мѣстахъ и не тянуть тягла

Также крестьяне, дѣти духовенства и стрѣльцы, непринадлежавшіе къ посадскому званію, жили въ посадахъ и не тянули тягла.

Что касается государевыхъ черныхъ волостей, то эти крестьяне, побогаче, за взятки воеводамъ отписывались отъ сошного „письма“, такъ что въ „сохѣ“ фактически оставались лишь средніе и молодшіе.

Эти явленія рѣзко дѣлили все русское общество на двѣ соціальныхъ группы: богатыхъ, которымъ данный соціальный строй былъ выгоденъ, и бѣдныхъ, въ деревнѣ или городѣ, для которыхъ, говоритъ Костомаровъ, былъ одинъ выходъ изъ невыносимаго положенія, — бунтъ.

Чтобы прекратить побѣги крѣпостныхъ крестьянъ, было приказано произвести новую перепись, а землевладѣльцамъ запрещено принимать чужихъ бѣглыхъ крестьянъ. Но и это не остановило побѣговъ: помѣщики, принявшіе къ себѣ бѣглецовъ, показывали въ ревизскихъ сказкахъ нѣсколько дворовъ за одинъ, или же крестьянскіе дворы за холопьи, жилые дворы писали пустыми и т. д. Въ 1647 г. узнали объ этихъ злоупотребленіяхъ, постановили сдѣлать провѣрку и отобрать у помѣщиковъ, доставившихъ невѣрныя свѣдѣнія, по 50 четей пахотной земли въ пользу доносителей. Это привело къ новому развращенію нравовъ.

Тогда же, вмѣсто 10 лѣтъ, былъ установленъ 15-ти лѣтній срокъ для сыска бѣглыхъ.

Бѣжали и мелкіе служилые люди, назначенные въ украинные города въ армію. Они поступали въ крестьяне, отдавались въ кабалу, шатались въ захребетникахъ, шли на разбой и всякое воровство. Было приказано ихъ ловить, бить кнутомъ и сажать въ тюрьмы.

Торговые люди тяготились льготами иностраннымъ купцамъ, которые черезъ своихъ агентовъ сами скупали безпошлинно въ Россіи товары и сами же ихъ продавали заграницей, бойкотируя русское купечество даже въ Амстердамѣ и другихъ государствахъ, по уговору между собой. Это приносило русской торговлѣ крупные убытки.

Соляная монополія.

Пошлина на соль, которой думали замѣнить множество мелкихъ налоговъ, какъ наприм. мыто, стрѣлецкія и ямскія деньги, — вызвала сильное неудовольствіе народа, такъ какъ соль вздорожала, рыбные

торговцы стали недосаливать рыбу, между тѣмъ соленая рыба составляла главный продуктъ питанія народа, который пересталъ ее покупать. Рыба у купцовъ тухла, купцы несли убытки, отчего соленая рыба сильно вздорожала.

Табачная регалія.

Въ то время, какъ еще при Михаилѣ Федоровичѣ за употребленіе табака рѣзали носы, — при Алексѣѣ Михайловичѣ, къ ужасу всѣхъ благочестивыхъ людей, была введена казенная продажа этой вредной „богомерзской травы".

Смутный 1648-ой годъ.

Тяжелое положеніе государства и народа послѣ Смуты, слабость правительственной власти, особенно на окраинахъ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича вылились рядомъ серьознѣйшихъ народныхъ возстаній, какъ въ самой Москвѣ, такъ и въ другихъ областяхъ государства.

Возмущеніе 1648 года, происшедшее всего чрезъ 35 лѣтъ послѣ окончанія Смуты, было, какъ намъ уже извѣстно, вызвано тяжелыми повинностями, табачной и соляной монополіями, прикрѣпленіемъ крестьянъ къ помѣщикамъ и войной противъ Швеціи и Польши, вызвавшей общее вздорожаніе цѣнъ и народное бѣдствіе.

25 мая 1648 г., когда царь возвращался отъ Троицы, въ Москвѣ его остановила толпа народа. Нѣкоторые схватили за узду царскаго коня, поднялся крикъ и раздались требованія выслушать жалобы народа.

Народъ жаловался на Плещеева, просилъ его смѣстить и говорилъ, что иначе „народъ погибнетъ въ конецъ". Царь испугался, но ласково просилъ толпу разойтись, обѣщая разслѣдовать дѣло и учинить правый судъ.

Народъ успокоился и проводилъ царя громкими выраженіями благодарности и пожеланіями многолѣтія.

Но по отъѣздѣ царя, подручные Морозова бросились бить толпу по головамъ кнутами. Тогда народъ пришелъ въ ярость, сталъ бросать въ обидчиковъ камнями, тѣ ускакали, но толпа бросилась за ними въ Кремль и едва не ворвалась во дворецъ, требуя выдачи Плещеева.

Народъ разграбилъ дома боярина Морозова и Траханіотова, заколотилъ палками думнаго дьяка Чистаго, разграбилъ дома князей

Одоевскаго, Львова и нѣкоторыхъ др., и разрушилъ домъ богатаго гостя, откупщика Шорина, за повышеніе цѣны на соль.

Царь рѣшилъ сдѣлать толпѣ угодное и выдалъ ей Плещеева, котораго народъ заколотилъ палками.

Мятежъ продолжался и на слѣдующій день. Толпа искала Траханіотова. Царь приказалъ выдать и его: по его приказанію, Траханіотова водили съ колодкой на шеѣ, а потомъ палачъ отрубилъ ему голову.

Морозова не нашли. При мятежѣ вспыхнулъ большой пожаръ, охватившій большую часть Москвы. Выгорѣли Петровка, Тверская, Никитская, Арбатъ, Чертолье (Пречистенка) и всѣ посады. Положеніе было настолько серіозно, что для охраны дворца пришлось вызвать отрядъ нѣмцевъ.

Но пожаръ отвлекъ вниманіе народа, который разбилъ большой кружечный дворъ и выпустилъ на землю вино. Люди ходили по колѣно въ водкѣ и пили ее, черпая сапогами и рукавицами. Многіе перепились и задохнулись въ пожарномъ дыму.

О Морозовѣ забыли, и ему удалось бѣжать. Царь принялъ нѣкоторыя мѣры къ успокоенію народа, черезъ духовенство въ церквахъ и черезъ торговыхъ людей, которыхъ собирали на обѣды къ царскому тестю Милославскому. А затѣмъ царь собралъ народъ на Красную площадь и держалъ рѣчь, обѣщая правосудіе, льготы, уничтоженіе монополій и просилъ не трогать боярина Морозова, котораго, говорилъ онъ, не можетъ выдать народу, такъ какъ онъ его бывшій воспитатель, и это было бы для его сердца невыносимо. При этихъ словахъ царь даже прослезился, а народъ закричалъ, что пусть все будетъ по Божьей и царской волѣ, и пожелалъ царю многія лѣта.

Бунты 1648 года въ Сольвычегодскѣ и Устюгѣ.

Но изъ Москвы въ томъ же году бунтъ перекинулся въ Сольвычегодскъ, будучи направленъ противъ царскаго сборщика податей Приклонскаго: узнавъ о Московскихъ происшествіяхъ, народъ отнялъ назадъ данную Приклонскому взятку и въ раздраженіи чуть его не убилъ.

Въ Устюгѣ волненія начались въ день св. Прокопія Устюжскаго, 8 іюля, на ярмаркѣ. Народъ также отнялъ у подъячаго назадъ взятку, послѣ чего убилъ нѣкоторыхъ нелюбимыхъ подъячихъ, а дворы ихъ разграбилъ.

Во время погрома церковный дьячекъ Игнашка Яхлаковъ ходилъ съ согнутой бумагой и говорилъ, что „пришла государева грамота съ Москвы: велѣно въ Устюгѣ 17 дворовъ грабить.“ И народъ разграбилъ именно 17 дворовъ!

Земскій Соборъ и Соборное Уложеніе 1648—1649 года.

Царь сдержалъ свое слово, отмѣнилъ казенную продажу табаку и приказалъ сжечь его запасы, а послѣ совѣщанія съ Думой и Освященнымъ Соборомъ, указомъ отъ 16 іюля 1648 г. объявилъ объ изданіи новаго Свода законовъ гражданскихъ и уголовныхъ, для всѣхъ равныхъ, назначивъ для разработки новаго Уложенія комиссію. Въ нее вошли князья Одоевскій, Прозоровскій и Волконскій, да дьяки Леонтьевъ и Грибоѣдовъ.

Наконецъ, для разсмотрѣнія трудовъ Комиссіи былъ созванъ Земскій Соборъ 6 октября 1648 года, засѣдавшій до 29 января 1649 года.

Соборъ выслушалъ проэктъ Уложенія, разработалъ его части и утвердилъ ихъ. Соборное Уложеніе было отпечатано 20 мая 1649 года.

Соборное Уложеніе состоитъ изъ 25 главъ, раздѣленныхъ на 967 статей. Въ немъ получили мѣсто законы, ограждающіе религію и личность государя, возпрещалась поддѣлка государственныхъ актовъ, монетъ и драгоцѣнныхъ предметовъ, находятся уставъ паспортный, уставъ о военной службѣ, военно-уголовное уложеніе, законы о выкупѣ плѣнныхъ, о мостахъ и путяхъ сообщенія, уставъ судоустройства и судопроизводства, вещное право: вотчинное, помѣстное, тяглое и право на холоповъ, уголовное право, составленное изъ уставной книги Разбойнаго приказа и Литовскаго статута, законы о стрѣльцахъ и казакахъ, уставъ питейный.

Источниками Соборнаго Уложенія явились судебникъ Ивана Грознаго, указныя книги приказовъ, Византійское гражданское право подъ названіемъ Кормчей Книги, новеллы Юстиніана, правила Василія Великаго, указы прежнихъ государей, немногія новыя статьи, включенныя по челобитью Собора, но особенно много заимствованій изъ Литовскаго статута, изданія 1588 года.

Такимъ образомъ, Уложеніе явилось кодексомъ, составленнымъ изъ чужого матеріала въ духѣ старо-Московскаго права. Этотъ кодексъ подводилъ итогъ всему предыдущему законодательству Московскаго государства, въ качествѣ его свода. (Проф. Ключевскій). Но, несмотря на полноту этой сводки, въ Уложеніи все же недостаетъ чрезвычайно важныхъ отдѣловъ: нѣтъ основныхъ законовъ, законовъ о государственныхъ учрежденіяхъ центральныхъ и мѣстныхъ, нѣтъ семейнаго права и права наслѣдственнаго общаго.

Въ Земскомъ Соборѣ 1648—9 года приняли участіе Освященный Соборъ, Государева Дума и представители служилыхъ и торгово-промышленыхъ классовъ. Но крестьянъ на немъ не было.

Соборное Уложеніе впервые вводило страшное выраженіе „слово и дѣло", благодаря которому впослѣдствіи погибло въ Московскихъ застѣнкахъ такъ много невинныхъ жертвъ доносительства.

Соборъ подтвердилъ, что всѣ лица, имѣющія въ посадахъ дворы, должны состоять въ посадскомъ званіи и нести общее тягло. Кабальныхъ же людей, жившихъ въ посадахъ, приказалъ выселить вонъ.

Уложеніе уничтожало урочные годы для крестьянъ, запрещало принимать чужихъ крестьянъ и предписывало возвращать бѣглыхъ крестьянъ къ ихъ господамъ во всякое время, и возвращать бѣглыхъ дворцовыхъ и черныхъ волостей крестьянъ безъ урочныхъ лѣтъ. Если крестьянинъ женился на бѣглой крестьянской или посадской дѣвушкѣ, то обоихъ ихъ возвращали въ состояніе дѣвушки. Обычай отдавать крестьянина за совершенное имъ или его господиномъ убійство чужого крестьянина владѣльцу убитаго — стало закономъ. Хотя владѣлецъ не могъ обратить своего крестьянина въ холопы, но крестьянинъ могъ добровольно стать холопомъ своего господина.

Всѣми этими правилами крестьянинъ еще сильнѣе прикрѣплялся къ землѣ и власти своего господина.

Не всѣ служилые люди могли пріобрѣтать себѣ вотчины, а только высшіе ихъ чины, и то съ разрѣшенія государя. Вотчины раздѣлялись на родовыя, купленныя и жалованныя. Владѣлецъ купленной вотчины могъ завѣщать ее по своему усмотрѣнію. Сестры не наслѣдовали при братьяхъ, но получали приданое и жениховъ.

Хотя помѣстья служилыхъ людей еще не могли переходить по наслѣдству, но по смерти помѣщика Помѣстный приказъ обыкновенно отдавалъ помѣстье его наслѣдникамъ. Вдовы и дочери помѣщика получали изъ помѣстья умершаго „прожиточныя помѣстья".

Холопы попрежнему оставались въ полномъ рабствѣ и могли получить свободу только въ случаѣ распоряженія о томъ господина или его измѣны государству, послѣ возвращенія холопа изъ плѣна, наконецъ, когда господинъ заявлялъ, что не можетъ кормить своего холопа.

Кабальные люди оставались крѣпкими господамъ до ихъ смерти, а въ голодные годы въ обычай вошло отдаваться на прокормъ къ господамъ по „живымъ записямъ".

Въ эпоху сочиненія Соборнаго Уложенія бюрократическій порядокъ всюду одерживалъ верхъ надъ выборнымъ, общественнымъ. Такъ, губные судьи утрачиваютъ всякое значеніе, и люди принуждены ѣздить въ административные приказные суды въ Москву. Это было чрезвычайно убыточно, потому что было сопряжено не только съ путевыми и прожиточными расходами, но и съ посулами и поминками судьямъ.

Уложеніе не вводило правосудія, о которомъ торжественно возвѣстилъ царь. Напротивъ, жалобы народа на неправосудіе и плохое управленіе, говоритъ проф. Ключевскій, раздаются все громче.

На Земскомъ Соборѣ 1648—9 г. крестьянскихъ представителей не было и объ ихъ интересахъ никто не позаботился. Преобладаніе получили средніе классы населенія, служилые и торговые люди. Эти сословія добивались улучшенія своего положенія и жаловались на духовенство, знать и администрацію. И вслѣдствіе вліятельнаго положенія помѣщиковъ и торговопромышленнаго класса, правительство было къ нимъ внимательно, и Соборъ явился яркимъ выразителемъ вліянія среднихъ классовъ на празящую бюрократію. Соборное Уложеніе провело мѣры къ улучшенію положенія дворянъ и купечества, за счетъ крестьянства, которое было окончательно закрѣпощено къ ихъ помѣщикамъ. Въ угоду же торговаго класса оно удалило изъ посадовъ торгующихъ крестьянъ и бобылей. Ради служилаго помѣщика Уложеніе не считается болѣе ни съ собственностью, ни личностью крестьянина, и помѣщикъ можетъ дѣлать съ нимъ, что угодно, крестьянинъ же не имѣетъ права жаловаться на господина. По Соборному Уложенію крестьянинъ почти приравнивался уже къ полному холопу. И за это положеніе, говоритъ С. М. Соловьевъ, въ которое холопа гнала острая нужда, онъ при удобномъ случаѣ жестоко мстилъ господину.

Вся русская смута происходила на почвѣ отсутствія права, свободы и хозяйственной самостоятельности крестьянскаго класса и многочисленныхъ слугъ и холоповъ, — и это положеніе необходимо было сильно смягчить. Но объ этомъ на Соборѣ 1648 г. не думали. Сословный эгоизмъ среднихъ классовъ и связанные съ этими классами интересы государства одержали верхъ.

Затруднительное положеніе помѣщика послѣ Смутнаго Времени заставляло его съ особенной настойчивостью выколачивать изъ крестьянъ налоги, чего требовала также и финансовая политика государства. Но къ выколачиванію налоговъ присоединился еще произволъ помѣщика и правительственнаго сборщика податей при опредѣленіи суммы податей, благодаря необыкновенной гибкости налоговой системы. Паралельно этому произволу и злоупотребленіямъ агентовъ власти, выказывалась и удивительная жестокость, съ которой взымались налоги. Все это должно было возымѣть свои слѣдствія.

ГЛАВА VI-ая

Псково-Новгородскій бунтъ 1650 года.

Вступленіе.

Удача Московскаго возстанія 1648 г. побудила народъ къ мятежамъ и въ другихъ частяхъ государства. Въ народѣ стало укореняться мнѣніе, что царь Алексѣй Михайловичъ государствуетъ только по имени, на самомъ же дѣлѣ правленіе находится въ рукахъ бояръ, особенно Морозова и царскаго тестя Милославскаго. — Это мнѣніе было близко къ истинѣ. Несправедливости, грабежи и взяточничество воеводъ и дьяковъ усиливали народное возмущеніе. Переставши вѣрить, что все исходитъ отъ царя, считая верховную власть въ рукахъ бояръ, народъ сталъ подумывать, что и онъ самъ — такіе же подданные царя, какъ и бояре, имѣетъ право судить о государственныхъ дѣлахъ. Такой духъ съ особенной силой пробудился въ Новгородѣ и Псковѣ, этихъ старыхъ вѣчевыхъ республикахъ, еще хранившихъ воспоминанія о своихъ былыхъ вольностяхъ. Это было очень яснымъ стремленіемъ населенія получить участіе, какъ сказали бы теперь, — въ представительномъ образѣ правленія. Читатель на это можетъ замѣтить, что существовали же Земскіе Соборы, въ которыхъ участіе Псковичей и Новгородцевъ было узаконено. — Но на это нужно отвѣтить, что Земскіе Соборы собирались нерегулярно и рѣдко, а вопросы, которые правительство предлагало на ихъ обсужденіе, — не обнимали собою потребностей внутренней жизни страны. Собственной же иниціативой для возбужденія тѣхъ или иныхъ вопросовъ Земскій Соборъ не обладалъ. Такимъ образомъ, фактически государственное управленіе находилось въ рукахъ царя, Боярской Думы и приказной бюрократіи.

По свидѣтельству лѣтописцевъ, весь гиль, т. е. мятежъ, подняла городская чернь: середніе и молодшіе тяглые черные люди, — та городская бѣднота, на которой тяжесть государственныхъ повинностей отзывалась наиболѣе остро. Эти самые слои населенія приняли участіе и въ Московскихъ волненіяхъ 1648 года.

Псково-Новгородскій бунтъ начался съ городского населенія, къ которому лишь позднѣе примкнулъ уѣздный крестьянскій міръ: вначалѣ крестьяне оставались пассивными наблюдателями событій. Но духовное состояніе города и уѣзда находилось на одномъ уровнѣ, и городскіе мятежи являлись выразителями обще-народнаго неудовольствія. — Только городъ, стоявшій ближе къ администраціи и управленію, былъ и чувствительнѣе къ ихъ недостаткамъ, и потому выступалъ первымъ. Городу было и легче сорганизоваться.

Но въ Новгородѣ и Псковѣ было и явное неудовольствіе на самого царя. Народъ въ Новгородѣ говорилъ: „Государь о насъ не радѣетъ, деньгами помогаетъ и хлѣбомъ кормитъ нѣмецкія земли.“ — По своему обыкновенію, народъ не задумывался, за что и для чего царь посылаетъ заграницу хлѣбъ и деньги, но, наблюдая внѣшніе факты, считалъ ихъ вполнѣ достаточными для критики управленія.

Условія религіознаго воспитанія народа.

Когда во Псковѣ вспыхнулъ бунтъ, то уговоры Псковскаго архіепископа Макарія не привели ни къ чему. Напротивъ, они вызвали еще большее ожесточеніе: Макарія били и сажали на цѣпь. . .

— Просматривая русскій бунтъ, имѣвшій мѣсто въ православномъ государствѣ и въ средѣ вѣрующихъ народныхъ массъ, которыя за единичными исключеніями пунктуально выполняли всѣ освященные вѣками обряды своей родной Церкви, — но наблюдая, что эти же самыя народныя массы, въ моменты бунта, выказывали полное неуваженіе къ религіи и ея представителямъ — духовенству, мы должны признать въ этомъ странномъ явленіи нѣсколько сложныхъ составныхъ элементовъ.

— Первый изъ нихъ, являвшійся въ качествѣ повода къ нарушенію религіозныхъ началъ, — было поведеніе самого священства, которое въ тѣ времена частенько вмѣшивалось въ мірскія дѣла, и проводило это вмѣшательство грубо, а иногда и насильственно. Въ этомъ оно брало примѣръ съ Московскаго государства, пользовавшагося при обращеніи съ подвластными тѣми же методами.

Но основные факторы отрицательнаго отношенія народа къ религіи въ теченіе бунта мы должны искать въ недостаточномъ воспитаніи и культурномъ развитіи русскихъ людей, а затѣмъ и въ отсутствіи условій соціальной жизни, которыя бы открывали возможность осуществлять на дѣлѣ христіанскіе идеалы добра. Правда, отсутствіемъ такихъ условій доселѣ страдаетъ весь цивилизованный міръ, не сумѣвшій ихъ себѣ создать, вслѣдствіе чего всѣ тѣ недочеты, которые мы здѣсь констатируемъ въ отношеніи нашего народа, тѣмъ болѣе относятся и ко всѣмъ другимъ народамъ, которые находились даже въ болѣе счастливыхъ условіяхъ своего историческаго развитія, нежели Народъ Русскій.

Для сознательнаго и жизненнаго воспріятія христіанскихъ идей необходимы — воспитаніе народа, просвѣщеніе и соціальная среда. Но когда у насъ нѣтъ ни совершеннаго знанія, ни истинно-культурнаго развитія, а общественная самодѣятельность народа стѣснена, — то какъ бы ни были возвышены религіозные завѣты, какъ бы человѣкъ самъ, по своей природѣ, ни былъ предрасположенъ къ ихъ воспріятію, — религія производитъ на него главнымъ образомъ временный храмовый эффектъ, не проникая глубоко въ его повседневную гражданскую жизнь. Это самое явленіе мы наблюдаемъ всюду, у русскихъ людей и иноземцевъ — и сейчасъ, когда наталкиваемся на

разительныя противорѣчія между храмовымъ благочестіемъ вѣрующихъ и ихъ жизнью за предѣлами храма: чѣмъ болѣе форма стремится замѣнить содержаніе, тѣмъ чувствительнѣе создается и внутреннее между ними противорѣчіе.

Духовный формализмъ.

Подъ вліяніемъ невѣжества многіе усерднѣйшіе посѣтители храма пріучаютъ себя къ формальному отношенію къ религіи, и это развиваетъ самое противное ханжество и религіозное высокомѣріе, болѣе всего характерное для сектантства, улавливающаго въ свои сѣти людей умственно отсталыхъ, не только неспособныхъ возвыситься до внутренняго пониманія ученія Христа, но часто и сознательно пользующихся Церковью только для того, чтобы ея обрядностью прикрыть собственные недостатки, отъ которыхъ эти люди совсѣмъ и не думаютъ отказываться.

Для устраненія столь большого количества народившихся ненужныхъ и вредныхъ сектъ, необходимо поднятіе уровня народнаго просвѣщенія и гражданскаго воспитанія молодежи. Моральное и общественное воспитаніе народа, въ соединеніи съ просвѣщеніемъ — составляютъ альфу и омегу всего народнаго быта. Кривая культурной исторіи обычно сильно выпрямляется, когда возростаетъ народное образованіе и разсѣивается тьма, въ которой ходитъ человѣкъ невѣжественный.

Однако, недостаточно еще воспитать людей, сознательно преданныхъ христіанской идеѣ, необходимо еще, чтобы въ наличіи былъ и объектъ, или условіе приложенія доброй воли человѣка: иначе говоря, нужна подходящая соціально-политическая сфера и свобода дѣйствія. Если этой сферы и этой свободы нѣтъ, то не можетъ быть и приложенія вѣрующимъ его вѣры къ дѣйствію.

Къ вопросу о религіозномъ воспитаніи народа мы еще вернемся въ заключительной части нашего труда, здѣсь же позволимъ себѣ отмѣтить, что подъ религіознымъ воспитаніемъ народа мы разумѣемъ воспитаніе всѣхъ классовъ общества, а не такъ, какъ это понимали въ прежнее время, до революціи, многіе наши образованные люди, — будто религія нужна и полезна только простому народу, но необязательна и ненужна для образованныхъ верхушекъ общества. Стоящее впереди народныхъ массъ, но оторванное отъ народныхъ вѣрованій, образованное общество является страшнымъ зломъ и надругательствомъ надъ совѣстью народа. Это зло, которое простой народъ видитъ очень хорошо, — растлѣваетъ народную душу и лишаетъ ее той моральной силы, которая нужна каждому народу, во всѣхъ его классахъ, для устойчивой борьбы за свое государство и общество.

Довѣріе народа къ царю.

Отъ окончательнаго распада въ періоды бунта Россію спасала еще сохранявшаяся въ народѣ вѣра въ царя и идеализація его личности.

Народъ видѣлъ слабость царской власти и обвинялъ въ этомъ не царя, а боярство, думая, что царь предпринялъ бы отъ себя всяческія облегченія для народа, да бояре держатъ царя какъ бы въ плѣну.

И снова мы должны сказать, что съ внѣшней стороны такое мнѣніе народа было справедливо, только народъ не додумывался до уразумѣнія историческихъ причинъ, обуславливавшихъ существованіе и развитіе боярскаго класса, не думалъ и о томъ, въ чемъ заключалась борьба царской власти съ этимъ классомъ, а въ чемъ и сотрудничество съ нимъ.

Поэтому, паралельно идеализаціи царя, народъ питалъ фанатическую ненависть ко всему боярству, дворянамъ и приказному Московскому строю, и эта ненависть доводила народъ до жестокой и безсмысленной ярости въ періоды бунта.

Недоброжелательство народной массы къ правящимъ классамъ было тѣмъ болѣе понятно, что эти классы часто проявляли свой узкоклассовый эгоизмъ, соблюдая лишь собственные интересы, во вредъ государственной пользѣ: это было выраженіемъ отсутствія любви и преданности къ Отечеству. Получая награды и земельныя пожалованія, какъ условіе службы государству, они очень скоро забывали о своихъ обязанностяхъ и старались отъ нихъ „отбояриться“, измѣняли своему служебному и гражданскому долгу, откуда и проистекло выраженіе „измѣна“, которымъ простой народъ окрестилъ всякое дѣйствіе, направленное во вредъ государству и Націи.

Что касается Московскихъ царей, то нужно, напротивъ, констатировать, что они искренно служили интересамъ Родины, по личному разумѣнію и Божьему помазанію, но, окруженные людьми невѣрными и корыстолюбивыми, они были одиноки и безсильны. Этому безсилію содѣйствовала иногда и недостаточная подготовленность ихъ самихъ для труднаго дѣла управленія государствомъ. Народъ же, присущимъ ему одному чутьемъ, былъ почти всегда близокъ къ правдѣ, когда опредѣлялъ свое отношеніе къ Государю, не умѣя лишь и всегда правильно эту правду истолковать.

Причины, поводы и средства бунта.

Такимъ образомъ, слѣдуетъ различать внутреннія причины бунта, его внѣшніе или непосредственные поводы, и средства, при помощи которыхъ онъ получаетъ свое развитіе.

Какъ мы видѣли, внутреннія причины бунта заключались въ междуклассовой розни, отдѣлявшей міропониманіе народа и власти. Государство преслѣдовало свои цѣли и не координировало своихъ дѣйствій съ желаніями народа. Государству нужна была сила, и оно не умѣло ея достичь иначе, нежели путемъ закрѣпощенія личности

гражданъ. Государство не заботилось о спайкѣ сословій между собою, и въ силу установившихся правовыхъ и хозяйственныхъ отношеній, эта спайка становилась все менѣе возможной, приводя народъ къ открытымъ междуклассовымъ столкновеніямъ.

Насиліе и принужденіе были главными рычагами политическаго властвованія государства, и Московское государство совершало надъ личностью своихъ гражданъ систематическое беззаконіе, не боясь продѣлывать такіе эксперименты, какіе дѣлалъ Иванъ Грозный, а за нимъ и другіе государи, въ томъ числѣ и Петръ Великій.

Наслѣдіе Удѣльнаго времени наложило на насъ, русскихъ, свой отпечатокъ до сего времени. Характерная для этого періода политическая дробность внесла и въ самый характеръ русскій — ту же дробность.

Мы, русскіе, страдаемъ величайшей несогласованностью въ нашихъ стремленіяхъ и взглядахъ, отстаивая которые, почти всегда приходимъ ко взаимной враждебности, а соревнованіе убѣжденій превращаемъ въ борьбу личностей.

Отъ психической дробности проистекаютъ и соціальныя послѣдствія: отсутствіе національной солидарности, наша предвзятая узость и нетерпимость въ жизненной борьбѣ, несмотря на способности русскаго ума къ широкимъ философскимъ построеніямъ въ области метафизики и заоблачныхъ мечтаній. Здѣсь обнаруживается полнѣйшая неувязка между нашей теоріей и методами нашихъ дѣйствій, которые мы не заботимся продумать и согласовать.

И знаменитый русскій историкъ С. М. Соловьевъ согласенъ съ тѣмъ, что Россія всегда представляла собою еще сырое и въ высшей степени юное общество.

У насъ существовали отдѣльные возвышенные умы. Народъ ихъ чувствовалъ своимъ сердцемъ и какой то сверхчувственной догадкой, но онъ не имѣлъ возможности практически ихъ въ себя впитать и претворить, вслѣдствіе своей традиціонной безграмотности, полнаго отсутствія нормально поставленнаго просвѣщенія, непричастности народа къ пользованію благами національной культуры, которая была доступна лишь лѣнивымъ и избалованнымъ верхамъ общественной лѣстницы, между тѣмъ, какъ самъ народъ, всеобщій кормилецъ, начало и конецъ всей національной жизни, стоялъ въ самомъ низу, у закрытыхъ вратъ просвѣщенія.

По этой именно причинѣ русскій народъ былъ такъ сильно оторванъ отъ русской интеллигенціи, ото всѣхъ ея лучшихъ вождей и пророковъ, величайшихъ истолкователей русской исторіи, религіознаго мышленія и университетскаго знанія. Народу были оставлены лишь великіе пещерные схимники и подвижники вѣры, скромные и величественные вожди народнаго православія, — которыхъ народъ любилъ, поддерживалъ и понималъ лучше, нежели оторванная отъ народной жизни интеллигенція, — и это одно только и спасало русскій народъ отъ погруженія въ темноту нравственнаго и умственнаго небытія, въ которую его бросали государство и общество. Все же, что могло способствовать дальнѣйшему развитію народа въ полученныхъ имъ отъ родной Церкви дарахъ, — было у народа отнято, такъ какъ ду-

мали, что народу не нужно ничего, кромѣ букваря и четырехъ правилъ ариѳметики, и никто не заботился воспитать и просвѣтить народную вѣру до тѣхъ высотъ, которыхъ она достойна, а вмѣсто того, напротивъ, народную душу еще отравляли различныя лжеученія, вродѣ поученій Льва Толстого и невѣжественныхъ сектантскихъ движеній, въ которыя простой народъ входилъ душой изъ чувства нравственной неудовлетворенности и протеста противъ установленнаго порядка. Поэтому, удѣломъ русскаго умнаго, порою даже мудраго крестьянина — было оставаться на младенческомъ уровнѣ развитія, въ качествѣ великой, самобытной и невоздѣланной стихіи.

Это именно состояніе русской народной души, ея вѣчная неудовлетворенность и жажда обновленія, глубокая наивность и довѣрчивость русскаго крестьянина, происходящія отъ его нравственной молодости и богатства душевныхъ силъ, — и служили наилучшимъ средствомъ, или матеріаломъ, для развитія бунта.

Поводы къ бунту были многочисленны и часто вздорны. Они давались народу тѣми смутьянами и горланами, которыхъ было всегда достаточно въ средѣ русскихъ общественныхъ низовъ. Этимъ сѣятелямъ смуты терять было нечего и они толкали весь остальной народъ на возстаніе, во время котораго надѣялись вольно пожить, сладко поѣсть и широко отомстить представителямъ высшихъ классовъ. Это сдѣлать было тѣмъ легче, что эти представители были всегда передъ глазами народа, со своей классовой и соціальной несправедливостью.

Простому народу противопоставлялась другая стихія, — высшій княжато-боярскій классъ, блестящее окружіе царя, его Государева боярская Дума, его привилегированные служилые помѣщики и вотчинники, да приказная строка — дьяки и подъячіе. Но лишь въ нѣкоторыхъ изъ нихъ можно было встрѣтить таланты и выдающіяся способности, а въ цѣломъ эти привилегированные высшіе классы являлись такой же первобытной стихіей, какъ и стихія простонародная.

Но даже и въ наше „просвѣщенное“ время, конецъ 19-го и начало 20-го столѣтія, русскій народъ ничего не получалъ отъ всей разносторонней и высокой русской національной культуры, которой мы такъ гордимся.

Мы гордимся своимъ искусствомъ, музыкой, живописью, литературой, театромъ, чествуемъ память Пушкина, Гоголя, Островскаго и Достоевскаго... Но виновникъ вдохновенія этихъ великихъ людей — Русскій Народъ — что видѣлъ онъ, что зналъ и что получалъ отъ этихъ національныхъ сокровищъ? — Въ то время, какъ плодами общенаціональнаго творчества пользовались образованные классы общества, крестьянинъ въ своихъ лаптишкахъ или грязныхъ смазныхъ сапогахъ, отъ которыхъ пахло дегтемъ, могъ итти только въ балаганъ, гдѣ ему показывали „битву русскихъ съ кабардинцами“ и человѣка, поднимающаго одной рукой 20 пудовъ, — или же въ другое, доступное ему общественное мѣсто — кабакъ. Но зато, когда государству нужды были деньги, за ними шли къ вшивому и оборванному мужику, котораго въ Петербургѣ, презирали за его нечистоплотность и плохія манеры. Когда нужны были человѣческія

жизни на войнѣ или постройкѣ Санктъ Петербурга, для сооруженія его величественныхъ дворцовъ и проведенія изящныхъ каналовъ, для построекъ желѣзныхъ дорогъ и т. д. — то снова шли къ тому же мужику. Естественно, что открыто презираемый и ото всѣхъ отчужденный, мужикъ долженъ былъ все же имѣть какую-то собственную, никому непонятную и невѣдомую внутреннюю жизнь, долженъ былъ пользоваться собственной доморощенной культурой, получивъ ее по отдаленному преемству отъ своихъ предковъ, ту культуру, которую мы теперь съ необыкновенной гордостью открываемъ, называя ее фольклоромъ. Мужикъ долженъ былъ имѣть свои думы, свое горе и свои радости, которыя выливались у него въ пѣснѣ, то грустной и щемящей душу, то буйно-веселой и удалой : въ доброй половинѣ русскихъ пѣсенъ находится опоэтизація разбойника, въ нихъ воспѣваются и Стенька Разинъ и другіе разбойники, и это опоэтизированіе народомъ разбойничества идетъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, составляя грезы и мечты народа о яркомъ, несбыточномъ и свободномъ счастьѣ, свои народныя думы, свою психологію, которыя мужикъ угрюмо и ревниво пряталъ отъ постороннихъ глазъ, особливо барскихъ.

— А баринъ не понималъ мужика, Характерный образчикъ такого непониманія мы сейчасъ приведемъ. —

Мы описывали, какъ передъ бунтомъ 1648 года крестьяне прекратили подвозъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ въ города, вслѣдствіе страшнаго паденія мѣдныхъ денегъ, и мы безъ дальнихъ объясненій понимаемъ, что иначе крестьяне поступить не могли. Но совершенно то же самое произошло передъ революціей 1917 года, изъ-за низкихъ твердыхъ цѣнъ на хлѣбъ и дороговизны всѣхъ другихъ предметовъ первой необходимости. Но тогда министръ земледѣлія А. Риттихъ, въ засѣданіи Государственной Думы отъ 14 февраля 17 года, обвинилъ крестьянство въ недостаткѣ патріотизма, требуя, чтобы оно продавало свои продукты, во имя интересовъ отечества, по баснословно низкой цѣнѣ и разорялось. Комментаріи излишни.

Особенности русскаго быта, неумѣніе и нежеланіе влить въ этотъ бытъ культурный опытъ западно-европейскихъ странъ, оторванность русской жизни отъ западно-европейскихъ образцовъ — воспитали въ русскомъ человѣкѣ духовную замкнутость, нелѣпую обособленность, отрицаніе общественнаго начала и узкій индивидуализмъ, способствуя общей разрозненности культурныхъ силъ страны, ослабляя государство, препятствуя прогрессивному усиленію его мощи. — Вотъ — типичныя явленія русской жизни, отъ которыхъ мы несвободны и до сихъ поръ.

Никто и никогда не занимался нашимъ гражданскимъ развитіемъ и общественнымъ воспитаніемъ, и въ этомъ отношеніи мы — простые недоросли. Напротивъ, малѣйшее проявленіе общественности душилось въ насъ правительствомъ самымъ энергичнымъ образомъ. А такъ какъ душили полицейскими мѣрами, то и загоняли болѣзнь внутрь.

Отсутствіе надлежащаго національнаго и личнаго воспитанія указываетъ на то, что перечисленные недостатки русскаго характера не могутъ быть сочтены за органическій его дефектъ : думать такъ — было бы ошибочно и пристрастно. Русскаго человѣка отнюдь нельзя обвинить въ несообщительности. Напротивъ, — его національный характеръ чрезвычайно сообщителенъ, открытъ, благожелателенъ, жизнерадостенъ и довѣрчивъ. И потому съ полнымъ правомъ мы должны сказать, что недостатокъ общественнаго стимула является лишь слѣдствіемъ сырости русскаго общества и русской государственной власти, а эта сырость должна быть разсматриваема въ качествѣ первичной исторической стадіи въ развитіи русской государственности и русской народности. Русская государственность, несмотря на свое многовѣковое прошлое, только теперь, послѣ изжитія русскимъ народомъ послѣдней Смуты, можетъ начать правильно развиваться, ибо теперь только русская исторія, какъ исторія русскаго народнаго правосознанія, впервые въ мукахъ рождается. Лишь по завершеніи этого внутренняго психическаго процесса русское народное самосознаніе выйдетъ изъ смуты духовно объединеннымъ и прочно спаяннымъ. Лишь бы только грядущіе государственные путеводители народа не повторяли ошибокъ послѣсмутнаго времени 17 столѣтія, лишь бы не задерживали свободнаго развитія народной жизни, не пытались замкнуть эту жизнь въ узкія рамки своихъ старыхъ классовыхъ взглядовъ, но позволили ей итти по новымъ національнымъ русламъ, ничего общаго не имѣющимъ ни съ революціоннымъ настоящимъ Россіи, ни съ прежнимъ дворянско-бюрократическимъ періодомъ Русской исторіи.

Процессъ внутренней духовной спайки совершается уже на нашихъ глазахъ. Въ немъ участвуютъ всѣ классы общества, происходитъ духовная созидательная, подготовительная работа всей націи. Только незначительная часть этой работы видна на поверхности жизни, большая же ея часть происходитъ въ подпочвенныхъ и подсознательныхъ тайникахъ народной души. Лишь тогда, когда завершится этотъ сложный и громоздкій психическій процессъ, — въ исторіи русскаго народа, быть можетъ впервые за все время его существованія, начнетъ расти и дѣйствовать истинная народная культура. Только тогда всѣмъ станетъ ясно, что наша историческая квазинеумѣлость и наша крупичатость, нашъ замкнутый индивидуализмъ — были лишь исторически подготовительной стадіей, показателемъ нашей расовой юности, ибо русскій народъ, какъ таковой, лишь собирается выйти на историческую арену дѣйствія изъ своего гражданскаго несовершеннолѣтія.

Вліяніе на Псково-Новгородскій мятежъ украинскаго національнаго движенія.

Въ то время, какъ происходилъ мятежъ Новгорода и Пскова, развивалось сильное народное движеніе на Польской Украйнѣ за осво-

божденіе православнаго населенія этой украйны отъ польскаго ига и отъ угнетенія православной вѣры.

Во главѣ движенія сталъ знаменитый гетманъ Богданъ Хмельницкій. Движеніе разрослось въ настоящую войну. Украинскіе гайдамаки съ озлобленіемъ и жестокостью вырѣзывали поголовно всѣ польскія административныя и помѣщичьи верхушки, съ женами пановъ и ихъ дѣтьми.

Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что украинско-польскія событія отразились на Псково-Новгородскомъ бунтѣ, какъ его возбудители. Псковъ и Новгородъ были крупнѣйшими русскими пограничными торговыми пунктами, имѣли постоянныя сношенія съ западомъ, откуда легко могла притти вѣсть и о возстаніи гайдамаковъ.

Хмельницкій и вся Польская Украйна не были враждебны Польскому королю, однако страстно ненавидѣли польскую шляхту. Этимъ украинское движеніе было похоже на русскіе бунты, направленные противъ боярства. Но разница была большая въ другомъ отношеніи: въ то время, какъ основой Псково-Новгородскаго бунта являлась борьба населенія за свои политическія и хозяйственныя права, противъ крѣпостного права и Московской системы управленія, — на Украйнѣ стимуломъ борьбы со шляхтетствомъ была выдвинута идея защиты православной вѣры.

Польскіе источники того времени говорили: „Чернь вооружается, увлекаясь свободою отъ работъ и податей, желая навѣки избавиться отъ пановъ“. — „Во всѣхъ городахъ и деревняхъ Хмельницкій избираетъ казаковъ, а нежелающихъ хватаютъ насильно, бьютъ, топятъ, грабятъ. Гораздо большая половина желаетъ покоя.“ Русскіе источники говорятъ иначе. —

— „Все, что было живо, поднялось въ казачество. Едва можно было найти въ селахъ семью, въ которой кто нибудь не пошелъ бы на войну. Если отецъ не могъ итти, то посылалъ сына или паробка, а въ иныхъ семьяхъ всѣ взрослые мужчины пошли, оставивъ только одного дома.“ Богданъ Хмельницкій этому движенію съумѣлъ придать идейный характеръ, отчего оно выиграло въ силѣ и объединенности.

Вліяніе Англійской революціи на русскій бунтъ.

Было и другое важное событіе, которое могло повліять на общереволюціонныя настроенія русскихъ народныхъ массъ. — Весною 1650 года Англійскіе послы въ Москвѣ сообщили царю Алексѣю Михайловичу, что Англійскій король, съ которымъ Русскій царь былъ въ весьма добрыхъ отношеніяхъ, казненъ (1649 г.), и въ Англіи революція. Думается, что это событіе могло стать извѣстнымъ въ Новгородѣ и Псковѣ даже раньше, чѣмъ въ Москвѣ, и должно было оказать несомнѣнное вліяніе на настроенія населенія.

Начало Псковскаго и Новгородскаго гиля 1650 года.

По Столбовскому мирному договору со Швеціей, было условлено выдавать перебѣжчиковъ изъ обоихъ государствъ. Но къ Швеціи отошли многія чисто Русскія Новгородскія земли, жители которыхъ бѣжали въ Россію, говоря, что не хотятъ переходить въ „Луторскую вѣру.“

Русское правительство сочло зазорнымъ выдать ихъ Шведамъ и договорилось съ послѣдними уплатить за перебѣжчиковъ деньгами и хлѣбомъ.

Такъ какъ въ Россіи въ это время былъ хлѣбный недородъ, то правительство послало во Псковъ гостя Емельянова, предписавъ ему закупить для Шведскаго правительства хлѣбъ. Но Емельяновъ сталъ пользоваться своими полномочіями для личнаго обогащенія и запретилъ Псковичамъ вывозить изъ города хлѣбъ, за исключеніемъ лишь купленнаго съ его, Емельянова, склада. Хлѣбъ, и безъ того вздорожавшій отъ неурожая, не замедлилъ еще подняться въ цѣнѣ, и это сулило Емельянову большіе доходы. Въ народѣ пошелъ ропотъ. Черные люди стали по кабакамъ толковать на политическія темы, говоря, что государствомъ правятъ бояре, что они „дружатъ нѣмцамъ“ (т. е. иноземцамъ), выдаютъ денежную казну и хлѣбъ Шведской королевѣ Кристинѣ и хотятъ „оголодить“ всю Россію.

Эти обстоятельства явились важной побудительной причиной для начала мятежа.

Въ описываемое время, въ февралѣ 1650 года, во Псковѣ узнали, что изъ Москвы ѣдетъ Шведскій агентъ Нуменсъ и везетъ 20.000 руб. денегъ, а изъ Псковскихъ царскихъ житницъ для него велѣно отпустить 11.000 четвертей хлѣба. Это были тѣ самыя деньги и тотъ самый хлѣбъ, которые шли въ платежъ Швеціи за выкупъ у нея русскихъ перебѣжчиковъ.

Воевода Собакинъ получилъ царскую грамоту о выдачѣ этого хлѣба. Народъ, узнавъ о грамотѣ, сталъ волноваться

27 февраля народъ собрался толпой и главари „завода“ явились за объясненіями къ Собакину. Собакинъ разъяснилъ имъ, что Нуменсъ ѣдетъ по распоряженію царя, и народъ разошелся. Но на слѣдующій день народъ вновь собрался у всегородной Избы. Заводчики кричали, чтобы хлѣба „нѣмцу“ не отпускать, пока не вернется снаряженное къ царю посольство.

Между тѣмъ, около Пскова показался Нуменсъ, въ саняхъ, въ сопровожденіи пристава. Послѣднее обстоятельство вполнѣ подтверждало оффиціальный характеръ поѣздки Нуменса. Однако, народъ на-

палъ на него. Нуменса хотѣли пытать. Допрашивали. Онъ показалъ то же, что и Собакинъ. Отобрали у него казну и положили ее въ съѣзжей Избѣ (административное управленіе), а Нуменса отвели на Снетогорское монастырское подворье подъ стражу изъ 5 поповъ, 5 посадскихъ людей и 20 стрѣльцовъ.

Воевода Собакинъ вызвалъ на помощь Архіепископа Макарія, который явился съ иконой св. Троицы и убѣждалъ народъ. Но народъ не соглашался отпустить „нѣмца“ съ казной и хлѣбомъ, пока не послѣдуетъ царскаго указа.

1 марта гилевщина выбрала на площади своихъ начальныхъ людей: подъячаго Томилку Слѣпого, стрѣльцовъ Прошку Козу и Сорокоума Копыто, во главѣ которыхъ сталъ земскій староста Гаврила Демидовъ.

Эти „начальники“ собрали народъ и приказали привести Нуменса. Ставъ вмѣстѣ съ нимъ на два громадныхъ пожарныхъ чана съ водой, покрытыхъ досками, допрашивали, громко „на весь міръ“ читали отобранныя у Нуменса грамоты, послѣ чего бумаги эти „всѣмъ міромъ“ положили въ коробьяхъ на Снетогорскомъ подворьѣ, а ненужныя письма вернули Нуменсу. Послѣ 3 марта постановили отправить челобитчиковъ въ Москву.

Гиль перекидывается въ Новгородъ.

Черезъ торговыхъ людей смутныя вѣсти перекинулись въ Новгородъ, куда въ это время пришелъ царскій указъ о скупкѣ хлѣба на государя, и бирючи стали вездѣ кликать, чтобы русскіе люди покупали хлѣба только для себя, не по многу, четвериками. Это взволновало народъ.

Пріѣхавшій изъ заграницы Новгородецъ Тетеринъ сталъ разсказывать, что „нѣмцы“ (т. е. Шведы) готовятся, и какъ только получатъ изъ Москвы казну, пойдутъ всѣ на Новгородъ. Начались толки: „Государь этого не знаетъ, отпускаютъ казну бояре.“

15 марта пріѣхалъ въ Новгородъ Датскій посланникъ Граббъ. Тогда стали говорить: „— вотъ и нѣмцы съ казною пріѣхали!“ Русскій толмачъ при Граббѣ сталъ разсказывать, что съ „нѣмцемъ“ изъ Москвы идетъ большая казна. Посадскій Елисей Лисица передъ земской Избой на площади сталъ кричать на весь міръ, что гость Семенъ Стояновъ провозитъ за рубежъ хлѣбъ и мясо, а „нѣмцы“ везутъ изъ Москвы большую денежную казну. Собралась толпа. Земскій староста, вмѣсто того, чтобы унять толпу, сталъ ея главаремъ. Грабба остановили и перво-на-перво избили. Посадскій Трофимъ Волкъ билъ его по щекамъ, проломилъ ему носъ, сидѣлъ на немъ верхомъ съ ножемъ и обобралъ его. Пожитковъ „нѣмца“ съ предполагаемой казной, однако, не тронули, а свезли на пушечный дворъ. Зато придрались къ случаю и разграбили дворы своихъ богатыхъ людей, которыхъ не любили за притѣсненія ими народа, взяли въ Земскую Избу съ Любскаго двора пріѣзжихъ торговыхъ нѣмцевъ, въ каменномъ городѣ отъ воротъ и отъ набата отбили караульщиковъ, — и сполошный колоколъ сталъ во всю заливаться. . .

Митрополитъ Никонъ и воевода князь Федоръ Хилковъ послали стрѣлецкихъ головъ унять гилевщиковъ, но стрѣлецкаго сотника Басенкова чуть не сбросили съ башни.

На слѣдующій день 16 марта снова загудѣлъ сполошный колоколъ, раздались крики: „Государь объ насъ не радѣетъ, деньгами помогаетъ и хлѣбомъ кормитъ нѣмеція земли!“ Но у мятежниковъ не было коновода, такъ какъ староста Гавриловъ изъ страха скрылся. Тогда нашли двухъ арестованныхъ, которые сидѣли за приставомъ: митрополичьяго приказнаго Ивана Жеглова да двоихъ дѣтей боярскихъ Макара и Федора Негодяевыхъ. Никонъ писалъ о нихъ царю, что они люди недобрые, хвалятся, что знаютъ все, что дѣлается въ палатахъ у царя и короля, выпуты у нихъ воровскія книги и тетради и отосланы въ Москву. Толпа съ шумомъ явилась въ Софійскій Соборъ, гдѣ находились митрополитъ Никонъ и князь Хилковъ, и отсюда отправилась освобождать Жеглова съ товарищами. Въ земской Избѣ составилось новое „правительство“. Имена его членовъ весьма колоритны: посадскій Елисей Лисица, Игнатій Молодожникъ, Никифоръ Хамовъ, Степанъ Трегубъ, Панкратій Шмара, Иванъ Оловяничникъ, стрѣлецкій пятидесятникъ Кирша Дьяволовъ, подъячій Гришка Аханатковъ, а во главѣ ихъ — Жегловъ.

Тогда митрополитъ Никонъ 17 марта, въ день Алексѣя Божія человѣка, день Ангела государя Алексѣя Михайловича, въ соборѣ св. Софіи, при большомъ стеченіи народа, поименно проклялъ всѣхъ новыхъ „правителей“.

Это было большимъ мужествомъ. — Въ отвѣтъ на проклятіе „правительства“, среди молящихся въ соборѣ поднялся ропотъ: — „Государь жалуетъ на свой Ангелъ, изъ тюремъ виноватыхъ распускаетъ, а митрополитъ въ такой-то праздникъ проклинаетъ! Но проклинаетъ онъ не одного Молодожника и Лисицу, а всѣхъ Новгородцевъ: у насъ у всѣхъ душа одна!“ Видимо, что душой всѣхъ Новгородцевъ являлось давно назрѣвшее неудовольствіе и раздраженіе на Московскую систему управленія.

Начало Новгородскаго гиля.

Раздраженіе, которое вызвалъ противъ себя Никонъ, не замедлили использовать гилевщики. Они ждали лишь предлога, который вскорѣ и представился. 19 марта съ Софійской стороны прибѣжалъ на торговую къ Съѣзжей Избѣ приставъ Гаврила Нестеровъ, по прозванію Колча, и крикнулъ: — „митрополитъ Никонъ и окольничій князь Федоръ — измѣнники!“

Это магическое слово, столь въ тѣ времена опасное, дошло до митрополита и воеводы, которые велѣли схватить Колчу. — Его били батогами и посадили въ тюрьму. Тогда въ Земскую Избу прибѣгаютъ отецъ и жена Колчи, съ крикомъ: „Міряне! Вступитесь! Митрополитъ и окольничій сына моего пытаютъ, бьютъ и огнемъ жгутъ!“

— Взволнованная толпа двинулась на Софійскій дворъ, въ которомъ заперлись митрополитъ и кн. Хилковъ. Толпа, подойдя къ

воротамъ, стала требовать освбожденія Колчи. Митрополитъ и Хилковъ согласились. Освобожденный Колча снялъ передъ народомъ свою рубашку и показалъ избитую спину. Тогда народъ разломалъ двери и ворвался въ покои митрополита.

Въ письмѣ своемъ къ царю Никонъ разсказываетъ, что когда толпа явилась къ Софійскому двору, онъ вышелъ къ народу и сталъ его увѣщевать. — „Но они меня ухватили со всякимъ безчестіемъ, ослопомъ въ грудь ударили и грудь расшибли, по бокамъ били кулаками и кампями, держа ихъ въ рукахъ, били и Софійскаго казначея старца Никандра, и дѣтей боярскихъ, которые были за мною.“ Дальше Никонъ описываетъ, какъ его повели къ Земской Избѣ, и по дорогѣ ему удалось уговорить гилевщиковъ отпустить его отслужить литургію въ церкви Знаменія Богородицы; какъ больной и избитый, онъ съ трудомъ и великимъ спѣхомъ службу служилъ, и назадъ, въ сани ввалясь, приволокся, и теперь лежитъ опухшій, кашляя кровью и готовясь къ смерти, и проситъ у царя позволенія посхимиться.

Гилевщиками въ Новгородѣ овладѣваетъ страхъ.

Однако, за вспышкой бунта, послѣдовалъ страхъ передъ государемъ и его ратями, которыя онъ, конечно, пришлетъ для усмиренія бунта. — Стали думать, чтобы всѣмъ міромъ крестъ цѣловать на томъ, что если государь пришлетъ въ Новгородъ обыскивать и казнить смертію, то всѣмъ стоять заодно и на казнь никого не выдавать, а коли казнить, такъ казнить всѣхъ, а жаловать — всѣхъ же“. Думали и во Псковъ послать „лучшихъ людей“, чтобы обоимъ городамъ стоять заодно, да по всѣмъ улицамъ поставили сторожей отъ гилевщиковъ, чтобы ничьихъ дворовъ больше не грабили. Жалѣли, что и въ первый день позволили грабить дворы, а грабили ихъ ярыжки, кабацкіе голыши и стрѣльцы, которые „голые же люди“. Самъ предводитель гиля Жегловъ чуялъ бѣду, но ничего подѣлать ужъ не могъ: сила была у вооруженной толпы стрѣльцовъ.

20 марта Жегловъ вызвалъ въ Земскую Избу дѣтей боярскихъ и приказалъ имъ приложить руки къ „записи“ (постановленію), что имъ съ мирскими людьми стоять заодно, чтобы не пропускать за рубежъ хлѣба и государевой казны. Но дворяне и дѣти боярскіе отвѣчали, что приложатъ руку къ челобитной на имя царя о неотпускѣ хлѣба и денегъ заграницу, а не къ „одиначной записи“, и ушли, не подписавъ. Стрѣльцы, казаки и худые посадскіе люди подняли шумъ и побѣжали вслѣдъ за дворянами, чтобы не пускать ихъ въ каменный городъ, но у моста толпу встрѣтили другіе стрѣльцы, не участвовавшіе въ гилѣ, и земскіе люди, и поворотили ее назадъ, говоря: „надобно и ту бѣду утушить, которую завели, а не новую заводить!“

Воровская челобитная царю.

Чтобы утушить бѣду, выбрали трехъ посадскихъ людей, двухъ стрѣльцовъ да одного казака, и отправили къ государю въ Москву съ дарами и челобитной, въ которой отъ имени всего Новгорода, духо-

венства, дворянъ, посадскихъ, стрѣльцовъ и казаковъ сообщали, что остановили Датскаго посла Грабба, потому-де, что онъ выѣзжалъ изъ Новгорода ночью, воровски, безъ пристава и толмача, что Граббъ и его люди почали шпагами колоть народъ, что Граббъ былъ допрошенъ и далъ обѣщаніе не жаловаться ни царю, ни королю, а слухъ есть, что шведскіе нѣмцы, получивъ царскую казну и хлѣбъ, пойдутъ подъ Великій Новгородъ и Псковъ, что они-де, Новгородцы, рады сложить свои головы за своего государя, просятъ не велѣть вывозить заграницу денежной и хлѣбной казны къ шведскимъ людямъ, и просятъ не вѣрить отписямъ митрополита и князя Хилкова, какъ ложнымъ, составленнымъ по злобѣ на народъ.

О кн. Хилковѣ гилевщики писали, что онъ по ночамъ отпускаетъ въ Швецію торговыхъ людей съ хлѣбомъ и мясомъ, и на заставахъ приказалъ по ночамъ возовъ съ товаромъ не осматривать, а тѣхъ стрѣльцовъ и караульщиковъ, которые будутъ осматривать, приказалъ нещадно бить кнутомъ. Будто кн. Хилковъ опечаталъ въ Новгородѣ всякаго рода людей печи и не даетъ имъ топить, отчего дѣти перемерзли и многія померли. Онъ же подговорилъ Никона проклясть Новгородцевъ въ день государева Ангела, безъ государева приказа и безъ патріаршаго. Митрополитъ не велитъ прикладывать священникамъ руку къ челобитной вмѣсто неграмотныхъ, и оттого въ Новгородѣ случилось большое смятеніе. Митрополитъ и Хилковъ мучили Колчу и отдали его народу „убитаго (избитаго) замертво". -- А за такое неистовство и проклятіе сила Божья Никона митрополята обличила: когда въ церкви Знаменія сталъ онъ говорить „свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ" — ударило его и всего раздробило. А Жеглова митрополитъ держалъ за приставомъ въ цѣпи и желѣзахъ, мучилъ его и на правежѣ билъ, и вымучилъ триста рублей. Что отъ многихъ митрополичьихъ неистовствъ въ міръ идетъ смута и смятеніе." Не забыла челобитная и шведовъ. — „По договору царскихъ пословъ съ думными людьми Шведской королевы, везутъ они изъ Москвы въ Шведскую землю государеву денежную казну по двадцати и по сорока тысячъ разными дорогами." — „Въ нынѣшнемъ 1650 году Московскій торговый человѣкъ Моисей Облѣзовъ купилъ въ Новгородской области хлѣбъ и рожь, чтобы отвезти тотъ хлѣбъ въ Швецію, а намъ никому купить не далъ, и мы всѣ отъ того обѣдняли и оголодали. А Шведы во всемъ мирный договоръ нарушили, православную христіанскую вѣру у русскихъ зарубежныхъ людей отняли, церкви Божіи осквернили, поповъ на Руси ставить не даютъ, а крестьянскихъ дѣтей крестятъ своими нѣмецкими попами въ своихъ киркахъ."

— „Князь же Хилковъ въ защиту русскихъ людей на зарубежныя заставы послалъ 300 стрѣльцовъ, но не далъ имъ ни пороху, ни свинцу, изъ чего ясно видно, что окольничій шведамъ норовитъ, а государевыхъ людей губитъ напрасно."

Со строкъ этого самобытнаго посланія на насъ вѣетъ народнымъ бытомъ 17 столѣтія, въ которомъ одновременно смѣшались и страхъ народа передъ царской властью съ вылазками дерзости и лжи, униженіе и болѣзненная мнительность съ задоромъ бунтующей черни,

льстивость съ хвастливостью. Нѣтъ сомнѣнія, что наряду съ очевидными вымыслами и преувеличеніями, грамота содержала также и правду. Она была составлена, повидимому, старымъ подъячимъ Колчей: князь Хилковъ писалъ тогда царю, что „приставъ Гаврилка Колча и отецъ его, площадной подъячій, за многія воровства биты кнутомъ и батогами."

Подъ вліяніемъ своей темноты, многочисленныхъ суевѣрій и страховъ, русскій простолюдинъ 17-го столѣтія не умѣлъ и не могъ правильно разбираться въ событіяхъ и вѣрилъ всякимъ вздорнымъ слухамъ, лишь бы они имѣли нѣкоторое внѣшнее правдоподобіе. Онъ легко переходилъ отъ состоянія покоя къ возмущенію, которое давало выходъ накопившимся въ немъ чувствамъ. Этими свойствами русскаго человѣка пользовались самозванцы, гилевщики, кабацкіе и мірскіе горланы. Начинанія этихъ людей имѣли въ народѣ успѣхъ по той причинѣ, что смута всегда бродила въ душѣ народа. Ея развитію содѣйствовала неустойчивость правительственной власти, особенно на окраинахъ, и присоединеніе къ бунту стрѣльцовъ — единственнаго регулярнаго войска.

Общественная дробность позволяла зачинщикамъ бунта и въ самомъ незначительномъ числѣ командовать всѣми остальными слоями населенія. Эта особенность, присущая не одной русской жизни, — сказалась у насъ и въ первыхъ успѣхахъ революціи 1917 г., когда большевикамъ удалось удержать въ рукахъ власть благодаря разрозненности русскихъ общественныхъ силъ.

Распоряженіе Москвы.

Но вѣсть о Новгородскихъ событіяхъ достигла Москвы раньше челобитной гилевщиковъ, и государь послалъ въ Новгородъ дворянина Соловцева съ грамотой, въ которой требовалъ отъ Новгородцевъ выдачи зачинщиковъ мятежа. Намъ это требованіе кажется преждевременнымъ.

Соловцевъ собралъ народъ въ Земскую избу и тамъ объявилъ волю государя, прочелъ и царскую грамоту. Тогда изъ толпы стали къ Соловцеву придираться и кричать: „Почему ты вѣдаешь, что въ государевой грамотѣ написано?" — Вопросъ былъ довольно глупый, но задавшіе его играли на чувствахъ подозрительности народа къ боярамъ и подъячимъ.

— „Грамота воровская!" — „А у насъ — воровъ нѣтъ, все добрые люди, а стоять всѣмъ заодно, за государя!" — „Грамоты воровскія, а не государевы. Вольно вамъ ночью писать хоть сто столбцовъ! . ."

Хилковъ, которому даже и мѣста не дали на собраніи, сказалъ: „Когда вы государевымъ грамотамъ не вѣрите, то чему ужъ больше вѣрить?" и пошелъ въ соборную церковь.

Арестъ царскаго посла.

Послѣ этого пошли толки, что грамота воровская, а Соловцевъ — не дворянинъ, а человѣкъ боярина Морозова: „надобно его задержать до тѣхъ поръ, пока наши челобитчики съ Москвы поѣдутъ поздорову.“ Соловцева задержали. Лучшіе люди въ отчаяніи говорили: „мочи нашей больше нѣтъ! . .“

— Считая себя морально правымъ, народъ думалъ, что эту правоту за нимъ признаетъ и царь.

Продолженіе гиля.

Въ Земской Избѣ написали запись „противъ государева приказа стоять заодно“, и начали силою и побоями приневоливать къ рукоприкладству. Никонъ и Хилковъ успѣли удержать многихъ, въ томъ числѣ священниковъ. А иные священники и добрые люди сбѣжали изъ города. Иные лучшіе люди согласились скорѣе сидѣть въ тюрьмѣ, чѣмъ подписывать запись. Опять стали обличать Хилкова. „Это — измѣнникъ, хочетъ Новгородъ сдать „нѣмцамъ“ по приказу Морозова. Взялъ посулъ у шведскаго посланника, — четвертную бочку золотыхъ, — изъ пороховой казны — зелье (т. е. порохъ) все выдалъ нѣмцамъ. Надобно у него городовую печать и казенные ключи взять, земскую казну осмотрѣть и по каменному городу пушки разставить на случай прихода Шведовъ“. — Это была клевета на воеводу и провокація бунта, прикрытая „шведами.“

Наконецъ, 3 марта, по уговорамъ Никона, Соловцева отпустили въ Москву. Соловцевъ разсказалъ, что онъ спрашивалъ Жеглова: „зачѣмъ ты дѣлаешь такое дурно?“ Тотъ отвѣчалъ: „это дѣло не я затѣялъ, я сижу тутъ неволею, взяли меня изъ цѣпей міромъ. А еслибы меня земскіе люди не взяли, то было бы еще хуже, потому что я унялъ смертное убійство и грабежъ, и датскаго посла не далъ до смерти убить.“ Была ли въ этихъ словахъ хоть доля правды?

Посылка въ Новгородъ невеликой рати.

Царь послалъ въ Новгородъ князя Ивана Никитича Хованскаго съ невеликой ратью, при приближеніи которой Жегловъ написалъ Хованскому заискивающее письмо, сваливая на Никона и князя Хилкова отвѣтственность за смуту и выставляя ихъ какъ ея единственныхъ виновниковъ. Намъ эти бездоказательныя обвиненія воеводы Хилкова начинаютъ уже пріѣдаться. Вѣроятно, также они дѣйствовали тогда и на власть.

Товарищъ Жеглова Федоръ Негодяевъ бѣжалъ къ Хованскому, который переправилъ его въ Москву. 15 апрѣля Хованскому былъ посланъ царскій указъ: въ городъ не входить, стать около и собирать ратныхъ людей, а къ Новгородцамъ послать съ уговорами. Въ отвѣтъ на эти уговоры Хованскій получилъ отъ Новгородскихъ стрѣльцовъ отвѣтъ, внушенный имъ гилевщикомъ Лисицей: — „мы боярина князя Хованскаго въ городъ не пустимъ, а если какая немѣра

будетъ, то мы, взявши знамена и барабаны, пойдемъ всѣ во Псковъ!“ Въ другой разъ они говорили: — „если Хованскій придетъ съ небольшими людьми, то мы его пустимъ, а если съ большими, — не пустимъ.“ Большая рать пугала бунтовщиковъ, а „невеликую“ они, видимо, думали заманить и перебить . . .

Отвѣтъ царя на воровскую челобитную.

Наконецъ, 17 апрѣля пришелъ царскій отвѣтъ на воровскую челобитную. Въ грамотѣ царь писалъ Новгородцамъ, что челобитная ихъ написана отъ имени дворянъ и дѣтей боярскихъ, но подписей ихъ тамъ нѣтъ и сдѣлано это воровствомъ. Государю доподлинно извѣстно и безъ ихъ воровского письма и оправданья, что въ Новгородѣ Датскаго посла и другихъ нѣмцевъ били, митрополита безчестили и били, окольничаго князя Хилкова лаяли и безчестили, городовые ключи отъ него отняли и „нашего государева повелѣнія ни въ чемъ не слушаете.“ — „Вы пишете, чтобы намъ казны и хлѣба въ Шведскую землю не отпускать, а мы, Великій Государь, съ Божіей помощью вѣдаемъ, какъ намъ государство наше оберегать и править.“ — „По вѣчному докончанію съ Шведскимъ королемъ, надобно было отдать всѣхъ перебѣжчиковъ, а довелось тѣхъ перебѣжчиковъ православныхъ христіанъ въ Шведскую сторону отдать въ Лутор-скую вѣру съ 50.000 душъ, и мы велѣли за нихъ отдать деньги 190.000, и въ то договорное число отпущено было съ Логиномъ Нуменсомъ только 20.000.“ — „Хотя бы вамъ въ хлѣбѣ и прямое оскудѣніе было, такъ вамъ надобно было бы бить челомъ намъ, Великому Государю, и мы бы приказали привезти къ вамъ хлѣба.“ — „Пишете, продолжаетъ царская грамота, что хлѣба и другихъ съѣстныхъ запасовъ продавать за рубежъ не велѣть, но тому статься нельзя, потому что между государствами ссылкѣ и всякой торговлѣ какъ не быть? — Если съ нашей стороны въ какихъ нибудь товарахъ заказъ (т. е. запретъ) учинить, то Шведы и сами никакихъ товаровъ на нашу сторону не повезутъ и въ томъ нашему государству будетъ оскудѣніе.“ — „Жалуетесь на митрополита, что проклиналъ: и то онъ учинилъ дѣло. Да еслибы онъ что иное учинилъ и не по дѣлу, то объ этомъ наше Государево разсмотрѣніе впередъ будетъ.“ — „А чтобы Шведскимъ нѣмцамъ итти подъ Новгородъ и Псковъ, и то нестаточное дѣло, потому что между нами и королевою вѣчное докончаніе.“ Мы видимъ, что грамота обстоятельно, шагъ за шагомъ разъясняетъ Новгородцамъ положеніе дѣла и терпѣливо опровергаетъ ихъ страхи, опасенія и преувеличенія. Дальше грамота соглашается даже смѣнить воеводу Хилкова и прислать новаго воеводу Буйносова.

— „Челобитчикамъ Новгородскимъ, пишетъ царь, хотя бы за ваши злыя вины учинить того и не довелось, — велѣли видѣть наши царскія очи и велѣли ихъ отпустить безъ всякаго оскорбленья.“ Поступокъ — очень благоразумный. — „Только стрѣльцу Кирилкѣ да посадскому человѣку Іевку Красильнику велѣно побыть въ Москвѣ до подлиннаго сыску, потому что были они съ ворами вмѣстѣ и въ Москвѣ въ рѣчахъ съ товарищами своими поразнились и говорили

ложныя рѣчи.“ Арестъ для допроса названныхъ двухъ лицъ грамота мягко называетъ: „велѣли побыть.“

— „И вы бы вины свои принесли и заводчиковъ отдали всѣхъ боярину нашему князю Хованскому.“ — „А что вы намъ прислали дары, и тѣхъ даровъ принять не довелось, потому что вы въ своихъ челобитныхъ вины своей намъ не принесли и воровъ не прислали.“

Вторая, болѣе рѣшительная грамота.

Однако, вслѣдъ за первой грамотой, въ тотъ же день была послана вторая, въ которой Новгородцамъ предлагалось категорически принести повинную и выдать заводчиковъ бунта, въ противномъ случаѣ уже грозилось послать въ Новгородъ рать немалую и учинить надъ Новгородомъ большое разореніе.

Двѣ различныхъ по своему духу грамоты, посланныя одна вслѣдъ другой, были проявленіемъ большого дипломатическаго искусства Москвы: видимо, правительство хорошо знало характеръ Новгородцевъ, на которыхъ, послѣ ласковаго увѣщанія, нужно было и прикрикнуть . .

И Новгородцы покорились.

Новгородцы покорились Хованскому и наступило успокоеніе. Никонъ писалъ царю, что къ нему приходили не одинъ разъ Новгородцы цѣлымъ городомъ и просили прощенія за оскорбленія и побои, сожалѣли о случившемся и плакали.

Главныхъ заводчиковъ Новгородскаго мятежа оказалось трое, другихъ активныхъ — 10, а всего бунтовало 212 человѣкъ.

Розыскомъ кн. Хованскаго было установлено, что мятежъ подняли трое: Волкъ, Жегловъ и Лисица. Волку публично отсѣкли голову, а потомъ сыскали заводчиковъ: старосту Андрюшку Гаврилова, Елисея Лисицу, Ивашку Жеглова, Игнашку Молодожника, Никифорку Хамова, Степку Трегуба, Панкрашку Шмару, площадного подъячаго Нестерку Микулина съ сыномъ Гаврилкою, площадного подъячаго Аханаткова, всѣхъ же объявилось въ воровствѣ 212 человѣкъ.

Судебная расправа.

Изъ Москвы пришелъ приговоръ: казнить смертію часть заводчиковъ, другихъ бить кнутомъ и сослать въ Астрахань, на Терекъ и др. мѣста, остальныхъ бить кнутомъ и батогами, и отдать на поруки.

Зато Псковскій мятежъ усиливается

Между тѣмъ во Псковѣ съ половины марта гиль усилился: преступники вышли на свободу, началось сильное воровство и душегубство. Какъ мы видимъ, методъ освобожденія тюремныхъ сидѣльцевъ не былъ у насъ неизвѣстенъ.

Царскій уполномоченный Арцыбашевъ.

Изъ Москвы былъ посланъ во Псковъ и Новгородъ — Новгородецъ Арцыбашевъ съ предписаніемъ болѣе не закупать въ этихъ городахъ хлѣба на государя. Исполнивъ порученіе въ Новгородѣ, Арцыбашевъ спокойно прибылъ во Псковъ. Но тутъ его задержали, поставили передъ Земскою Избою и стали допрашивать. Грамоты отняли, а между ними — отъ Новгородскаго воеводы князя Хилкова къ Псковскому архіепископу Макарію. Послѣдняя грамота послужила поводомъ къ новому гилю.

Архіепископа сажаютъ на цѣпь . . .

Ударили въ колокола, окружили архіепископа у Рыбницкихъ воротъ, когда онъ возвращался отъ обѣдни изъ Надолбина монастыря. — „Для чего списываешься съ Новгородскимъ воеводой?“ кричали гилевщики. — „По твоему письму Хилковъ послалъ нашихъ челобитчиковъ скованными въ Москву, а одного челобитчика подъ приказъ подкинулъ! . .“

— Архіепископъ отвѣчалъ, что писалъ Хилкову только о здоровьѣ. Отъ него начали требовать, чтобы онъ выдалъ сына боярскаго Турова, который вывелъ изъ города Емельянова, „друга иностранцевъ“. — Намъ извѣстно, что Емельяновъ велъ иностранную торговлю и принималъ на своемъ дворѣ иностранныхъ купцовъ. Гилевщики обвиняли его въ томъ, что онъ по ночамъ имѣетъ съ ними измѣнническія дѣла. —

Макарій отвѣчалъ, что Туровъ отъ него сбѣжалъ. Тогда Макарія схватили, начали его водить по площади и посадили въ богадѣльнѣ на цѣпь, гдѣ онъ просидѣлъ часъ и былъ отпущенъ только послѣ того, какъ далъ обѣщеніе къ 19 марта сыскать Турова.

Нуменса пытаютъ.

Послѣ этого — каждый день били въ набатъ, каждый день круги и совѣты. 21 марта опять вывели на площадь Нуменса, раздѣли и пытали полъ часа. Арцыбашевъ сидѣлъ въ тюрьмѣ на цѣпи. Его допрашивали: чей онъ холопъ, Морозова или Хилкова?

Арестъ Собакина заложникомъ.

— 25 марта на смѣну Собакину пріѣхалъ изъ Москвы новый воевода князь Василій Петровичъ Львовъ. Сдавши ему городъ, Собакинъ хотѣлъ уѣхать, но Псковичи его не пустили: „когда воротятся поздорову наши челобитчики изъ Москвы, тогда тебя и отпустимъ!“

Новый воевода.

28 марта къ новому воеводѣ кн. Львову пришли въ Съѣзжую Избу Псковичи и стали требовать свинцу и пороху. Львовъ спросилъ, для чего имъ это нужно, когда съ нѣмцами войны нѣтъ? Гилевщики отвѣчали, что боятся не нѣмцевъ, а Московскаго рубежа: по слухамъ, изъ Москвы „многіе служилые люди идутъ на Псковъ."

— „Али вамъ съ государемъ драться?" сказалъ Львовъ и отказался выдать свинецъ и порохъ. — „Развѣ, задавивъ меня, снять вамъ печать и ключи казенные!"

— Гилевщики закричали: „Съ ружьемъ, съ ружьемъ!" (т. е. къ оружію!). Поднялся страшный шумъ, загудѣли колокола, гилевщики окружили Львова, ругали и называли измѣнникомъ. Стрѣлецъ Ивашка Колчинъ махалъ топоромъ и грозился зарубить князя.

Львовъ снялъ со стѣны Спасовъ образъ и сталъ говорить: — „Православные христіане! Какого вы измѣнника во мнѣ нашли государю? Вотъ вамъ образъ что я не измѣнникъ государю! Порохъ и свинецъ берите силою, а волею я вамъ не дамъ." — Хитрый воевода подсказывалъ гилевщикамъ, что имъ нужно дѣлать, не покушаясь на его жизнь. —

Дѣйствительно: порохъ и свинецъ взяли силою, отняли и городовые ключи, а затѣмъ также силою взяли сыновей обоихъ воеводъ и заставили ихъ, какъ заложниковъ, итти въ Москву вмѣстѣ съ Псковскими челобитчиками, и эти заложники должны были всюду говорить, что челобитныя грамоты не у гилевщиковъ, а у нихъ, и если царь что либо сдѣлаетъ челобитчикамъ, то Псковичи побьютъ (убьютъ) воеводъ. Такимъ образомъ, Псковское возстаніе принимало характеръ бунта противъ царской власти.

Избіеніе князя Волконскаго.

30 марта для розыска пріѣхалъ во Псковъ окольничій князь Федоръ Федоровичъ Волконскій. Старосты провели его для постоя на пустой дворъ гостя Емальянова. Но едва объ этомъ узнали въ міру, какъ стали кричать:

— „Измѣнникъ! Сталъ на измѣнничьемъ дворѣ!"

Волконскій, по обычаю, отправился въ соборъ св. Троицы, но у Довмонтовой стѣны его окружила толпа съ крикомъ: — „Вотъ измѣнникъ! Убейте его каменьемъ! — Это былъ излюбленный способъ драки у Псковичей.

Волконскій успѣлъ вбѣжать въ соборъ, началъ прикладываться къ иконамъ, но толпа ворвалась за нимъ, схатила его за бороду и за волосы, и повела изъ церкви вонъ, а стрѣлецъ Жегара ударилъ его плитою, сынъ попа Заплевы хватилъ обушкомъ. . . Избитато, привели Волконскаго на площадь и поставили на чанъ. Спросили — „Съ чѣмъ ты во Псковъ пріѣхалъ?"

— „Съ чѣмъ присланъ, то и стану дѣлать!" отвѣчалъ съ достоинствомъ Волконскій.

Тогда взяли у него государеву грамоту и стали читать на весь міръ. Когда дочли до мѣста, гдѣ сказано было, что воровъ казнить, а инымъ наказанье чинить, и заводчики гиля были названы по именамъ, то заводчики закричали: —

— „Государь прислалъ казнить насъ, а мы здѣсь скорѣе казнимъ того, кто присланъ насъ казнить!“ и кинулись на Волконскаго съ топорами и пищалями. Но выборные люди не дали его убить, и князь былъ лишь раненъ въ голову топоркомъ.

Послѣ этого гилевщики привели и поставили на чанъ Собакина и порывались его убить. Въ это время изъ Новгорода вернулись Псковскіе казаки, посланные туда для вѣстей, и сообщили, что въ Новгородѣ мятежъ и гилеванье, и что Волконскій на дорогѣ во Псковъ жегъ какія-то бумаги.

Извѣстіе о мятежѣ въ Новгородѣ сильно ободрило гилевщиковъ. Загудѣлъ набатъ, Волконскаго снова вывели на площадь и спросили, какія бумаги онъ жегъ? Волконскій отвѣчалъ, что жегъ черновики своихъ писемъ къ государю о новгородскихъ дѣлахъ, — а вамъ, добавилъ Волконскій, до того дѣла нѣтъ. Но князю Волконскому не было помощи: изъ дворянъ къ нему во Псковъ никто не пріѣхалъ, а тѣ, кто находились въ городѣ, разбѣжались. У Волконскаго взяли племянника и силою отправили въ Москву, пригрозивъ князю: — „если не пошлешь, то мы тебя повѣсимъ на Ригинѣ горѣ.“

Псковскіе челобитчики въ Москвѣ.

Псковскіе челобитчики прибыли въ Москву. Въ челобитной гилевщики писали, что просили не отдавать хлѣба „нѣмцамъ“ до государева приказа, но Собакинъ грозилъ имъ ссылкой и смертной казнью, а Нуменсъ на допросѣ грозилъ войною. Полковникъ Крафертъ съ царскими послами во Псковѣ укрѣпленія разсматривалъ, а къ Емельянову во дворъ „нѣмцы“ пріѣзжаютъ. Емельяновъ былъ за воровство пытанъ, онъ у соляного пошлиннаго сбора вмѣстѣ съ подъячимъ Шешмаковымъ пошлины бралъ вдвое, втрое и впятеро, во всемъ у него дума съ Семеномъ Стояновымъ, поровитъ онъ нѣмцамъ, хвалитъ нѣмецкую вѣру и обо всякихъ вѣстяхъ пишетъ нѣмцамъ. Шведы будутъ подъ Новгородъ подъ Христовъ день, а подо Псковъ — въ Николинъ день или Троицынъ. Вотъ, почему они, Псковичи, и ключи городовые у воеводы взяли. Если же Шведская королева придетъ войною за неуплаченную ей денежную и хлѣбную казну, то они, Псковичи, противъ Шведовъ рады стоять. При прежнихъ царяхъ иноземцы не служивали. При царѣ Михаилѣ ратнымъ людямъ давали жалованье безъ убавки, а теперь у служивыхъ людей жалованье наполовину отнято, а инымъ и вовсе не даютъ. А которымъ служивымъ людямъ жалованье даютъ, то воеводы и подъячіе берутъ съ этого жалованья посуловъ (взятокъ) въ годъ рублей по 500 и болѣе, въ сроки жалованья не выдаютъ, а выдаютъ, поровя кабацкимъ откупщикамъ, подъ праздники, чтобы жалованье ложилось у кабацкихъ откупщиковъ. Собакинъ бралъ въ лавкахъ себѣ товары и заставлялъ ремесленныхъ людей насильно работы выполнять, а денегъ не пла-

тилъ. Сыновья Собакина многихъ женщинъ и дѣвицъ позорили. Посадскихъ людей, по сравненію съ крестьянами, обложили тяжелѣе въ семь разъ. Бояринъ Морозовъ, по словамъ челобитной, измѣнникъ, потому что хочетъ сдать Псковъ „нѣмцамъ“ безъ боя. Въ заключеніе просятъ прислать для подлиннаго сыска боярина Никиту Ивановича Романова.

Объясненія помѣщика Вельяминова.

Между тѣмъ, помѣщикъ Григорій Воронцовъ-Вельяминовъ сказалъ, что посланъ отъ своей братіи, дворянъ и дѣтей боярскихъ, бить челомъ въ своей страдничьей винѣ, въ томъ, что къ челобитной руки приложили по неволѣ, потому что мірскіе люди захватили насъ врознь, въ небольшомъ числѣ, а пущіе воры-заводчики, площадной подъячій Томилка Слѣпой, стрѣльцы Прошка Коза, Ивашка Копытовъ, Никита Сорокоумовъ, Андрюшка Савостьяновъ съ братомъ Ваською, Ивашка Колчинъ, Сенька Жегара и посадскіе люди: Добрынька Баньщикъ, Прохорка Мясникъ, Пашка Шапочникъ, два попа — Евсевій да Яковъ Заплева. Во Всегородной Избѣ у нихъ теперь сидятъ: староста Гаврилка Демидовъ да Михалка Мишницынъ, стрѣлецкіе пятидесятники Николька Сидоровъ, Парамошка Лукьяновъ, Федька Снырка, да казаки Ивашка Сахарный, Ивашка Хворый, и сидятъ поневолѣ Троицкій протопопъ Афанасій да ключарь Діонисій. Да тутъ же сидитъ Горгіевскій съ болота попъ Яковъ, единомышленникъ мятежниковъ, и тотъ ко всякимъ ихъ воровскимъ заводамъ и умыслу пристаетъ и думаетъ съ ними вмѣстѣ. Сидятъ многіе посадскіе люди, только къ воровству не пристаютъ: сидятъ молча.

Отвѣтная царская грамота.

Грамота эта тѣмъ интересна, что содержитъ въ себѣ ясное указаніе на то, что царь понялъ желаніе Псковичей принять участіе въ управленіи государствомъ.

Царь принялъ и выслушалъ челобитчиковъ и отправилъ ихъ назадъ со своею грамотой, въ которой разъяснялъ Псковичамъ настоящее положеніе дѣла и въ заключеніе требовалъ отъ нихъ покорности и грозилъ наказаніемъ. Царь писалъ: — „Холопи наши и сироты намъ, Великимъ Государямъ, никогда не указывали, и вамъ надобно было челомъ бить до нынѣшняго смятенія, а самимъ не управляться.“ По поводу иноземцевъ: — „Крафертъ у насъ въ вѣчномъ холопствѣ и подалъ намъ чертежъ, какъ укрѣплять Псковъ.“

—„Царю Ивану Васильевичу и отцу нашему служили цари и царевичи, и король Магнусъ, и многіе иноземцы.“ О присылкѣ боярина Романова: — „написали вы это по воровскому заводу. Намъ онъ — бояринъ, нашъ холопъ, служитъ съ своей братіей боярами вмѣстѣ, а недоброхота между боярами никого нѣтъ.“ — „При предкахъ нашихъ никогда не бывало, чтобы мужики съ боярами, окольничими и воеводами у расправныхъ дѣлъ были, и впередъ того не будетъ.“ — Если Псковичи не покорятся, то пойдутъ на нихъ бояринъ князь Алексѣй

Никитичъ Трубецкой да князь Михайла Петровичъ Пронскій „со многими ратными людьми и нарядомъ (пушками)."

Царская грамота Архіепископу Макарію.

Въ этой грамотѣ царь выставляетъ поведеніе Никона въ Новгородѣ образцовымъ, такъ какъ благодаря его, митрополита, радѣнья и князя Хованскаго службы Новгородцы „въ познанье пришли."

Князь Хованскій идетъ изъ Новгорода къ Пскову.

Князь Хованскій теперь уже шелъ на Псковъ. 28 мая онъ подошелъ къ нему и былъ встрѣченъ стрѣльбою изъ большого наряда, въ то же время многіе пѣшіе и конные люди вышли изъ города и стрѣляли изъ мелкаго ружья. Но Хованскій запретилъ своимъ людямъ отвѣчать, отвѣту не было.

Тогда Псковичи напали на обозъ Хованскаго и подхватили 6 телѣгъ съ имуществомъ Хованскаго. Удалось спасти только телѣгу съ разрядными дѣлами. Хованскій сталъ на Снетной горѣ и написалъ государю, что у него мало людей для осады, всего 2.700 человѣкъ, запасовъ нѣтъ, а уѣздные люди „воруютъ" заодно съ Псковичами, по дорогамъ людей хватаютъ и во Псковъ отводятъ, а хлѣбъ по лѣсамъ схоронили. Болѣе пяти дней стоять на Снетной горѣ не сможетъ, — корму для коней не будетъ.

Но Псковъ не сдается.

Псковичи были гораздо упорнѣе Новгородцевъ. Они говорили, что города не сдадутъ, что у нихъ хлѣба и запасовъ будетъ лѣтъ на десять, и они могутъ устоять и противъ большей силы. Написали въ Гдовъ, и Гдовцы „сложились" съ Псковичами заодно.

Возвращеніе Псковскихъ челобитчиковъ.

Наконецъ, изъ Москвы вернулись во Псковъ челобитчики и привезли царскую грамоту. — „Вы говорите это по наущенію измѣнниковъ!" закричала толпа, и одного изъ челобитчиковъ повели пытать, приговаривая: — „Зачѣмъ привезъ грамоту не отъ государя?" — Повидимому, толпа искреенне вѣрила, что челобитчики могли „измѣнить".

Слухи.

Рѣшимость гилевщиковъ продолжать бунтъ поддерживалась разсказами пріѣзжихъ изъ-за рубежа. Этимъ пріѣзжимъ на Литовской границѣ будто бы говорили литовцы, что Алексѣй Михайловичъ находится сейчасъ въ Польшѣ и выѣхалъ изъ Москвы самъ-шестъ, тому недѣль съ тридцать, что король его жалуетъ, и сами литовцы, разсказывавшіе это, будто бы видѣли его. Другіе передавали, что

„на городскихъ воротахъ Нейгаузена прибитъ щитъ, на которомъ изображена королева: какъ живая сидитъ, съ мечемъ! А внизу подъ нею наклонясь стоитъ праведный Государь Алексѣй Михайловичъ."

— „Стояли бы Псковичи противъ Хованскаго крѣпко, а государь будетъ въ казаками Донскими и Запорожскими подо Псковъ на выручку!" Третій разсказывалъ, что государя въ Москвѣ дѣйствительно нѣтъ: „подкатили подъ палату зелья (пороху), но государя спасла втайнѣ жена Морозова."

Да проститъ мнѣ читатель маленькое отступленіе, но въ дополненіе къ этимъ разсказамъ я прибавлю одинъ свой, современный, также довольно красочный.

Лѣтъ пять тому назадъ, одинъ старый русскій солдатъ клятвенно увѣрялъ меня, что „государь Николай второй живъ, находится въ Англіи, гдѣ скрывается „до времени". „Онъ объявится, когда въ Россіи „большинства" не станетъ." А въ подтвержденіе своихъ словъ старый солдатъ разсказалъ мнѣ подъ большимъ секретомъ слѣдующее:

— „Какъ наши русскіе солдатики послѣ Германской войны въ Расею ѣхали черезъ Лондонъ. . . Здѣся на станціи ихъ встрѣтилъ Англійскій король, а позади его стоялъ нашъ Николай, далъ всѣмъ солдатамъ по рублю и благодарилъ за службу." На мой вопросъ, откуда онъ это слышалъ, старый солдатъ успокоительно отвѣчалъ: „отъ вѣрныхъ людей".

— Между этимъ солдатомъ и Псковичами 1650 года прошло безъ малаго три столѣтія, но складъ мышленія остался одинъ. Разгадайте, читатель, какъ могли возникнуть такіе слухи и какимъ образомъ улеглись они въ сознаніи принявшихъ на вѣру ихъ людей? . .

Намъ кажется, что разгадка этого явленія кроется въ томъ заурядномъ фактѣ, что когда простой народъ упорно хочетъ во что нибудь вѣрить, то онъ вѣритъ въ самое чудесное и неправдоподобное. И какъ будто чѣмъ неправдоподобнѣе, чѣмъ дальше ото всякой жизненной логики уходитъ легенда, тѣмъ съ большей охотой ей вѣритъ народъ, какъ доказательству чуда или чародѣйства. Въ русскомъ народѣ живетъ большая вѣра въ конечное торжество правды, условіемъ которому является чудесное произволенье Бога.

Делегація во Псковъ отъ Хованскаго.

Хованскій послалъ во Псковъ делегацію изъ 12 человѣкъ — уговаривать Псковичей сдаться. Видимо, эти посланцы не обладали даромъ внушенія. Псковичи ихъ задержали и привели во Всегородную Избу, допрашивали порознь, затѣмъ ограбили, избили и называли измѣнниками.

— „У васъ, говорили они, въ помощь „нѣмцы". А если намъ, Псковичамъ, будетъ какая немѣра, то у насъ будутъ поляки для выручки". Приэтомъ, всѣхъ бояръ и думныхъ людей называли измѣнниками. Про Хованскаго кричали „Онъ Великій Новгородъ обманомъ взялъ, мы его въ котлѣ сваримъ да будемъ ѣсть!" — Такъ велика была ихъ ненависть къ боярамъ.

Грамоту Хованскаго прочли „на весь міръ“, на чанахъ, а дворянъ заперли. Послѣ полудня зазвонили въ колоколъ, собрался скопъ, стали думать, что дѣлать съ дворянами, и порѣшили: главу делегаціи Бестужева — убили, девять человѣкъ посадили въ тюрьму, а двоихъ отпустили назадъ къ Хованскому. Всѣмъ этимъ распоряжался староста Гаврила Демидовъ. Заводчики написали грамоту о помощи Литовскому королю, но міръ не согласился, и грамоты не отправили.

Борьба съ Хованскимъ.

Псковичи дѣлали вылазки и уничтожали передовыя укрѣпленія и острожки Хованскаго, не давая ему навести моста черезъ рѣку Великую. Хованскій доносилъ царю, что Псковичи надъ убитыми его ратными людьми ругаются, какъ и звѣрь не дѣлаетъ.

18 іюня послѣдовала новая большая вылазка Псковичей, которую Хованскій отбилъ, и гналъ Псковичей до самыхъ воротъ, побивъ до 300 человѣкъ, — по тому времени цифра значительная.

Торжественное посольство изъ Москвы.

Царь понималъ, что положеніе во Псковѣ становится серіознымъ. 4 го іюля во Псковъ было снаряжено большое посольство, состоявшее изъ епископа Коломенскаго Рафаила, Андроньевскаго архимандрита Сильвестра, Черниговскаго протопопа Михаила и выборныхъ государевыхъ людей отъ Земскаго Собора, — отъ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ Московскихъ и городовыхъ, гостей, гостинной и суконной сотенъ и торговыхъ черныхъ Московскихъ сотенъ.

Этому посольству было поручено уговорить Псковичей впустить въ городъ Хованскаго и выдать зачинщиковъ бунта. За это обѣщалось прощеніе, а въ противномъ случаѣ сообщалось, что самъ государь пойдетъ на нихъ и велитъ ихъ до конца разорить. Въ то же время царь приказалъ Хованскому писать тайно заводчикамъ мятежа, чтобы они сами свою вину принесли, изъ города ушли, и тогда имъ будетъ государева милость. Точно также приказано было тайно отписать и стрѣльцамъ Псковскимъ, чтобы они открыли ворота и впустили Хованскаго.

Но мятежъ растетъ.

Однако мятежъ не унимался, и Хованскій доносилъ, что Сумерской волости солдаты измѣнили, сложились съ Гдовцами заодно, и что у Псковичей положенъ срокъ: всѣмъ этимъ людямъ прибыть во Псковъ до Ильина дня.

—„ И если такая многая пѣхота придетъ, то чаемъ всякаго худа отъ нашего малолюдства. Изборяне измѣнили, сложились съ Псковичами.“ Бунтъ быстро расширялся.

Сзывается Земскій Соборъ.

Не удовольствовавшись назначеніемъ посольства, 26 іюля государь указалъ быть Земскому Собору для сужденія о Псковскомъ воровствѣ, и на Соборѣ быть боярамъ, окольничимъ и т. д., изъ городовъ — дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, Московскимъ гостямъ, гостинной, суконной и черной сотенъ торговымъ людямъ и стрѣльцамъ. Быть изъ гостинной и суконной сотенъ старостамъ по 5 человѣкъ, а изъ черныхъ сотенъ по сотскому.

На Соборѣ „совѣтнымъ людямъ“ разсказали о поведеніи Псковичей, какъ они, выходя изъ города, разоряютъ дома дворянъ и дѣтей боярскихъ, женъ и дѣтей ихъ побиваютъ и надъ дворянами ругаются, груди вспарываютъ и, горла перерѣзавъ, языки вытаскиваютъ. Въ уѣздѣ побили помѣщиковъ Авдѣя Бѣшенцова, жену его и дѣтей, сожгли и убили Неклюдова, Ногина и Псковскаго гостя Никулу Хазина, приходятъ и въ Шелонскую пятину, бьютъ (убиваютъ) помѣщиковъ. . . Все это мало чѣмъ отличается отъ Смутнаго Времени, а съ другой стороны и отъ знаменитаго 1917 года.

Инструкціи епископу Рафаилу.

Епископу Рафаилу былъ посланъ указъ: не требовать выдачи заводчиковъ гиля, уговаривать Псковичей вины свои принести и обѣщать имъ, что если покорятся и государю крестъ поцѣлуютъ, то князь Хованскій немедленно отступитъ отъ Пскова въ Новгородъ. Не требовать выдачи главныхъ бунтовщиковъ посовѣтовалъ Никонъ.

Письмо Никона Псковичамъ.

Еще въ началѣ мая Никонъ посылалъ къ Псковичамъ изъ Софійскаго дома стряпчаго Сназина уговаривать Псковичей. Сназина привели во всегородную Избу, взяли у него грамоты, распечатали и прочли, и велѣли бить въ сполошный колоколъ. Собравшемуся народу прочли митрополичьи грамоты. Тогда Псковичи стали бранить Никона: — „Его мы отписокъ не слушаемъ, будетъ съ него и того, что Новгородъ обманулъ. А мы — не Новгородцы, повинныхъ намъ Государю не посылать, и вины никакой надъ собою не вѣдаемъ.“ Сназина сначала сковали, а потомъ отпустили съ отвѣтомъ, чтобы митрополитъ впредь имъ не писалъ. — „А кого пошлетъ, тому отпуску не будетъ.“

Письма Никона царю.

Никонъ, описывая безчинства гиля и трудное положеніе дворянства, просилъ у царя дать милость (пощадить) четыремъ глав-

нымъ Псковскимъ ворамъ, „чтобы Великому Новгороду и его уѣзду въ конечномъ разореніи не быть.“ Никонъ писалъ, что Хованскій въ нарушеніе обѣщанія никого въ Новгородѣ не наказывать — разсажалъ Новгородскихъ воровъ по тюрьмамъ, и, это слыша, Псковскіе воры никакому увѣщанію не вѣрятъ: „и намъ то же будетъ.“

Причина мягкости власти.

Нерѣшительность и мягкость Московской власти, думаетъ С. М. Соловьевъ, проистекали отъ сознанія опасности мятежа въ самой Москвѣ. Это былъ своего рода 1905 ый революціонный годъ, когда броженіе шло повсюду и мятежныя вспышки указывали на всеобщую зрѣлость къ бунту. Но на окраинахъ государства бунтъ могъ подогрѣваться и извнѣ.

Осада Пскова продолжается.

12 іюля Псковичи, послѣ сильной вылазки противъ Хованскаго, отступили, потерявъ знамена, пушки и снова болѣе 300 людей.

Архіепископа Макарія вторично сажаютъ на цѣпь.

Заводчики были сильно недовольны на Макарія за то, что онъ не примыкалъ къ гилю. Придя въ соборную церковь, съ оружіемъ и крикомъ: „почему велѣлъ ты своимъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ не участвовать въ вылазкахъ противъ Хованскаго?“ — уже грозили ему смертію.

Архіепископъ увѣщевалъ Псковичей прекратить мятежъ и нѣкоторымъ изъ нихъ прочелъ изъ Псковского лѣтописца статью, гдѣ подъ сильными клятвами (угрозами проклятія) говорилось, чтобы отъ своего государя въ городѣ не затворяться и рукъ противъ него не поднимать.

Тогда выборные пришли во Всегородную Избу, велѣли слова Макарія записать, зазвонили въ колоколъ и прочли ихъ при всемъ народѣ. Послѣ того архіепископа взяли изъ церкви во время службы, посадили въ богадѣльню и положили на него большую цѣпь, но вскорѣ отпустили, чтобы встрѣчать посольство епископа Рафаила. — Какая экзотическая смѣсь религіозности и неуваженія къ носителямъ той же религіи! Это явленіе мы позднѣе увидимъ и въ Петрѣ Великомъ. Но тогда мы получимъ ему объясненіе.

Прибытіе посольства отъ Земскаго Собора.

17 августа посольство Рафаила имѣло торжественный входъ во Псковъ. Его встрѣтилъ за городомъ Архіепископъ Макарій съ духовенствомъ, иконами и народомъ. Въ Троицкомъ соборѣ пѣли молебенъ, читали государеву грамоту, а на другой день Псковичи объ-

явили епископу Рафаилу, что приносятъ свои вины государю и готовы крестъ цѣловать. 20-го августа цѣловали крестъ старосты и лучшіе люди.

Но послѣ обѣда началось волненіе: Псковичи стали волноваться, что признали за собою многочисленныя преступленія, совершенныя не всѣми ими, а лишь нѣкоторыми. — „Тотъ бы и крестъ цѣловалъ, — а мы не хотимъ!“

Этимъ обстоятельствомъ немедля воспользовались гилевщики и стали подстрекать народъ не цѣловать креста въ повинной, выкрикивая про царя „рѣчи, уму человѣческому невмѣстныя“.

Успокоеніе.

Однако, на слѣдующій день, при продолженіи цѣлованія креста въ соборѣ, Рафаилу удалось уговорить и успокоить народъ. — „Какъ же, говорилъ онъ, вы прежде утверждали, что воровъ и заводчиковъ у васъ нѣтъ, что вы всѣ виноваты, а теперь запираетесь и складываете вину на немногихъ?“

— Всѣ цѣловали крестъ, и въ Москву были отправлены челобитчики съ повинной, Рафаилъ же объявилъ царскимъ именемъ прощеніе.

Однако, лучшіе люди, одержавшіе верхъ, начали управляться съ заводчиками, хватать и сажать ихъ въ тюрьму. Это едва не вызвало новаго мятежа. Но вернулись челобитчики, пришла отъ государя и грамота: государь объявлялъ Пскову милость (прощеніе)!

Затѣмъ царь созвалъ участниковъ Земскаго Собора 26 іюля и объявилъ имъ: Псковичи вины свои принесли, присягу дали, и мы ихъ прощаемъ.

Такъ, наконецъ, окончился знаменитый Псковскій бунтъ 1650 года.

Резюмэ.

Въ предисловіи къ Псково-Новгородскому бунту были уже приведены причины его возникновенія. Далеко не все непонятно по своему кажущемуся безсмыслію въ этомъ бунтѣ. Напротивъ, мы являемся въ немъ наблюдателями сложныхъ явленій народной жизни, и каждое изъ нихъ имѣетъ свои опредѣленныя причины возникновенія.

Въ нарисованныхъ нами картинахъ бунта есть одинъ общій фонъ, и на немъ выдѣляются дѣйствующія лица, каждое плетущія свой узоръ.

— Каковъ же этотъ фонъ? —

— Уже изъ того, какъ возбуждающе дѣйствовали въ Новгородѣ и Псковѣ извѣстія объ отправкахъ за рубежъ казенныхъ денегъ и хлѣба, можно понять, что фономъ событій бунта служила бѣдность низшихъ классовъ населенія, испытывавшихъ острую нужду въ самомъ необходимомъ. Къ этому присоединился и неурожай того года.

Вспомнимъ высоту налоговъ послѣсмутнаго времени, ухищренія зажиточныхъ классовъ, старавшихся переложить съ себя налоговое бремя на плечи бѣднѣйшей части населенія, вспомнимъ тотъ хозяйственный и финансовый тупикъ, въ который попала тогда Московская власть благодаря разоренію, собственной неумѣлости и общей недобросовѣстности русскихъ людей, — и мы поймемъ, что часть городского населенія дѣйствительно находилась на краю полнаго разоренія и нищеты.

Что касается крестьянъ, то усиленіе крѣпостного права и связанныхъ съ нимъ повинностей, ихъ многочисленность, разнообразіе, неравномѣрность и неопредѣленность — ложились невыносимымъ бременемъ не только на крестьянъ частновладѣльческихъ, но и на государственныхъ. Къ этому присоединялись еще взятки и произволъ воеводъ, приказныхъ и боярства. Деревня, при такихъ условіяхъ, также была близка къ отчаянію.

Въ описываемую эпоху воеводы назначались на три года, безъ жалованья. Между тѣмъ, для того, чтобы получить воеводство, имъ уже приходилось тратить большія средства на взятки въ приказахъ, и потому эти лица смотрѣли на свою должность исключительно какъ на средство наживы, торопясь не только вернуть всѣ свои затраты, но путемъ „кормленія“ поскорѣе нажиться, и потому, говоритъ Костомаровъ, они не останавливались ни передъ какими злоупотребленіями. Притомъ, чѣмъ больше воевода грабилъ народъ, тѣмъ у него являлось и больше средствъ остаться безнаказаннымъ, откупившись отъ наказанія.

Судъ воеводъ былъ продаженъ : кто давалъ имъ взятки и „поминки“, тотъ былъ и правъ. Не было преступленія, которое не оставалось безъ наказанія за деньги. А невинному, но бѣдному человѣку и безъ преступленія всегда можно было попасть въ большую бѣду : у воеводъ была обязанность политическаго наблюденія за благонадежностью населенія, и это открывало имъ широкія возможности. Воеводы били посадскихъ людей „безъ сыску и вины“, сажали въ тюрьмы, мучили на правежахъ и придирались, задерживали въ дорогѣ торговыхъ людей, обирали ихъ, сами учили ябедниковъ заводить тяжбы, чтобы содрать какъ можно больше съ отвѣтчиковъ.

Земскіе старосты и цѣловальники въ посадахъ и волостяхъ не могли остановить злоупотребленій воеводъ : они сами находились подъ ихъ надзоромъ, такъ какъ воеводамъ было приказано „оборонять людей отъ мужиковъ-горлановъ.“ Выборные, завѣдывавшіе болѣе значительными дѣлами, были изъ числа „лучшихъ людей“ : они старались жить съ воеводами въ мирѣ и потакали ихъ незаконнымъ дѣйствіямъ, а болѣе бѣдные назначались на низшія должности, которыя только отвлекали ихъ отъ своего дѣла и доставляли убытки, ибо на нихъ падала личная отвѣтственность за всякій причиненный казнѣ ущербъ, между тѣмъ, какъ „лучшіе люди“ такой отвѣтственности не несли, а за нихъ отвѣчалъ тяглый міръ.

Продажа напитковъ отдавалась казной на откупъ : откупщики, заплативъ впередъ казнѣ за откупъ, всѣми силами старались вернуть свои деньги и нажиться, превративъ кабакъ въ мѣсто всяческаго плутовства и беззаконія. Лишь въ 1652 году кабаки, по настоянію патріарха Никона, были замѣнены казенными „кружечными дворами“, откуда вино отпускалось только на выносъ. Эти лавки не отдавались на откупъ, а содержались самой казной при помощи „вѣрныхъ головъ“ и „цѣловальниковъ“, занимавшихся куреніемъ вина и выбранныхъ для этого изъ числа „лучшихъ людей“.

Изо всего этого обнаруживается далеко не привлекательная роль „лучшихъ людей“.

Въ 1653 году, по челобитью торговыхъ людей, заведена была „рублевая пошлина“, по 10 денегъ съ рубля : каждый купецъ, при покупкѣ товара, платилъ 5 денегъ, а при его продажѣ — еще 5 денегъ съ рубля. Налогъ этотъ вводился вмѣсто многихъ мелкихъ пошлинъ, хотя и не всѣхъ.

Въ 1654 году, по совѣту Никона, были уничтожены откупа на пошлину на перевозахъ, съ телѣтъ, съ рыбы, кваса, масла, сѣна и др., заведенную въ волостяхъ и посадахъ частными владѣльцами. Царская грамота обзывала эти пошлины „злодѣйствомъ“.

Возникновенію Псково-Новгородскаго бунта содѣйствовали вѣсти изъ Москвы о злоупотребленіяхъ Морозова и другихъ сильныхъ людей, и объ успѣхѣ Московскаго возмущенія 1648 года. Въ народѣ наростала ненависть къ боярамъ и приказнымъ, и рождалось сомнѣніе въ самомъ царѣ.

Но во Псковѣ и Новгородѣ существовали и свои особенныя причины, способствовавшія болѣе легкому возникновенію бунта : оторван-

ность отъ Москвы и затруднительность для центральной власти обороться съ возстаніемъ на окраинахъ, чувство особенной беззащитности населенія отъ произвола воеводъ, которые вдали отъ царской власти еще болѣе круто проявляли свою власть, наконецъ ощущеніе опасности отъ внѣшнихъ враговъ: Литвы, Польши и особенно въ ту пору — Швеціи.

Мы уже знаемъ, что часть русскаго населенія сѣверо-западной окраины попала подъ власть Швеціи, откуда неслись вопли о денаціонализаціи и принужденіи перехода въ „Луторскую вѣру". Эти люди, побросавъ свое имущество, бѣжали въ Россію. Они не могли не вызывать къ себѣ сочувствія русскаго народа, а ихъ злоключенія дѣлали русскихъ людей сѣверо-западныхъ окраинъ особенно подозрительными и нервно напряженными въ отношеніи Швеціи. Но и сама Швеція, искавшая пріобрѣтенія русскихъ территорій, давала основанія къ такой подозрительности. Это была важная психическая причина, способствовавшая возникновенію въ Новгородѣ и Псковѣ смуты.

Преувеличенные, фантастическіе слухи начинали бродить среди Псковичей и Новгородцевъ, и вѣра въ самое невозможное была тѣмъ сильнѣе, чѣмъ невѣроятнѣе былъ возникшій слухъ. Вспомнимъ, что въ 17 ст. не было ни газетъ, ни общедоступныхъ почтовыхъ сообщеній, въ особенности съ заграницей. И если въ наше время средній обыватель составляетъ себѣ мнѣніе о политическихъ и др. событіяхъ по газетамъ, часто принимая на вѣру газетную сенсацію, — то почему этимъ сенсаціямъ не вѣрить, если онѣ вмѣсто печатной газеты передавались живыми свидѣтелями: купцами, проѣзжими, наконецъ разными бѣглыми бродячими людьми, которые въ 17 столѣтіи замѣняли собою газету? Не кажется ли намъ, что разсказъ такихъ лицъ, уснащенный подробностями, еще сильнѣе долженъ былъ дѣйствовать на слушателей, нежели современная газета?

Необходимо учесть и вольнолюбивый характеръ Псковичей и Новгородцевъ, не пережившихъ татарскаго ига, ихъ задоръ и упрямство, доставшіеся имъ отъ крикливаго, безтолковаго, но свободнаго вѣчевого строя этихъ старыхъ республикъ, ихъ явное стремленіе получить участіе въ дѣлахъ государственнаго управленія.

Отсутствіе общественной спайки заставляло болѣе спокойную и матеріально обезпеченную часть общества подчиняться маленькой кучкѣ заводчиковъ гиля, тогдашнихъ террористовъ. Но „лучшіе люди" должны были подчиняться гилю и потому, что на его сторонѣ оказывалась вооруженная сила стрѣльцовъ.

Главарями бунта всегда являлись два—три человѣка, собиравшіе около себя дюжину отчаянныхъ головъ. Это была голь кабацкая перекатная, большею частью люди, наказанные за различныя преступленія. Терять имъ было нечего. Они давно отстали отъ труда, облѣнились, ненавидѣли высшіе классы и мечтали о грабежѣ и разгулѣ. На активныя дѣйствія ихъ подзадоривали извѣстія о Московскомъ бунтѣ, о грабежахъ на Украйнѣ, разсказы пріѣзжихъ торговыхъ людей и ихъ слугъ объ англійской революціи, ихъ оторванность отъ Москвы, связь со стрѣльцами, этими полуказаками, своевольными, буйными и недисциплинированными воинами.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать еще, что русскій бунтъ поднимала бѣднѣйшая часть населенія, наиболѣе умственно отсталая. Когда разгорались страсти, изъ этой низшей народной массы наружу выходили наихудшіе стадные инстинкты: ненависть, жажда разрушенія, кровожадность.

У заправилъ тогдашняго гиля отсутствуетъ логическій планъ дѣйствій, у нихъ нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ и положительныхъ общественныхъ или политическихъ идеаловъ, они сами твердо не знаютъ, чего добиваются бунтомъ. Не засматривая слишкомъ впередъ, — они лишь сознаютъ въ себѣ стремленіе хоть временно избавиться отъ постылаго боярско-приказнаго гнета и, несмотря на совершаемыя ими самими въ теченіе бунта вопіющія насилія, въ нихъ продолжаетъ жить неясная и странная надежда на то, что царь, какъ добрый и всепрощающій отецъ, склонитъ къ нимъ свое ухо, выслушаетъ ихъ жалобы на горькую участь и признаетъ ихъ правоту. Совершенно та же психологія, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, была у Пугачева, до самой послѣдней минуты не вѣрившаго, что императрица Екатерина можетъ приказать казнить его, столь большого заступника народныхъ нуждъ.

Для начала гиля, его предводители обычно пользовались общей нелюбовью русскихъ людей къ иноземцамъ и разжигали противъ нихъ вражду. И лишь затѣмъ, начавшись съ движенія противъ иностранцевъ, русскій бунтъ переходилъ въ погромъ собственныхъ именитыхъ гражданъ и возстаніе противъ существующаго соціальнаго строя.

Среди вожаковъ русскаго бунта Вы не найдете ни одного, кто обстоятельно и дальновидно умѣлъ бы формулировать желанія народа, направивъ эти желанія въ извѣстное русло, что позволило бы правительству удовлетворить разумныя и выполнимыя требованія народа.

Выставляемыя бунтовщиками требованія обычно были невыполнимы и анархичны, и заводчики гиля бунтовали не ради дѣйствительнаго улучшенія состоянія народа, а ради разрушенія и во имя своей кипучей классовой ненависти, которая накопилась въ ихъ душѣ за долгій періодъ приниженія и рабства. Оттого русскій бунтъ всегда являлся простымъ взрывомъ отчаянія и злобы и никогда не могъ вести къ созиданію народомъ новыхъ, лучшихъ формъ общественной жизни.

Во Псковѣ и Новгородѣ, какъ было указано нами, велика была тяга къ возрожденію первобытнаго удѣльно-вѣчевого строя. Ту же идею вѣчевой свободы и вольности позднѣе осуществилъ Разинъ въ своихъ кругахъ и совѣтахъ. Разинъ вдохнулъ въ эти вѣчевые устои буйный казачій духъ, но сумѣлъ ли онъ придать этой старой идеѣ государственный смыслъ, — мы увидимъ ниже.

Московскій бунтъ 1654 г. во время чумы.

Въ 1654 году во время „морового повѣтрія“ — чумы, въ Москвѣ былъ бунтъ на религіозной почвѣ, вызванный распоряженіями патріарха Никона объ исправленіи иконъ и церковныхъ книгъ.

— По распоряженію, Никона, у народа отбирали иконы, написанныя неправильно, съ досокъ соскабливали изображенія святыхъ, послѣ чего доски возвращались населенію для новаго написанія иконъ. Конечно, подобная грубая и насильственная мѣра должна была вызвать народныя волненія.

Но не меньшее негодованіе Никонъ возбудилъ противъ себя неудачнымъ исправленіемъ богослужебныхъ книгъ, подвергая суровымъ наказаніямъ всѣхъ, кто не соглашался съ правильностью этихъ исправленій.

— Нужно замѣтить, что по обстоятельствамъ эпохи — некультурности общества и отсутствію образованныхъ кадровъ исправителей — подобное исправленіе было вообще трудно осуществить. Никонъ не смогъ правильно организовать дѣло исправленія, исправители не придерживались въ своихъ работахъ единообразія, вновь внося въ исправляемыя книги искаженія, которыя зависѣли отъ ихъ личныхъ точекъ зрѣнія на исправляемые тексты.

Народъ волновался и говорилъ, что нечестіе патріарха ведетъ къ конечной гибели всего народа, который несетъ за патріарха наказаніе въ видѣ чумного повѣтрія. Насколько было ужасно это повѣтріе, мы можемъ видѣть изъ слѣдующихъ цифръ. —

Такъ, въ Московскомъ Чудовомъ монастырѣ умерло монаховъ 182 человѣка, а въ живыхъ осталось лишь 26. Въ Вознесенскомъ женскомъ монастырѣ монахинь умерло 90, а въ живыхъ осталось 38. Въ Ивановскомъ монастырѣ умерло 100, въ живыхъ осталось 30. У боярина Морозова дворни умерло 343 человѣка, а выжило 19. У князя Алексѣя Никитича Трубецкого умерло 270, осталось 8. Въ черныхъ сотняхъ и слободахъ Московскихъ: въ Кузнецкой умерло 173, осталось 32, въ Новгородской сотнѣ — 438, осталось 72. Въ Нижнемъ Новгородѣ умерло 1836 чел., а въ уѣздѣ 3666, въ Костромѣ умерло 3247, въ Калугѣ — 1836 и осталось 777, въ Тулѣ умерло 1808, осталось 760 лицъ мужескаго пола . . . Бѣдствіе страшное.

Еще при царѣ Михаилѣ Федоровичѣ появились у насъ первые исправители церковныхъ книгъ, люди, стоявшіе по своему просвѣщенію выше своей среды. Они первые обратили вниманіе на грубыя ошибки въ книгахъ, вкравшіяся благодаря многолѣтней ихъ рукописной перепискѣ малограмотными переписчиками. Богослужебныя книги не только стали разниться между собою по эпохамъ ихъ переписки, но и по мѣстамъ, такъ какъ каждая русская область созда-

вала свои особенности при перепискѣ книгъ. Такимъ образомъ, появилась настойчивая необходимость исправить книги, вѣрнѣе — вновь ихъ написать и издать для всеобщаго пользованія.

Неудача приглашенныхъ для этого дѣла исправителей заключалась въ томъ, что къ исправителямъ просвѣщеннымъ, за ихъ недостаткомъ, присоединились и исправители невѣжественные, и они вносили въ книги новыя искаженія. Таковы были царскій духовникъ протопопъ Вонифатьевъ, ключарь Успенскаго собора Нероновъ, знаменитый протопопъ Аввакумъ и др. Они внесли въ церковныя книги утвердившееся еще въ 16 столѣтіи и внесенное въ Стоглавъ ученіе о сугубой аллилуіи и двуперстномъ крестномъ знаменіи. Патріархъ Іосифъ крестился двумя перстами, такъ же и самъ Никонъ въ началѣ своего патріаршества, такъ что двуперстіе сдѣлалось господствующимъ въ Московскомъ государствѣ, и сразу отъ него отстать и перейти къ трехперстію, какъ того захотѣлъ Никонъ, было невозможно.

Въ тѣ времена въ глаза бросался богослужебный хаосъ: въ церквахъ пѣли и читали сразу въ два, три и больше голосовъ, такъ что ничего нельзя было разобрать. Ртищевъ сильно возставалъ противъ такого порядка, и послѣдователемъ Ртищева былъ Нероновъ: оба уговаривали Московскихъ священниковъ ввести „единогласіе". Наконецъ, единогласіе было достигнуто: выписали пѣвчихъ изъ Малороссіи, и оттуда же явился обычай произнесенія проповѣди, котораго Москва раньше не знала. Но единогласіе и церковная проповѣдь вызвали негодованіе приверженцевъ старины.

Чрезъ годъ по вступленіи Никона въ патріаршество, онъ убѣдился, что книги при исправленіи испорчены. Въ началѣ 1654 года патріархъ собралъ Соборъ, на которомъ указывалъ разницу въ текстахъ русскихъ печатныхъ книгъ съ греческими и съ древними рукописями славянскими, и предложилъ вопросъ: слѣдовать ли нашимъ новымъ печатнымъ служебникамъ или же греческимъ и нашимъ старымъ? Большинство отвѣтило въ пользу старыхъ и греческихъ книгъ. Но противъ этого возстали исправители, чье самолюбіе было задѣто. Они были арестованы и сосланы . . .

Новое исправленіе книгъ было поручено Епифанію съ товарищами и греческому ученому старцу монаху Арсенію, котораго Никонъ вызвалъ изъ Соловокъ, гдѣ онъ находился въ ссылкѣ за то, что получилъ образованіе въ латинскихъ западныхъ училищахъ, для поступленія въ которыя измѣнилъ своей вѣрѣ, и хотя временно, но перешелъ въ Римское католичество.

Соборъ греческихъ архіереевъ въ Константинополѣ подтвердилъ постановленіе Московскаго Собора. Арсеній былъ отправленъ на Аѳонъ и др. мѣста, откуда вернулся, привезя болѣе 500 древнихъ богослужебныхъ рукописей, а греческіе архіереи прислали еще 200. Антіохійскій патріархъ Макарій прибылъ въ Москву, и въ Успенскомъ соборѣ торжественно объявилъ народу, что надо креститься тремя перстами, и тутъ же проклялъ всѣхъ, кто будетъ продолжать креститься двумя. Московскій Соборъ 1656 г. это подтвердилъ.

Это проклятіе, къ которому такъ охотно прибѣгали въ ту пору, намъ кажется чрезвычайно неумѣстнымъ: всякое расхожденіе съ оффиціально принятымъ мнѣніемъ сопровождалось тогда и оффиціальной анафемой инакомыслящимъ. — Неудивительно, что народъ переживалъ создавшуюся церковную смуту повышенно нервно. Вслѣдствіе того, во время чумы въ 1654 году народъ и высказывался противъ патріарха Никона и Арсенія-грека. Многихъ, приэтомъ, волновала мысль: какъ бы чрезъ новшества не потерять правой вѣры своихъ предковъ? Являлся страхъ передъ временами Антихристовыми. Думали такъ и многіе знатные люди, и это было вполнѣ объяснимое чувство національнаго самосохраненія.

Такимъ образомъ, когда послѣ царя Алексѣя Михайловича на престолѣ русскихъ царей черезъ нѣкоторое время появился Петръ Великій, отринувшій всѣ обычаи старины, то уже носившаяся въ народѣ мысль объ Антихристѣ нашла свою цѣль и сдѣлала изъ Петра Антихриста.

ХОЛОПЫ.

Слово „холопъ“ является въ Русской исторіи синонимомъ полнаго раба. Изъ обозрѣнія русскаго бунта можно видѣть, что самое дѣятельное участіе въ немъ принимаютъ именно холопы: имъ принадлежитъ часто иниціатива бунта, они проявляютъ въ бунтѣ и наибольшую жестокость.

Историческія данныя не позволяютъ намъ установить точной цифры холопьяго класса старой Руси. Однако, многочисленность его подтверждается прежде всего разнообразіемъ видовъ холопства и ихъ происхожденіемъ.

Проф. В. О. Ключевскій раздѣляетъ холопство на принудительное и добровольное.

Принудительное холопство имѣло своимъ источникомъ завоеваніе и плѣнъ, преступленіе (напр. разбой, поджогъ, конокрадство), торговую несостоятельность (злостнаго характера) и, наконецъ, происхожденіе отъ холопа.

Надо полагать, что категорія плѣнныхъ холоповъ была велика: плѣнныхъ брали не только при завоеваніи новыхъ царствъ и при борьбѣ съ кочевниками и другими врагами Земли Русской, но также и при столкновеніяхъ русскихъ Князей между собою. Такимъ образомъ составъ плѣнныхъ рабовъ простирался отъ инородцевъ до природныхъ русскихъ включительно.

Категорія преступниковъ была также многочисленна, постоянно пополнялась и давала приростъ холопьяго населенія. Рѣже другихъ встрѣчались холопы изъ злостныхъ банкротовъ.

Но всѣ эти категоріи, однажды образовавъ собою холопье состояніе, объединялись и умножались наслѣдственнымъ холопствомъ.

Съ другой стороны существовало добровольное холопство, вызванное экономической зависимостью бѣдныхъ людей отъ богатыхъ и власть имущихъ. Оно создавалось путемъ продажи себя въ холопство той или иной категоріи, женитьбой на холопкѣ (безъ предварительнаго соглашенія съ господиномъ о сохраненіи женихомъ свободы), вступленіемъ въ частную службу приказчикомъ или ключникомъ, также безъ уговора о сохраненіи свободы.

Уже изъ факта необходимости такихъ предварительныхъ уговоровъ — мы видимъ, что законъ не защищалъ свободы бѣдныхъ гражданъ, что не существовало презумпціи свободы тамъ, гдѣ не было доказано рабство, а наоборотъ — всегда подразумѣвалось рабство, если не было доказано обратное.

О сохраненіи свободы надо было заботиться всякій разъ, когда жизнь сталкивала бѣдняка съ интересами господина, которые были обширны и хорошо защищены государствомъ.

По нормамъ „Русской Правды“, плѣнный становился работникомъ того, кто выкупитъ его изъ плѣна, пока не выплатитъ ему своего долга.

Въ Удѣльное время холопство раздѣлялось на два вида: холоповъ большихъ и меньшихъ.

Холопы большіе въ свою очередь подраздѣлялись на людей служилыхъ (военныхъ) и приказныхъ (чиновничество).

Холопами „меньшими,“ или „дѣловыми людьми,“ были черноработчіе и челядь, въ свою очередь подраздѣляясь на дворовыхъ и страдныхъ (пахотныхъ).

Мы имѣли уже случай подробно описать дѣленія холопства въ XVI и XVII ст. ст. на холопство полное, докладное, кабальное и жилое. Изъ этихъ подклассовыхъ группировокъ можно убѣдиться въ обширности и прочности всего холопьяго института.

Положеніе холопа было еще тяжелѣе, нежели крѣпостного крестьянина, за которымъ традиція жизни все же допускала извѣстную личную и имущественную свободу, — тогда какъ у холопа ея не было совершенно.

Крестьянинъ лишь постепенно все болѣе сжимался въ своихъ правахъ, изъ состоянія свободнаго землепашца превращаясь въ полнаго личнаго раба своего господина, — а холопъ сразу становился въ это положеніе.

Неудивительно, что въ холопствѣ накапливалось больше ненависти къ своимъ угнетателямъ — господамъ, что холопъ всегда и на всѣхъ ступеняхъ своего безправнаго положенія — вѣками собиралъ эту ненависть, какъ естественный контръ-балансъ тому униженію, страданіямъ моральнымъ и физическимъ, которымъ онъ подвергался на работѣ или службѣ у господина.

Холопъ стоялъ къ господину ближе, нежели крестьянинъ, и это было для него тяжелѣе. Онъ имѣлъ возможность ближе присмотрѣться къ барской жизни и ея недостаткамъ, непосредственнѣе испытать на себѣ барскій произволъ, насилія и издѣвательства. Для своего самосохраненія холопъ долженъ былъ утратить всякое человѣческое достоинство, — а эти качества разнуздывали его въ минуты бунта до невѣроятныхъ границъ. — Чѣмъ болѣе человѣкъ лишенъ культуры и сдерживающихъ нравственныхъ началъ, тѣмъ страшнѣе онъ въ минуты отмщенія.

Вотъ почему, во главѣ всѣхъ русскихъ бунтовъ неизмѣнно становились холопы, преступные элементы, общественные низы, — вотъ почему они больше другихъ проявляли жестокости въ мучительствѣ своихъ жертвъ — бояръ, приказныхъ и всѣхъ богатыхъ гражданъ, на которыхъ была направлена ихъ жгучая ненависть.

Московскій мятежъ 1662 года.

По отзыву С. М. Соловьева, два первыхъ года Тридцатилѣтней войны въ царствованіе Алексѣя Михайловича были наиболѣе счастливыми. Неудачи начались пораженіемъ нашихъ войскъ подъ Ригой, Конотопомъ, Чудновымъ и смутой въ Малороссіи. Война продолжалась: тяжкое бѣдствіе для государства бѣднаго, малонаселеннаго, едва успѣвшаго оправиться послѣ Смутнаго Времени. Невыносимыя подати легли на народъ. Торговые люди истощались платежомъ пятой деньги. Уже въ 1656 году казны недоставало на уплату жалованья ратнымъ людямъ. Правительство прибѣгло къ финансовымъ операціямъ, которыя оказались неудачны, еще болѣе ухудшивъ хозяйственное положеніе населенія. На этой почвѣ произошелъ бунтъ 1662 года.

Выше мы уже давали обзоръ финансовымъ мѣропріятіямъ правительства Алексѣя Михайловича. Выпущенные, по свидѣтельству Котошихина, новые серебряные рублики были въ 4 раза легче противъ нормальнаго рубля того времени, а по размѣру рубликъ точно равнялся Любекскому ефимку. Мы знаемъ, что эти ефимки было приказано сдавать въ казну по 4 гривны за штуку. На нихъ ставили царскій штампъ, и съ монетнаго двора они выходили уже по двойной цѣнѣ, что доставило казнѣ большую прибыль.

Наравнѣ съ этимъ, стали чеканить мѣдныя монеты того же вида и номинальнаго достоинства, что и серебряныя деньги, и народныхъ волненій не было, пока правительство ихъ принимало наравнѣ съ серебряной монетой того же наименованія. Но вскорѣ правительство потребовало отъ населенія производства всѣхъ платежей казначейству въ серебрѣ, само же продолжало платить — малоцѣнной мѣдью, которую притомъ выпустило въ чрезмѣрномъ количествѣ. Это повело къ стремительному паденію курса мѣдныхъ денегъ, крестьяне же отказались везти въ города свои продукты, отчего образовалась большая дороговизна жизни. Это вызвало и неудовольствіе служилыхъ людей, которымъ жалованье стали платить мѣдью, у нихъ также началась „скудость великая“. „Хотя, продолжаетъ Котошихинъ, о тѣхъ деньгахъ былъ указъ жестокій и казни (наказанія), чтобы для нихъ товаровъ и запасовъ никакихъ цѣною не подвышали, однако на то не смотрѣли.“ Слѣдствіемъ явилось то, что Московскіе ратные люди, стоявшіе въ Малороссіи, отказывались принимать мѣдныя деньги, какъ и крестьяне. Началась смута. Ее увеличила воровская поддѣлка монеты. Поддѣлка вызвала страшное паденіе курса мѣдныхъ

денегъ. Воровъ стали ловить, казнить смертію и отсѣкать имъ руки. Отрубленныя руки для возбужденія страха приколачивали на стѣнахъ у денежныхъ дворовъ фальшивомонетчиковъ, подвергали конфискаціи ихъ имущество, — но разбогатѣвшіе „воры“, движимые „прелестью“ быстраго обогащенія, продолжали поддѣлку, откупаясь отъ наказаній посулами, которыхъ не стыдился принимать царскій тесть боярин Милославскій да думный дьякъ Матюшкинъ, за которымъ была замужемъ родная тетка царя. Давали посулы и воеводамъ, и высшимъ приказнымъ людямъ.

Интересно отмѣтить, что для пріема, досмотра и расхода мѣди, на денежныхъ дворахъ въ Москвѣ и по городамъ, отъ населенія были поставлены выборные „вѣрные головы“ и „цѣловальники“, изъ гостей и людей торговыхъ, все люди пожиточные и честные. — „Но возмутилъ, говоритъ Котошихинъ, діаволъ и ихъ разумъ: захотѣлось имъ пущей наживы, и стали они мѣдь въ Москвѣ и даже въ Свейскомъ (Шведскомъ) государствѣ привозить и вмѣстѣ съ царской мѣдью отдавать на денежные дворы, гдѣ приказывали дѣлать изъ нея деньги (монеты), послѣ чего отвозили царскія деньги для сдачи въ казну, а свои — къ себѣ.“ Доносы на нихъ отъ стрѣльцовъ и денежныхъ мастеровъ не замедлили: воровъ хватали, пытали, и на пыткѣ они показывали, что, соблазнившись безнаказанностью, сами стали давать посулы Милославскому и Матюшкину, дьякамъ и подъячимъ.

Царь былъ сильно гнѣвенъ на Матюшкина и Милославскаго, но казни имъ не учинилъ никакой, а наказалъ только головъ и цѣловальниковъ, дьяковъ и подъячихъ: этихъ казнили смертію, отсѣкали имъ руку или ногу или пальцы, и ссылали въ дальніе города, вмѣсто пользы для государства, создавая лишнюю обузу обществу.

Между тѣмъ финансовая разруха продолжалась, дороговизна росла, мѣдныя деньги продолжали падать, серебро стало въ обращеніи скудно, и многіе помирали съ голоду.

„Тогда воры, говоритъ Котошихинъ, видя безнаказанность главныхъ виновниковъ — Милославскаго и Матюшкина, задумали ихъ извести и написали „листы“ (прокламаціи), въ которыхъ обвинили тѣхъ бояръ въ государственной измѣнѣ, что будто задумали тѣ бояре Московское государство погубить и поддать Польскому королю, и тѣ воровскіе листы ночью прибили по Москвѣ.“

Уже весною 1662 года въ Москвѣ прошелъ слухъ, что чернь собирается громить дворы боярина Милославскаго, богатыхъ людей да гостя Шорина — за введеніе мѣдныхъ денегъ и за то, что Шоринъ съ какимъ то кадашевцемъ фальшивыя деньги дѣлаютъ . . . Въ двадцатыхъ числахъ іюля стали говорить, что изъ Польши пришли „листы“ про окольничаго Ртищева, давшаго совѣтъ чеканить мѣдныя деньги. Царь въ то время жилъ въ селѣ Коломенскомъ.

Рано утромъ 25 іюля на Сретенкѣ собрались мірскіе люди совѣтоваться о пятинной деньгѣ. Но вскорѣ имъ пришлось прервать свое совѣщаніе. — „На Лубянкѣ, на столбѣ, письмо приклеено!“ кричали имъ приходившіе Срѣтенкой отъ Никольскихъ воротъ люди.

И тогда вся толпа хлынула на Лубянку смотрѣть, что за письмо? — На столбѣ оказалась приклеенной воскомъ бумажка, а на ней написано:

— „Измѣнникъ Илья Даниловичъ Милославскій, да окольничій Федоръ Михайловичъ Ртищевъ, да Иванъ Михайловичъ Милославскій, да гость Василій Шоринъ."

Эта странная по своей лаконичности прокламація произвела, однако, сильное впечатлѣніе . . .

— Народъ крѣпко задумывался по поводу безнаказанности главныхъ виновниковъ потворства фальшивымъ монетчикамъ, отъ которыхъ происходило всенародное бѣдствіе, и самъ уже давно прилѣпилъ къ этимъ лицамъ имя измѣнниковъ, и не безъ основанія: чѣмъ можно назвать, какъ не измѣной Родинѣ пособничество въ изготовленіи фальшивыхъ денегъ и даже участіе въ ихъ выдѣлкѣ, почти открыто, на денежныхъ дворахъ, отчего пришелъ въ полное разстройство весь государственный механизмъ? Нельзя, поэтому, и намъ, чрезъ триста лѣтъ послѣ описываемыхъ событій, не признать, что слово „измѣна" удивительно коротко и точно опредѣляла поведеніе этихъ бояръ.

Между тѣмъ, изъ Земскаго приказа пріѣхали дворянинъ Ларіоновъ и дьякъ Башмаковъ и сорвали „письмо". Толпа зашумѣла: — „Вы везете письмо къ измѣнникамъ! Государя въ Москвѣ нѣтъ, а письмо надобно всему міру." Громче всѣхъ кричалъ стрѣлецъ Кузьма Ногаевъ. Бросаясь по сторонамъ, онъ кричалъ: — „Православные христіане! Постойте всѣмъ міромъ! Дворянинъ и дьякъ отвезутъ письмо къ Ильѣ Даниловичу Милославскому, тамъ это дѣло и изойдетъ." — Предположеніе вполнѣ нормальное.

— Міръ двинулся вслѣдъ за Ларіоновымъ и Башмаковымъ. Ихъ нагнали, схватили Ларіонова за лошадь и за ногу, и стали кричать сотскому Григорьеву: „Возьми у него письмо! А не возьмешь, то прибьемъ тебя камнями." Толпа, видимо, воздерживалась отъ непосредственнаго насилія надъ личностью дворянина и дьяка, предпочитая, что бы за нее дѣйствовалъ сотскій — лицо выборное и должностное, дѣйствія котораго могли носить декорумъ нѣкоей законности. . .

Сотскій Григорьевъ вырвалъ у Ларіонова „письмо", толпа окружила сотскаго и двинулась на Лубянку къ церкви преподобнаго Феодосія, а Ногаевъ велъ Григорьева за воротъ. У церкви Ногаевъ сталъ на скамейку и читалъ народу „письмо" вслухъ, послѣ чего сказалъ, что „всѣмъ нужно стоять за это".

Съ Лубянки пошли къ Земскому двору, поставили тамъ скамью, а на нее Григорьева и велѣли ему читать „письмо", но Григорьевъ отказался. Читать сталъ самъ Ногаевъ, а на другую сторону читалъ какой то подъячій. Григорьевъ же, отойдя въ сторону, приказалъ десятскому Жидкому взять у подъячаго письмо, но народъ не дозволилъ, и, окруживъ Жидкаго, повелъ его вмѣстѣ съ собою въ Коломенское, къ государю.

Царь слушалъ въ это время обѣдню по случаю дня рожденія дочери. Толпа подошла ко дворцу. Впереди шелъ Лучка Жидкій и несъ въ шапкѣ „письмо". Государь, оставивъ обѣдню, вышелъ къ народу на крыльцо. Нижегородецъ Мартынъ Жедринскій взялъ у Жидкаго „письмо" и поднесъ его царю, со словами: „Изволь, ве-

ликій государь, вычесть письмо передъ міромъ, а измѣнниковъ привесть передъ себя!" — Это было требованіемъ суда надъ Милославскимъ и другими боярами. Характерно и то, что по процессуальнымъ обычаямъ того времени, обвиняемымъ пришлось бы доказывать, что они невиновны, тогда какъ со стороны обвиненія было достаточно бросить имъ въ лицо, что они измѣнники безъ доказательства. Но народъ имѣлъ свои доказательства „измѣны" бояръ и, вѣроятно, предъявилъ бы ихъ при разбирательствѣ дѣла.

— „ Ступайте домой, сказалъ царь. А я, какъ только отойдетъ обѣдня, поѣду въ Москву, и въ томъ дѣлѣ учиню сыскъ и указъ."

Но народъ не уходилъ. Держалъ царя за платье и за пуговицы, и говорилъ — „Чему вѣрить?" — Царь обѣщался Богомъ, и далъ на своемъ словѣ руку, и когда одинъ изъ народа ударилъ съ нимъ по рукамъ, то всѣ спокойно отправились въ Москву. Государь же велѣлъ ихъ не трогать, хотя и было у него войско, и пошелъ дослушивать обѣдню,ославъ впереди себя въ Москву боярина князя Ивана Андреевича Хованскаго.

Но пока происходили эти событія, въ Москвѣ образовалась другая толпа народа, менѣе спокойная, состоявшая, повидимому, изъ нисшихъ слоевъ Московскаго населенія. Эта толпа поспѣшила заняться грабежомъ, начавъ съ дома купца Шорина. Старикъ Шоринъ успѣлъ скрыться. Но мятежники схватили его 15-ти лѣтняго сына и научили его говорить, будто отецъ бѣжалъ въ Польшу „съ боярскими грамотами".

Въ Москву прискакалъ Хованскій и сталъ уговаривать эту толпу прекратить грабежъ. Ему въ отвѣтъ кричали: — „Ты, бояринъ, человѣкъ добрый, и службы твои царю противъ польскаго короля много, намъ до тебя дѣла нѣтъ! Но пусть царь выдастъ головою измѣнниковъ-бояръ, которыхъ мы просимъ!"

Хованскій поѣхалъ назадъ въ Коломенское, а за нимъ двинулась и эта вторая толпа народа, среди которой большинство было любопытныхъ. Всего набралось до 5.000. За городомъ они встрѣтили первую толпу и уговорили ее повернуть назадъ и вмѣстѣ итти къ царю Тутъ пристали къ нимъ и солдаты, такъ что составилась очень большая толпа.

Царь садился уже на лошадь, когда эта толпа подошла и подвела мальчика Шорина. Его заставили выкрикнуть заученный навѣтъ на отца.

Когда мальчикъ окончилъ, изъ толпы раздались крики: — „Выдай измѣнниковъ!" — Толпа требовала извѣстныхъ намъ лицъ для самосуда. Но это былъ уже прямой бунтъ противъ верховной власти.

— „Я — Государь, отвѣчалъ Алексѣй Михайловичъ, —" мое дѣло сыскать и наказаніе учинить, а вы ступайте по домамъ. Дѣла такъ не оставлю, въ томъ жена моя и дѣти порукою."

Но изъ толпы продолжали кричать: „Не дай намъ погибнуть напрасно!" — „Буде добромъ тѣхъ бояръ не отдашь, то мы станемъ брать ихъ у тебя сами, по своему обычаю (т. е. самоуправно)!" Другіе же махали палками.

Тогда, выведенный изъ терпѣнія, царь закричалъ на нихъ и приказалъ стрѣльцамъ и придворнымъ чинамъ, его окружавшимъ, двинуться на бунтовщиковъ. Безоружная толпа бросилась бѣжать къ Москвѣ-рѣкѣ. Ихъ хватали,. человѣкъ сто утонуло въ рѣкѣ, и около семи тысячъ было переловлено или перебито.

Арестованныхъ отвезли въ монастырь къ Николѣ на Угрѣшу, допрашивали, по сыску пытали и жгли, но главнаго заводчика мятежа — автора подметнаго письма такъ и не нашли. Наказали тѣхъ, кто болѣе активно выступалъ въ мятежѣ. Человѣкъ полтораста повѣсили, другимъ отсѣкли руку или ногу или пальцы. Иныхъ били кнутомъ, ставили имъ на правой щекѣ клеймо „б“, что означало: „бунтовщикъ“, и сослали всѣхъ въ дальніе города и Сибирь, на вѣчное житье,ославъ къ нимъ и семейства ихъ. А инымъ „пущимъ“ ворамъ связали за спиной руки и посадили ихъ на большія баржи и потопили на Москвѣ-рѣкѣ. Такія же наказанія учинили и за грабежи боярскихъ домовъ. Однако, изъ всего этого числа „прямыхъ воровъ“ было, говоритъ Котошихинъ, не болѣе 200 человѣкъ, остальные были любопытные, придававшіе ворамъ смѣлость дѣйствовать.

Москва утихла. Изготовленіе мѣдныхъ денегъ было остановлено. Царь ихъ отмѣнилъ и приказалъ сдавать въ казну и платить за мѣдный рубль по десяти серебряныхъ „денегъ“, т. е. серебряный пятачокъ. Это была настоящая финансовая катастрофа. А кто изъ богатыхъ людей не хотѣлъ мѣдныхъ денегъ сдавать, долженъ былъ ихъ слить. Было приказано снова завести въ Москвѣ серебряныхъ дѣлъ Дворъ и съ 15 іюня 1663 года отливать на немъ серебряныя деньги.

С. М. Соловьевъ пишетъ. —

— „Извнѣ — тяжкая, разорительная война, которой и конца не было видно. Внутри — бѣдствія физическія, истомленіе народа, его вопль и волненія. И къ этому еще — соблазнительная, небывалая вражда царя съ патріархомъ. — Наконецъ, обратимъ вниманіе на общество: общество крайне юное, представлявшее такъ мало нравственныхъ сдержекъ для всякаго сильнаго, гдѣ всякій сильный такъ легко увлекался своимъ положеніемъ и считалъ себѣ все позволеннымъ въ отношеніи менѣе сильнаго, гдѣ природа (характеръ) самая мягкая, какая была, напримѣръ, у царя Алексѣя Михайловича, не могла удерживать отъ поступковъ, кажущихся намъ теперь очень непривлекательными. — Что же позволяли себѣ люди съ природой болѣе жестокой, когда праву сильнаго смирять подчиненныхъ не поставлялось границъ, гдѣ это смиреніе обыкновенно было непосредственно и зависѣло отъ силы волненія, происходившаго въ душѣ разгнѣваннаго смирителя?“

— „Эта же юность общества, продолжаетъ Соловьевъ, недостатокъ образованія развитіемъ ума, сдерживающаго порывы чувствъ, охлаждающаго человѣка, дающаго ему ровность въ дѣйствіяхъ, — эта же юность общества и недостатокъ образованія производили шаткость, отсутствіе послѣдовательности, крутые переходы, сильное паденіе: все это мы видимъ въ Никонѣ.“

Съ такой характеристикой состоянія русскаго общества 17 столѣтія нельзя не согласиться. Эту характеристику можно еще уточнить, сказавъ: да, народная темнота, отсутствіе воспитанія, многовѣковая разрозненность русскаго общества и отсутствіе въ немъ соціальнаго стимула, происходившее отъ рабскаго состоянія народа, его личной, политической и хозяйственной несамостоятельности и всегдашней придавленности, — отъ которой только одинъ шагъ къ другой крайности — кровавому насилію, — вотъ причины русскаго бунта середины 17 столѣтія.

Дальнѣйшее состояніе крестьянъ при Алексѣѣ Михайловичѣ

По свидѣтельству историка Костомарова, крестьяне во время войнъ Алексѣя Михайловича пришли въ еще большее стѣсненіе, такъ какъ ихъ владѣльцы изъ-за издержекъ для военной службы принуждены были извлекать изъ крестьянской работы все болѣе доходовъ. Въ результатѣ — крестьяне окончательно потеряли свои права и уравнялись съ холопами.

Раньше запрещалось помѣщику брать своихъ крестьянъ къ себѣ во дворъ, но теперь эти случаи вошли въ обыкновеніе.

При уклоненіи отъ службы помѣщика и его нерозыскѣ — арестовывали помѣщичьихъ крестьянъ и сажали вмѣсто помѣщика въ тюрьму.

Когда кому нибудь дарили вотчину, то по отношенію сидѣвшихъ тамъ крестьянъ у вотчинника не было никакихъ сдерживающихъ правовыхъ нормъ, и онъ могъ требовать отъ крестьянъ всего, чего хотѣлъ, и облагать ихъ какимъ угодно налогомъ или работой.

Въ боярскихъ вотчинахъ, какъ намъ извѣстно, еще существовали выборные старосты и цѣловальники, но надъ ними уже стоялъ приказчикъ отъ владѣльца. По приказанію владѣльца, крестьяне выполняли часто беззаконныя дѣйствія, напримѣръ нападали на крестьянъ другого владѣльца.

Эти явленія крестьянской жизни вполнѣ отвѣчали царившимъ въ тѣ времена произволу и насилію: сильный давилъ слабаго, низшій былъ вынужденъ исполнять незаконныя требованія высшаго.

Поэтому неудивительно, что разбои продолжали оставаться постояннымъ, бытовымъ явленіемъ русской жизни, такъ какъ не прекращались причины, ихъ вызывавшія. Когда правительство посылало противъ разбойниковъ сильныя воинскія части, съ солдатами и пушками, а при этихъ отрядахъ находились спеціальные „сыщики,“ которымъ присваивалась судебно-административная власть, — то эти агенты власти немедля пользовались своимъ положеніемъ, чтобы обирать народъ. За всякимъ „сыскомъ“ слѣдовало новое народное волненіе. Разбойныя шайки становились все многолюднѣе и смѣлѣе, все болѣе подготовляя почву для появленія страшнаго героя разбоя — казака Разина.

ГЛАВА VII-ая

Атаманъ Стенька Разинъ.

Вступленіе.

По словамъ С. М. Соловьева, тяжести Тридцатилѣтней войны послужили причиной продолженія ухода части населенія Московскаго государства въ казаки. Слѣдующимъ образомъ проф. Соловьевъ оцѣниваетъ явленіе бунта Стеньки Разина, самаго крупнаго и выдающагося предпріятія этого рода за всю русскую исторію, до большевиковъ.

„Послѣ присоединенія Малороссіи, бѣглые крестьяне и холопы попытались-было направиться сюда. Но Московское правительство не захотѣло видѣть въ Малороссіи казацкой страны и стало требовать выдачи бѣглецовъ. Отъ этого по-прежнему вольною сиротскою дорогой оставалось бѣгство на тихій Донъ, откуда выдачи не было. Но слѣдствія Тридцатилѣтней войны сказались и на Дону: Крымцы преградили казакамъ доступъ къ морю и стали даже ихъ тревожить въ ихъ собственныхъ жильяхъ. Азовское и Черное море оказались запертыми. — Чѣмъ же жить казакамъ, какъ добывать себѣ „зипуны?“

— „Оставалось одно: пробраться на Волгу, выплыть къ Каспію и пограбить тамошніе басурманскіе берега. Но и это сдѣлать уже было нелегко: устье Волги находилось въ рукахъ Московскаго правительства, которое не пропуститъ казаковъ въ море. — Тогда стали образовываться небольшія разбойничьи шайки по Волгѣ, разсчитывавшія проникнуть незамѣтно къ ея устью. . . Но Московское правительство ихъ преслѣдуетъ, и онѣ принуждены, не достигнувъ цѣли, разсѣяться внутри страны, ища покровительства у населенія, которое имъ сочувствуетъ.“

— „Съ появленіемъ способнаго вождя образуется, наконецъ, большая шайка, которой удается прорваться къ Каспійскому морю, погромить басурманскіе берега и возвратиться съ богатой добычей. Чтобы пройти обратно на Донъ, казакамъ пришлось изъявить мнимую покорность правительству и этимъ выпросить себѣ пропускъ. Но, пробравшись такимъ путемъ къ себѣ назадъ на Донъ, огромная шайка уже не можетъ вторичнымъ обманомъ прорваться къ берегамъ моря и вынуждена предпринять революціонныя операціи внутри государства, поднимая низшіе классы на высшіе и разсчитывая на успѣхъ въ виду неподготовленности Московскаго правительства.“

— Таковъ, по мнѣнію проф. С. М. Соловьева, смыслъ явленія, называемаго бунтомъ Разина.

Къ этой совершенно правильной характеристикѣ, касающейся, однако, лишь прагматической стороны событій, мы должны прибавить причины соціальнаго и идеологическаго характера, обусловившія собою внутреннюю возможность возникновенія Разинскаго возмущенія.

Какъ намъ уже извѣстно, эти важныя внутреннія причины лежали въ плоскости соціально-политическаго уклада жизни Московскаго государства. Онѣ накапливались и послѣдовательно отлагались въ народномъ сознаніи въ теченіе продолжительнаго подготовительнаго періода, предшествовавшаго наступленію бунта: народъ долго вынашивалъ въ себѣ свою думу о соціальной справедливости, тщетно ища освобожденія отъ давящихъ условій Московскаго общественнаго строя.

Ко времени Разина народныя настроенія оформились и созрѣли настолько, чтобы принять въ себя ту революціонную идеологію, которую предложилъ народу голутвенный казакъ Стенька, самъ почерпнувшій ее изъ многочисленныхъ источниковъ: и отъ украинскихъ гайдамаковъ, изъ Запорожской Сѣчи, изъ обычаевъ родного ему Донского казачества, и изъ народныхъ преданій удѣльно — вѣчевого времени.

Само собою разумѣется, что наиболѣе подходящей выразительницей этихъ, по существу — старыхъ идей, могла тогда стать только необезпеченная, пролетарская часть казачества, не хотѣвшая, да и не могшая примириться съ Московскимъ правопорядкомъ: убѣгая изъ подъ Московской власти, эти люди уносили съ собою непримиримую къ ней ненависть вмѣстѣ съ жаждой разрушенія всего того, что по ихъ мнѣнію стояло на пути ихъ мечты о вольной и счастливой жизни. Но, возрождая идеи стараго вѣчевого порядка и оживляя въ народѣ память о былой свободѣ русскаго землепашца, движеніе Разина не могло забыть и воспоминаній о самомъ недавнемъ прошломъ — Смутномъ Времени. Всѣ эти настроенія и воспоминанія сумѣлъ оживить Разинъ, вызвавъ въ русскомъ народѣ новый подъемъ силъ въ пользу установленія народовластія.

Разинское движеніе, однако, не сразу дошло до крестьянскихъ широкихъ массъ. Въ первую стадію — къ нему примкнулъ только городской и сельскій пролетаріатъ да инородцы. И лишь послѣ крупныхъ военныхъ успѣховъ Разина, увидавъ его силу, двинулось всегда тяжелое на подъемъ крестьянство, которое увѣровало въ могущество Разина. Простой народъ безъ критики, которой онъ и не искалъ, наивно повѣрилъ, что можно жить безъ повинностей, ратной службы, налоговъ и всѣхъ обязанностей, которыя налагаетъ государство, и народу стало казаться, что вводимое Разинымъ казачье устройство общества вѣчевого характера несетъ ему свободу и давно желанный соціальный миръ.

Поэтому, съ появленіемъ Разина, идея казачьяго устройства общества настолько сильно овладѣваетъ народной душой, что ужъ не можетъ изъ нея исчезнуть и послѣ Разина, воскреснувъ въ Некрасовскомъ бунтѣ при Петрѣ Великомъ и Пугачевскомъ движеніи при

Екатеринѣ II. Благодаря Разину, идея народоправства реально входитъ въ народное сознаніе, занявъ въ немъ настолько прочное положеніе, что до сей поры русскій народъ не хочетъ съ этой мечтой разстаться, и безсознательно тянется къ ней русская университетская молодежь, въ пѣсняхъ воспѣвающая казачье удальство и подвиги Разина, не сознавая по своей неопытности, что пропагандируетъ этимъ идеи противогосударственныя, вредныя для существованія собственнаго народа. Наконецъ, Разинская идея матеріализуется въ большевицкой системѣ совѣтовъ, изъ чего мы видимъ, что идея полнаго вѣчевого народоправства разрѣшилась лишь въ нашу эпоху, и долго назрѣвавшій нарывъ лопнулъ только теперь. — Она обманула незрѣлый для государственнаго строительства народный умъ, открывъ и показавъ народу такіе провалы и ужасы, передъ которыми содрогнулся самъ творецъ своихъ новыхъ соціальныхъ достиженій — народъ.

Разинскій бунтъ былъ первой организованной попыткой замѣнить Московскій соціальный строй политической системой, основанной на примитивномъ народоправствѣ, безъ участія высшихъ классовъ общества, бюрократіи, боярства и царя.

Мы видимъ, что въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что голутвенное казачество, къ которому принадлежалъ Разинъ, созрѣло въ политическую силу только при немъ, это казачество до Разина и не могло еще выдвинуть какой либо цѣльной идеологической программы всѣ предшествующіе бунты народа, какъ напримѣръ — Псковскій, не опирались на опредѣленную идеологію; хотя они какъ будто и стремились къ возстановленію стараго вѣчевого правопорядка, но выливались сумбурно. Народная мысль окончательно созрѣла только къ эпохѣ Разина и въ лицѣ голутвеннаго казачества дала народу давно ему знакомую идею государственнаго права. Разинъ явился продуктомъ этой мысли, которую самъ взялъ изъ той среды, въ которой вращался, и которую ей вернулъ въ планѣ активныхъ дѣйствій. И хотя подготовкѣ этой мысли содѣйствовали тѣ событія, о которыхъ намъ говорилъ историкъ С. М. Соловьевъ, но сомкнуться голутвенной казачьей массѣ вокругъ одного предводителя могла помочь только идея. Эта идея въ старыя вѣчевыя формы вложила новый казачій революціонный духъ.

Такимъ образомъ, Разинъ явился выразителемъ эмигрантской части казачества, которая, затѣмъ, стала и мыслью всего русскаго крѣпостного люда. По своему содержанію эта мысль, возрождавшая давно отжившій порядокъ вѣчевого устройства, пригодный только на первичныхъ стадіяхъ развитія государственной жизни и при наличіи небольшихъ государственныхъ образованій, вродѣ Псковской и Новгородской республикъ, — была по существу глубоко реакціонна: разрушая государственную основу существованія общества, она должна была направить свое остріе и противъ самого общества.

— Такъ мы позволимъ себѣ оцѣнить явленіе Разинскаго бунта.

Составъ Разинской шайки.

По мнѣнію проф. Н. Н. Фирсова, автора интереснаго изслѣдованія о Разинѣ и Пугачевѣ, жестокая Коломенская расправа усилила оппозиціонныя настроенія народныхъ массъ и ускорила эмиграціонный потокъ въ привычномъ для народа юго-восточномъ направленіи, и тихій Донъ наполнился бродягами со всей Россіи. Но они и здѣсь оказались лишними людьми.

— Дѣло въ томъ, что царское жалованье посылалось только старому, домовитому казачеству, а новопришлые казаки представляли собою казачью голытьбу безъ опредѣленныхъ занятій, элементъ безпокойный и страстный. Народъ сочувствовалъ имъ, какъ недавнимъ бѣглецамъ отъ тяжестей Московскаго режима. Вслѣдствіе этого, часть домовитыхъ казаковъ приняла къ себѣ голутвенныхъ и оказывала имъ въ кредитъ гостепріимство, разчитывая при удачныхъ воровскихъ операціяхъ своихъ нахлѣбниковъ получить отъ нихъ богатую поживу.

Голутвенные Донскіе казаки состояли изъ бѣглецовъ Московскихъ, но кромѣ того — изъ бродягъ Запорожскихъ и черкасовъ, выходцевъ изъ Малороссіи. Любопытно отмѣтить, что для ихъ привлеченія въ свою шайку, Разинъ вступилъ въ предварительные переговоры съ Запорожской Сѣчью, и эти Запорожцы сыграли въ его движеніи весьма активную роль. Такъ, городъ Царицынъ былъ взятъ Стенькой при поддержкѣ черкасъ, съ полковникомъ Ерикомъ во главѣ. Черкасы же участвовали и въ Разинскомъ походѣ на верховые города, слѣдуя по обоимъ берегамъ Волги въ пѣшемъ и конномъ строю. Разинъ же въ это время со своими казаками плылъ по водѣ на стругахъ.

Была у Стеньки тѣсная связь и съ Яикомъ, состоявшимъ большею частью изъ переселенцевъ-великороссовъ, пришедшихъ сюда съ Дона. Еще Стенька не выходилъ походомъ, а съ Яика уже было къ нему посольство съ приглашеніемъ „пожаловать къ Яицкому городку воровать большими людьми,“ „городокъ взять и учюгъ разорить, а самому сѣсть въ томъ городкѣ, и выходя изъ того городка, на морѣ и на Волгѣ воровать“. . .

Въ шайкѣ Разина можно было встрѣтить также новокрещенныхъ татаръ, ляховъ и другихъ искателей приключеній. Такимъ образомъ, составъ его воинства былъ довольно интернаціоналенъ. Всѣ эти люди, въ силу своего общественнаго положенія, были прочно между собою связаны. Все это, говоритъ Фирсовъ, было одно общество бѣглыхъ холоповъ, крестьянъ, посадскихъ и преступниковъ, приговоренныхъ къ казни за разбои и душегубства. На Волгѣ къ нимъ пристали разные бездомные люди, волжскіе судовые рабочіе, стрѣльцы, измѣнившіе царскому правительству. Словомъ, Разину сочувствовалъ весь черный людъ, въ городахъ и селахъ, а во время второго похода Стеньки — къ нему шли толпами и крестьяне: народъ волновался воззваніями Разина и слухами объ его успѣхахъ. Въ деревняхъ, кромѣ русскихъ крестьянъ, къ движенію Стеньки приставали чуваши и другіе инородцы, черемисы, мордва, калмыки, башкиры, частью —

татары. „Достойно вниманія, говоритъ Фирсовъ, что русскіе мятежники дѣйствовали рука объ руку съ инородцами . . .“ Мѣстами къ бунту присоединялись и попы.

Личность и біографія Разина.

Разинъ, говоритъ проф. Фирсовъ, былъ истый Донской казакъ, обладатель мощи древняго богатыря, изъ тѣхъ сильныхъ людей, кому не сидѣлось дома и которыхъ обиліе энергіи влекло къ приключеніямъ. Онъ обладалъ умомъ быстрымъ и острымъ, былъ находчивъ, въ чувствахъ необузданъ и волю имѣлъ неукротимую: широкъ, какъ степь! Постоянная борьба и опасности воспитали въ немъ безразличное отношеніе къ своей и чужой жизни: самородокъ воли, котораго смять было нельзя, его можно было лишь разбить. Это и давало ему стать выше толпы, внушая ей увѣренность въ успѣхѣ всего, за что богатырь ни возмется. — Разинъ былъ сильнымъ и яркимъ выразителемъ оппозиціонныхъ настроеній народныхъ массъ, онъ видѣлъ, что пришло его время дѣйствовать.

Объясненіе личности Разина мы находимъ еще въ языческомъ періодѣ русской исторіи, о которой говоритъ намъ С. М. Соловьевъ. — Говоря о нравахъ языческой эпохи Славянъ, Соловьевъ ихъ характеризуетъ такъ. — „Скорость къ обидѣ и скорость къ мести, преобладаніе физическихъ стремленій, мало сдерживаемыхъ религіозными и нравственными законами, сила физическая — на первомъ планѣ: ей — весь почетъ, всѣ выгоды; богатырь, котораго сила доведена въ народномъ воображеніи до чудовищныхъ размѣровъ, — вотъ герой эпохи.“

— Условія успѣха личности Разина въ народной психикѣ проистекаютъ отъ далекихъ, еще неизжитыхъ языческихъ понятій русскаго народа.

Языческая природа древняго быта возрождается въ народѣ, языческое міропониманіе имъ овладѣваетъ, все же христіанское, напротивъ, слетаетъ съ него въ эти моменты, какъ шелуха. Здѣсь сказывается значеніе отсутствія воспитанія народа, отсутствія народнаго просвѣщенія. Народъ, обновленный этимъ языческимъ устремленіемъ, разрушаетъ все то, что не входитъ въ древній міръ его понятій. Онъ проявляетъ ту страшную ярость и жестокость, которыя дремали на днѣ его языческой природы, — и эту природу сумѣлъ пробудить Разинъ.

Голутвенные казаки, удалые, добрые молодцы, шли къ овладѣнію чужимъ имуществомъ чрезъ грабежъ и убійство. Но Стенька затмилъ собою всѣхъ наиболѣе жестокихъ атамановъ и злодѣевъ, онъ былъ причудливъ въ поступкахъ и этимъ поражалъ воображеніе окружающихъ, которые не замѣчали, что въ необузданной жестокости Разина много больного и ненормальнаго. Кромѣ обычныхъ казней, паталогическій разгулъ Разина съ товарищами выражался въ безцѣльныхъ злодѣяніяхъ: напримѣръ, женщинъ начиняли порохомъ и взрывали! Воры-гуляки послѣ грабежа пропивали и проигрывали

въ карты и въ кости все награбленное легко и скоро. Народная пѣсня того времени гласитъ:

„Что, пропились, ребятушки, промотался,
Въ косточки и карты проигрался?
— На что же мы, ребятушки, понадѣялись?“
— „Понадѣялись мы, ребятушки, на сине море,
Что на сине море Хвалынское!“ . . (т. е. Каспійское) (Изъ собранія пѣсенъ Кирѣевскаго.)

Всѣ добры-молодцы были почти всегда пьяны, и изъ глубины отравленнаго зеленымъ виномъ нутра подымалась вѣковая ненависть классовая, поднимались разрушительные, буйные инстинкты.

По свидѣтельству двухъ различныхъ историческихъ источниковъ, народнаго преданія и разсказа уже извѣстнаго намъ иностранца Олеарія, однажды Разинъ, катаясь подъ Астраханью на стругѣ, разгоряченный виномъ, схватилъ красавицу-персіянку, и сказалъ: — „Волга!“ Ты — славная рѣка! Ты доставила мнѣ много богатства, злата и серебра, ты — отецъ и мать моей извѣстности, и я до сихъ поръ ничѣмъ не одарилъ тебя! Не останусь болѣе неблагодарнымъ!“ — и, взявъ княжну одной рукой за горло, а другой за ноги, бросилъ ее въ Волгу. . .

Стенька большею частью убивалъ людей начальныхъ, приказывая „надругаться надъ ними всячески“, „колоть и сажать въ воду“, но иногда придумывалъ и казни необычайныя: снявъ съ жертвы платье, сажалъ голаго человѣка на пескѣ пустыннаго берега Волги.

Передъ своими товарищами Разинъ относился рѣзко отрицательно къ церковнымъ обрядамъ и духовенству, пропагандируя идею, что можно обходиться безъ церквей и поповъ, а браки заключать подъ деревьями. . . И это было вполнѣ понятно, потому что въ душѣ такого человѣка, какъ Разинъ, не оставалось ничего христіанскаго. .

Разинъ былъ популярный и ловкій Донской казакъ. Былъ онъ средняго роста, крѣпкаго тѣлосложенія, лѣтъ сорока. Гравюры того времени рисуютъ его первоначально безъ бороды, но затѣмъ онъ уже изображается въ богатомъ одѣяніи, съ окладистой бородой.

По порученію Донского Войска онъ ѣздилъ въ 1661 году къ калмыкамъ уговаривать ихъ заодно съ Донцами служить Московскому государю противъ Крымскаго хана. Исполнивъ это посольство, Степанъ Тимофѣевичъ явился въ Москву, а оттуда поѣхалъ на богомолье въ Соловки — замаливать грѣхи: „потому что, говоритъ хронографъ того времени, много было бито, граблено, надо душу спасти.“ Въ то время, какъ видимъ, Разинъ еще заботится о душѣ. Но, можетъ быть, посѣщеніе Соловокъ имѣло и другія цѣли. Однако, благочестіе не было чуждо Донцамъ, построившимъ даже въ Шацкомъ уѣздѣ свой Чернѣевъ монастырь. Въ него они жертвовали свои вклады, а ихъ раненые и старики постригались тамъ въ монахи.

Изъ Соловокъ Разинъ исчезъ, и о немъ не было никакого слуху до 1667 года, цѣлыхъ шесть лѣтъ. Гдѣ онъ за эти годы побывалъ, осталось неизвѣстнымъ. Вѣрнѣе всего, что онъ побывалъ на Украйнѣ и въ Запорожской Сѣчи, для подготовки своего бунта.

Въ 1667 году Астраханскіе воеводы получили отъ царя грамоту, въ которой писалось: — „Въ Астрахани и Черномъ Яру живите съ большимъ береженьемъ, — на Дону собираются многіе казаки и хотятъ итти воровать на Волгу, взять Царицынъ и засѣсть тамъ.“ — „Во многіе донскіе городки пришли съ Украйны бѣглые боярскіе люди и крестьяне съ женами и дѣтьми, и оттого теперь на Дону голодъ большой.“

Согласно иностраннымъ извѣстіямъ, при войскѣ князя Юрія Долгорукаго находился братъ Стеньки, просившій у воеводы отпуска для поѣздки со своимъ братомъ на Донъ. Князь отказалъ, и тогда братъ Разина ушелъ со своимъ отрядомъ самовольно. Ихъ нагнали, и Разинъ былъ за дезертирство повѣшенъ. Тогда-то Степанъ и третій братъ, по имени Фролъ, рѣшили отомстить боярамъ и воеводамъ за брата.

Буревѣстники.

Но первоначально, главному бунту предшествовали отдѣльныя вспышки возмущенія. Такъ, осенью 1659 г. правительство отрядило воинскую часть для взятія воровского городка „Новая Рига“, построеннаго около Волги воровскими казаками. Послѣ упорнаго боя, во время котораго изъ городка даже стрѣляли изъ пушекъ, городокъ былъ взятъ и разгромленъ. Забродчиковъ воровства, атаманишку Ивашку да есаулишку Петрушку, съ десятью „товарищами“, привезли для допроса къ Донскому Войску, гдѣ собрали кругъ и повѣсили ихъ.

Казачьи разбои совершались на Яикѣ и Каспійскомъ морѣ. Лѣтомъ 1666 года воровская шайка изъ 500 человѣкъ, подъ начальствомъ атамана Васьки Уса, стала разбойничать въ Воронежскихъ и Тульскихъ мѣстахъ, подговаривая господскихъ крестьянъ и холоповъ разорять помѣщиковъ и дѣлать всякое „дурно“.

Начало Разинскихъ операцій.

Явившись, наконецъ, на Дону, Разинъ застаетъ здѣсь большую тѣсноту и множество голытьбы, ищущей „зипуновъ“. И русскіе, и казаки, и хохлачи всѣ говорятъ, что имъ итти на Волгу воровать, а на Дону имъ жить „не у чего.“ Государева жалованья имъ по дувану (дѣлежу) досталось по кусу на человѣка, а иным и двоимъ одинъ кусъ, денегъ по 30 алтынъ, сукна по два аршина, а иным и по аршину, и этимъ прожить нельзя. А тутъ еще на море путь закрытъ басурманами, и „достать“ стало негдѣ. Тутъ, среди встревоженной казачьей голытьбы уже зародилась соблазнительная мысль: какъ было бы хорошо, еслибы удалось истребить на Руси всѣ господствующіе классы, давившіе простой народъ, и устроить обще-казачью вольницу!

Разинъ попалъ въ самую подходящую обстановку и въ самый критическій моментъ. Онъ сталъ во главѣ голутвенныхъ казаковъ и сначала думалъ прорваться Дономъ къ морю, но сами Донцы его остановили, т. к. были въ то время въ мирѣ съ Азовцами.

Тогда, отказавшись отъ попытки прорваться къ Азовскому морю, Разинъ поплылъ вверхъ по Дону къ самому узкому мѣсту между Дономъ и Волгой. Посадскіе люди Воронежа, у которыхъ на Дону проживали родственники, снабдили Разина порохомъ и свинцомъ, получивъ за это казачью „рухлядь“, — т. е предметы грабежа. Снова поднялись казаки, съ городкомъ Новой Ригой, между рѣками Тишиней и Иловлей. Сталъ Разинъ на высокихъ холмахъ, окруженный водою, и посланныхъ къ нему для переговоровъ отъ Царицынскаго воеводы протопопа и монаховъ никто не посмѣлъ переправить въ городокъ . . .

Первые грабежи.

Разинъ искалъ добычи. Вскорѣ она ему представилась. — Внизъ по Волгѣ плылъ большой караванъ, состоявшій изъ казеннаго струга со ссыльными, которыхъ посылали на житье въ Астрахань. Другой стругъ былъ богача Шорина съ казеннымъ хлѣбомъ, третій стругъ — патріаршій, да другіе еще струги. Сопровождавшіе этотъ караванъ стрѣльцы не тронулись на его защиту, когда на нихъ напалъ Разинъ съ тысячью своей голытьбы.

Лодья съ государевымъ хлѣбомъ пошла ко дну. Начальные люди лежали изрубленные, съ почернѣвшими отъ огневой пытки тѣлами, или качались на висѣлицахъ. Соловецкій богомолецъ Стенька собственноручно переломилъ руку патріаршему монаху. Не тронули лишь работниковъ да ярыжекъ, и дали имъ волю итти, куда хотятъ: 160 ярыжекъ примкнули къ Стенькѣ, и съ ними патріаршій сынъ боярскій Лазунка Жидовинъ. Ссыльные были раскованы и стали чинить всякимъ людямъ всякое разоренье, мучить и грабить пуще прямыхъ Донскихъ казаковъ.

Разинъ — чародѣй.

Народное воображеніе не замедлило сдѣлать изъ Стеньки чародѣя, котораго и пуля-то не беретъ, которому все-то, что ни задумаетъ онъ, выполнимо. Когда Разинъ проплывалъ мимо Царицына, воевода велѣлъ стрѣлять по воровской флотиліи изъ пушекъ. Но къ его ужасу ни одна пушка не выстрѣлила: запаломъ весь порохъ выходилъ. Тогда, по требованію явившагося отъ Разина есаула, воевода выдалъ наковальню, мѣхи и кузнечную снасть и Стенька поплылъ дальше. Было у него уже полторы тысячи воровъ, на 35 стругахъ.

Занятіе Яика.

Ограбивъ по дорогѣ Черный Яръ, гдѣ прибилъ и высѣкъ плетьми воеводу Беклемишева, Стенька моремъ выплылъ къ устью Яика. Тамъ его уже поджидали свои люди. Разинъ „попросился“ войти съ 40 товарищами „помолиться Богу“ въ церковь Яицкаго городка, былъ впущенъ и открылъ ворота остальной шайкѣ. Яицкъ не сопротив-

лялся, но и не приставалъ явно къ бунту. Это Стенькѣ не понравилось. По его приказу, вырыли глубокую яму, у ямы сталъ стрѣлецъ Чикмазъ и „порѣшилъ“ 170 своихъ товарищей стрѣльцовъ, которые упали трупами въ яму. Стенька помиловалъ остальныхъ стрѣльцовъ и далъ имъ волю пристать къ нему или итти въ Астрахань. Однако, тѣхъ, кто пошелъ на Астрахань, нагнали, порубили и побросали въ воду.

Стенька обосновался въ Яицкѣ. Осенью его голытьба погромила на морѣ басурманскія суда.

Разина пытаются уговорить.

Въ ноябрѣ въ Яицкъ прибыла съ Дону царская грамота съ увѣщаніемъ отстать отъ воровства. — „Когда впередъ ко мнѣ государева грамота придетъ, сказалъ Разинъ, то я великому государю вину свою принесу“.

Произнеся этотъ двусмысленный отвѣтъ, Разинъ отпустилъ пословъ невредимыми. Видно, не смѣлъ еще онъ открыто возстать противъ царя.

Но когда новый Астраханскій воевода князь Прозоровскій послалъ къ Разину съ дороги, изъ Саратова, двухъ своихъ посланныхъ съ увѣщаніемъ принести свои вины, то лишь одинъ посланецъ вернулся, а второго Разинъ ночью убилъ и бросилъ въ воду.

Воровской голытьбѣ жилось въ Яицкѣ хорошо, они даже завели съ калмыками торговлю.

Услыхавъ объ успѣхахъ Разина, начали волноваться низы Донского казачества, требуя отъ атамановъ вести ихъ на Волгу.

Между тѣмъ, старый Астраханскій воевода князь Хилковъ отправилъ къ Яицку степью товарища своего Безобразова, который передъ началомъ военныхъ дѣйствій послалъ Разину двухъ стрѣлецкихъ головъ „для сговору“ (уговора), „чтобы казаки били челомъ и пошли на Саратовъ къ новому воеводѣ князю Прозоровскому“. — Посланныхъ повѣсили.

Только тогда Безобразовъ началъ „промышлять“ надъ ворами, но „промыселъ“ оказался неудаченъ, и весною 1668 году Стенька уже гулялъ по морю, направляясь къ шахской области.

Сережка Кривой.

Послѣ ухода Стеньки съ Дона тамъ набралась вторая шайка воровъ, подъ предводительствомъ Сережки Кривого, въ количествѣ 700 человѣкъ, и перекинулась на Волгу. Царицынскіе служилые люди ей малодушно не мѣшали.

Перенять эту шайку отправился изъ Астрахани письменный голова Аксентьевъ. Онъ нагналъ шайку ниже Краснаго Яра на Карабузанѣ, но Кривой одолѣлъ, сотня стрѣльцовъ перешла на его сторону. Аксентьеву удалось уйти съ небольшими людьми въ лодки,

а „солдатскаго строя“ поручикъ-нѣмецъ и стрѣлецкій пятидесятникъ попались въ плѣнъ. Ихъ повѣсили за ноги, другихъ плѣнныхъ били ослопами и „посадили въ воду“. Кривой выбрался къ морю и ушелъ къ Разину.

Разинъ гуляетъ по морю.

Разинъ хорошо погулялъ по морю, сильно разорилъ берега отъ Дербента до Баку, въ Рештѣ повелъ съ Персидскимъ шахомъ переговоры о поселеніи у него со всѣми казаками и объ отводѣ для нихъ земель. Эти переговоры нельзя признать особенно умными послѣ грабежа персидскихъ селеній. Шахъ хитрилъ и затягивалъ переговоры. Неожиданно жители Решта напали на казаковъ и порубили человѣкъ съ 400. Разинъ ушелъ, но жестоко отомстилъ персамъ въ другомъ мѣстѣ. — Давъ знать жителямъ Фарабата, что идетъ къ нимъ для торговли, и проторговавъ съ ними пять дней, онъ на шестой „поправилъ шапку на головѣ“, — условный воровской знакъ, по которому казаки напали на жителей, нахватали плѣнныхъ и отплыли съ ними на островъ для зимовки, гдѣ Стенька сталъ размѣниваться этими невольниками довольно выгодно, давая одного перса за двухъ и трехъ казаковъ.

Весною 1669 года Разинъ перекинулся на восточный берегъ моря, погромилъ Трухменскіе улусы, но потерялъ убитымъ Сережку Кривого. Расположившись на Свиномъ островѣ, казаки дѣлали набѣги на берега.

Дѣйствія Персидскаго флота.

Въ іюлѣ на нихъ напалъ Персидскій флотъ съ четырехтысячнымъ войскомъ, но потерпѣлъ пораженіе, только три судна успѣли спастись. Сынъ и дочь Менедыхана попали Разину въ плѣнъ, и онъ сдѣлалъ ханскую дочь своей наложницей.

Но оставаться долго на морѣ было опасно. Персы были сильно задѣты разбоями казаковъ и собирали силы для нападенія на Разина. Къ тому же морскіе берега были сильно разграблены, и казаки отъ плохой соленой воды начали умирать. Продовольствія также становилось мало. Пора было вернуться на Донъ. Чтобы это осуществить, приходилось помириться съ Московскимъ правительствомъ.

Разинъ пробирается домой.

Въ началѣ августа Разинъ появился въ Астраханскихъ водахъ и успѣлъ пограбить здѣсь нѣкоторыхъ купцовъ. Ему навстрѣчу были высланы на 36 стругахъ 4.000 срѣльцовъ съ воеводой княземъ Львовымъ. Казаки обратились въ бѣгство, Львовъ преслѣдовалъ ихъ 20 верстъ, но, утомившись преслѣдованіемъ, весьма прежде-

временно послалъ къ нимъ милостивую царскую грамоту, которой Московское правительство прощало бунтовщиковъ.

Разинъ долженъ былъ радоваться этой неожиданной удачѣ. Онъ вернулся и послалъ къ воеводѣословъ, которые отъ имени всей шайки принесли повинную, обѣщаясь выдать государю пушки, плѣнныхъ и струги, лишь бы ихъ пропустили „съ пожитками“ (награбленнымъ) на Донъ. Львовъ приказалъ посламъ присягнуть и вернулся въ Астрахань. А за нимъ плылъ Стенька съ голытьбой, разбогатѣвшей отъ разбоевъ.

Разинъ сдаетъ знамена и плѣнныхъ.

25 августа 1669 г. Стенька сложилъ знамена и сдалъ плѣнныхъ Персовъ передъ приказной Избой въ Астрахани, обѣщая сдать и пушки и плѣнныхъ Московскихъ служилыхъ людей Разинъ просилъ пропустить его на Донъ и позволить ему отправить въ Москву посольство для повинной царю. Это было разрѣшено.

На пріемѣ у царя, государь спросилъ казаковъ, какая истинная причина заставила ихъ пойти на воровство?

— „На Дону, отвѣчали казаки, начала намъ быть скудость большая, на Черное море стало проходить нельзя, сдѣланы Турскими людьми крѣпости, и мы, отобравшись охочіе люди, пошли на Волгу, а съ Волги на море, безъ вѣдома войскового атамана Корнила Яковлева, а начальный человѣкъ къ тому дѣлу былъ у насъ Стенька Разинъ“.

По указу царя, ворамъ были „выговорены“ ихъ вины и объявлено помилованіе, даны имъ животы, и посланы они въ Астрахань „вины свои заслуживать“.

На обратномъ пути, провѣдавъ, что Разинъ уже отпущенъ на Донъ, эти казаки за Пензою въ степи перебили своихъ провожатыхъ и на ограбленныхъ у нихъ коняхъ умчались въ степь, безъ дороги.

Разинъ продолжаетъ хитрить.

Несмотря на требованіе воеводъ выдать пушки и награбленные у персовъ дары, которые они везли къ Московскому государю, а также остальныхъ плѣнныхъ персовъ, Разинъ выдалъ только часть пушекъ, 36 штукъ, а 21 пушку оставилъ себѣ, объясняя, что онѣ ему нужны при проходѣ на Донъ отъ Крымскихъ, Азовскихъ и прочихъ людей. Товаровъ также не вернулъ, сказавъ, что они уже раздуванены между казаками, пропиты или перешиты на платье, такъ что собрать ихъ невозможно. Плѣнныхъ персовъ не отдалъ, потому что „они добыты саблей“ и послужатъ для обмѣна съ персами на казаковъ.

— „А какъ дойдемъ до Дона, лукаво говорилъ Разинъ, то пушечки пришлемъ тотчасъ же“.

По свидѣтельству Костомарова, Стенька поднесъ воеводамъ поминки изъ дорогихъ персидскихъ тканей, и они не перечили ему больше. Въ Москву же воеводы доносили, что „взять этотъ полонъ (т. е. персовъ) безъ окупу, взять силою у казаковъ дары, которые везъ Шаховъ купчина и товары его, — мы не смѣли. Мы боялись, что бы казаки вновь шатости къ воровству не учинили, и не пристали бы къ ихъ воровству иные многіе люди, — не умножилось бы кровопролитіе."

Грезы русскихъ людей.

Мы уже не разъ говорили, что юное государство Московское было слабо, въ особенности на окраинахъ. Въ русскомъ юномъ обществѣ казакъ и его свободная удалая жизнь производили впечатлѣніе очарованія, которое передавалось отъ поколѣнія къ поколѣнію до нашихъ дней.

Поэтическія грезы русскихъ людей отрывали ихъ отъ будничной жизни и переносили въ иной сказочный міръ, и все то чудесное, что когда то окружало преданіе объ Ильѣ Муромцѣ и другихъ богатыряхъ, переносилось теперь на казака. Тотъ же русскій народъ прозвалъ Олега вѣщимъ и чародѣемъ, послѣ его возвращенія въ Кіевъ съ моря, съ богатой добычей, когда Олегъ погромилъ греческіе берега. Такимъ же вѣщимъ и чародѣемъ явился для народа въ Астрахани теперь „батюшка Степанъ Тимофѣевичъ", когда вернулся онъ съ награбленнымъ имуществомъ отъ персидскихъ береговъ.

Богатство Стеньки Разина.

— „По истинѣ, Стенька Разинъ богатъ пріѣхалъ, что и невѣроятно быти мнится на судахъ его веревки и канаты всѣ шелковые, и паруса всѣ изъ матеріи персидской шелковыя учинены "

То же самое внесено въ лѣтопись и о судахъ Олеговыхъ. Это сказочное богатство не могло не подѣйствовать на народное воображеніе: среди однообразной бѣдной жизни, говоритъ Н. Н Фирсовъ, явился казакъ, роскошно и ярко одѣтый, который звенитъ дорогимъ оружіемъ и соритъ золотомъ. Деньги ему нипочемъ, онъ гуляетъ и вся его жизнь является непрерывной гульбой, — лишенная сознанія всякаго долга и отвѣтственности и характеризующая, по нашему мнѣнію, крайнюю юность культуры. — Даже торговые люди, говоритъ историкъ, были охвачены жаждой легкой наживы: пріѣхавъ на Донъ для мирной торговли, они побросали свои дѣла и пошли вмѣстѣ съ казаками „ за зипунами". — Здѣсь, говоритъ Фирсовъ, сказалось и желаніе поразмять свою силушку и показать молодецкую удаль. Въ Астраханскомъ же „государствѣ" постоянно пахло казацкимъ духомъ: тамъ царило безпрерывное броженіе народныхъ силъ, образовывались народныя дружины, тамъ укладъ жизни 17 столѣтія соотвѣтствовалъ началу западнаго средневѣковья, — ничего не было твердо установлено и власть Московскаго государства была почти номинальной.

Неразборчивость народа въ способахъ обогащенія и ея происхожденіе.

Преклоненіе передъ вольнымъ духомъ, широкой разудалой жизнью и богатствомъ, все равно, какимъ способомъ нажитымъ составляетъ особенность всякаго юнаго и мало развитого общества. Такимъ было и русское общество 17 столѣтія.

— Жизнь простого народа была тяжела и безрадостна. Тѣмъ болѣе являлась потребность ее измѣнить. Но и въ послѣдующее время жизнь русскаго простолюдина мало чѣмъ украсилась. И потому вполнѣ естественно, что и до сей поры Вы можете встрѣтить въ русскомъ обывателѣ, часто и среди русской интеллигенціи, и конечно — полуинтеллигенціи, неразборчивое преклоненіе передъ богатствомъ, знатностью и политическимъ вліяніемъ. Но это преклоненіе несвободное, оно является наполовину вынужденнымъ, и впослѣдствіи за него съ какимъ то особеннымъ наслажденіемъ мститъ русскій человѣкъ измѣной или бунтомъ, — какъ только обстоятельства это позволятъ.

— Русская народная жизнь, съ ея темнотою и придавленностью, гражданскою разобщенностью, и въ видѣ контръ баланса за это — жаждой крутыхъ соціальныхъ перемѣнъ, — сохранила и доднесь въ кристализованномъ видѣ многія особенности старо-Московской психологіи: русское общество начала 20 вѣка, на своихъ среднихъ высотахъ, обнаруживаетъ въ себѣ отсутствіе солидарности, несамостоятельность и несогласованность своего общаго сужденія, и современный русскій человѣкъ средней руки, отъ котораго зависитъ общественное мнѣніе, все еще остается существомъ слабымъ, наивнымъ и юнымъ, продолжающимъ, несмотря на сложность нынѣшней обстановки, жить понятіями Московской старины. Онъ остается существомъ порывистымъ, страстнымъ и малопослѣдовательнымъ, способнымъ искренно и глубоко ненавидѣть всякую неправду, но одновременно и мирно уживаться съ носителями этой неправды, передъ которыми обнаруживаетъ даже постыдное раболѣпство. — Все это — признаки той общественной и расовой юности общества, на которые намъ указывалъ историкъ С. М Соловьевъ, это — пережитокъ историческаго явленія холопства.

Обаяніе на народъ казаковъ

Поэтому легко понять то искушеніе, которое вызывали въ народѣ Разинскіе казаки. Они расхаживали по Астрахани, разодѣтые въ шелковые и бархатные кафтаны, на шапкахъ у нихъ сверкали жемчугъ и дорогія каменья. Они завели и торговлю, продавая жителямъ крайне дешево свою добычу: фунтъ шолку — всего за 18 денегъ.

— „А онъ-то, богатырь — чародѣй, казацкій батюшка Степанъ Тимофѣичъ, — прямо батюшка, не то, что воеводы да приказные люди: со всѣми ласковый, а ужъ добрый-то какой, кто ни попроси, нѣтъ отказа! . .“

Степана Тимофѣевича величали какъ царя, становились на колѣни, кланялись въ землю. Это обаяніе, говоритъ проф. Фирсовъ, производилось широтой размаха, чудовищной властью и силой. — Разину все было ни по чемъ, онъ не сдерживался ничѣмъ, никакими привязанностями, никакими отношеніями. Онъ дикими выходками произвола озадачивалъ и поражалъ простого человѣка — „Необразованное общество, говоритъ С. М. Соловьевъ, увлекается безмѣріемъ силы, ибо выходки слѣпой силы и жестокаго, безчувственнаго насилія всего болѣе поражаютъ воображеніе простолюдина, и для него сильный человѣкъ уже не просто человѣкъ, а нѣчто высшее".

Первыя открытыя выступленія Разина противъ царской власти.

Разинъ былъ отпущенъ съ провожатыми въ Царицынъ для дальнѣйшаго слѣдованія на Паньшинъ, а въ Черный Яръ и Царицынъ было послано распоряженіе не впускать туда казаковъ, не давать имъ вина и избѣгать съ ними столкновеній. Но казаки по пути буйствовали, останавливали струги и подговаривали къ себѣ стрѣльцовъ.

I октября казаки подплыли къ Царицыну и безъ разрѣшенія вошли въ городъ. Воевода Унковскій не могъ спрятать вина и приказалъ продавать его казакамъ вдвое дороже, что не замедлило вызвать взрывъ ихъ неудовольствія. Дошло до того, что Разинъ съ толпою казаковъ ворвался на воеводскій дворъ и воевода бѣжалъ черезъ окно. Разинъ его всюду искалъ, даже въ алтарѣ собора и наконецъ нашелъ въ Приказной Избѣ.

Тамъ одинъ запорожецъ бранилъ воеводу и далъ его за бороду, а явившійся Разинъ чуть не убилъ его. Унковскому удалось откупиться отъ расправы деньгами.

Ночью казаки напали на стругъ, на которомъ царскій сотникъ везъ царскія грамоты въ Астрахань. Стругъ ограбили, грамоты порвали и побросали въ воду. А когда явился отъ воеводы князя Прозоровскаго посланный съ требованіемъ выдать ему бѣглыхъ и „подговорныхъ" людей, то Стенька отказалъ и сказалъ посланному, что не боится ни воеводы, ни того, кто повыше его. — „Я увижусь еще и разсчитаюсь съ воеводой", добавилъ онъ. Эту угрозу Стенька впослѣдствіи привелъ въ исполненіе.

Рождается мысль поднять соціальную революцію.

Теперь передъ Разинымъ всталъ вопросъ: куда итти? И онъ рѣшаетъ итти вглубь страны и поднять всю голытьбу противъ воеводъ и бояръ, поднять крестьянъ и холоповъ на господъ.

Въ этомъ намѣреніи Разинъ выбираетъ опорнымъ пунктомъ построенный имъ городокъ Черкасскъ, куда вызываетъ къ себѣ жену и брата Фрола, а своихъ Донскихъ жильцовъ отпускаетъ за крѣп-

кими поруками на Донъ, для побывки къ роднымъ. Эти казаки разнесли по всему Донскому в йску вѣсть о своей боевой славѣ и богатой добычѣ. Они подѣлились этой добычей и со своими домохозяевами, зажиточными казаками, дававшими имъ убѣжище, кормъ и оружіе, съ условіемъ полученія половины ихъ военной добычи. Эта пропаганда сдѣлала большое дѣло, и въ ея результатѣ охотники до „зипуновъ“ потянулись къ Разину со всѣхъ сторонъ, такъ что скоро у него стало ужъ 2.700 человѣкъ.

Старые казаки сильно тужатъ.

Между тѣмъ, старые казаки сильно тужили изъ-за того, что, не зная плановъ Разина, они не смѣли заключать съ Азовцами новаго перемирія, которое тѣ предлагали. И Донской атаманъ Яковлевъ не зналъ, принять ли ему Разина въ Войско или же учинить надъ нимъ промыселъ? — Послали челобитную къ государю объ указѣ: какъ быть?

Разинъ же послѣ похода на персидскіе берега считалъ себя признаннымъ вождемъ голутвенныхъ казаковъ Дона, и его поведеніе стало рѣшительнымъ и дерзскимъ.

Убійство царскаго посла.

Весною 1670 года на Донъ прибылъ съ милостивой грамотой отъ царя жилецъ Евдокимовъ, котораго старые казаки приняли съ почетомъ.

Но на казачій кругъ явился Разинъ, кинулся на Евдокимова съ руганью, кричалъ, что Евдокимовъ вретъ, что онъ царскій посолъ, а пріѣхалъ на Донъ лазутчикомъ, избилъ Евдокимова до полусмерти и приказалъ бросить въ Донъ. Старые казаки, пробовавшіе остановить Разина, были также утоплены . . .

Разинъ — „все можетъ.“

Подобные поступки внушали казачьей голытьбѣ, что Разинъ „все можетъ“. Когда же Разинъ началъ истреблять высшіе классы и вводить казачье устройство, то низшіе классы стали вѣрить, что наступило время полнаго освобожденія ото всѣхъ тягостей Московскаго государства, отъ воеводъ, приказныхъ и помѣщиковъ.

Это впечатлѣніе довершалось, говоритъ Н. Н. Фирсовъ, ласковымъ обращеніемъ и безмѣрной щедростью Разина къ простому народу. Разинъ освобождалъ ссыльныхъ, давалъ судовымъ рабочимъ волю и пріобрѣлъ любовь всѣхъ „меньшихъ“ людей.

Второй походъ его не былъ ужъ простымъ разбоемъ и антиправительственнымъ казацкимъ предпріятіемъ. — Разинъ уже такъ привѣтствуетъ высланныхъ противъ него царскихъ стрѣльцовъ:

— „Здравствуйте, братья! Мстите теперь вашимъ мучителямъ, что хуже турокъ и татаръ держали васъ въ неволѣ! Я пришелъ даровать вамъ льготы и свободу. Вы мнѣ братья и дѣти, и будете вы такъ же богаты, какъ и я, если останетесь мнѣ вѣрны и храбры!“ Нельзя отказать этимъ словамъ въ силѣ.

Такія обращенія производили на толпу потрясающее впечатлѣніе. Они содержали и обѣщаніе богатствъ, и декларировали политическую свободу и равноправіе, и призывали къ классовой ненависти. Простой, черный народъ повѣрилъ, что Стенька принесъ ему соціальную правду и дастъ ему новую привольную жизнь.

Въ дѣйствительности же Стенька былъ безсиленъ дать народу какое либо правильное государственное устройство, котораго никакъ нельзя было осуществить путемъ первобытно вечевыхъ совѣтовъ и круговъ. Былъ онъ лишь разрушителемъ, гулякой, грабителемъ, убійцей и воиномъ, типичнымъ воровскимъ атаманомъ, покусившимся осуществить нежизненную программу вѣчевой свободы народа, созрѣвшей въ его мечтахъ и думахъ.

Уже тотъ способъ, при помощи котораго Разинъ дѣлилъ воровскую добычу, показываетъ въ немъ отсутствіе всякой способности къ государственной организаціи. — Онъ добычу просто „дуванилъ“, т. е. дѣлилъ поровну между казаками, тѣмъ примитивнымъ способомъ, къ которому впослѣдствіи прибѣгали и русскіе крестьяне, чрезъ 300 лѣтъ послѣ Разина, во время грабежей помѣщичьихъ усадебъ, не придумавшіе ничего лучшаго, какъ каждую грабимую вещь физически дѣлить и ломать на кусочки, по количеству деревенскихъ „душъ“.

Разинъ, какъ и въ 1917 году, жегъ приказныя бумаги, зная ненависть къ нимъ народа. Въ огнѣ исчезали долги, неуплаченные налоги и преступленія. Даже въ Москвѣ чернь уже поджидала Разина съ нетерпѣніемъ, говоря: — „народъ въ Москвѣ долженъ его встрѣтить съ хлѣбомъ-солью!“ (Костомаровъ).

Отношеніе Разина къ царю.

Мы уже приводили мнѣніе народа о первомъ царѣ Романовской династіи, Михаилѣ Федоровичѣ. Про царя Алексѣя Михайловича народъ говорилъ, что во всемъ виноваты бояре, которые держатъ царя въ невѣдѣніи и даже прямой неволѣ, что всѣ притѣсненія народа идутъ не отъ царя, а отъ бояръ и приказныхъ, злоупотребляющихъ царскимъ довѣріемъ. Къ царю же народъ продолжалъ питать культъ благоговѣнія и страха.

Разинъ долженъ былъ съ этимъ культомъ царя считаться. И хотя онъ явно шелъ противъ царской власти и всего Московскаго соціальнаго и политическаго строя, но до поры принужденъ былъ сдерживаться и таить свои планы. А народу онъ говорилъ, что идетъ освободить царя отъ вліянія бояръ. Стрѣльцамъ царскимъ говорилъ: — „вы бьетесь за измѣнниковъ, а мы бьемся — за государя.“ Это, конечно, была ложь.

Высылка священниковъ.

Религія, осуждающая насиліе, мѣшала Разину. Мѣшало Разину и присутствіе духовенства, какъ живой укоръ его звѣрствамъ, какъ духовная связь казачьяго населенія съ православной Московской властью.

Вслѣдствіе этого Разинъ поощрялъ язычество, а священниковъ всѣхъ съ Дона выслалъ.

Продолженіе Разинскаго движенія. Взятіе Царицына предательствомъ.

Въ городкѣ Паншинѣ Разинъ соединился съ атаманомъ Ваською Усомъ, собралъ всего до 7.000 человѣкъ, съ которыми и двинулся вновь на Царицынъ.

— Все нами разсказанное показываетъ, какъ много можетъ сдѣлать одинъ волевой человѣкъ, начинающій дѣйствовать въ подходящій историческій моментъ . . . И если бы у Разина были иные, болѣе государственные пріемы дѣйствій, онъ пошелъ бы гораздо дальше того, чѣмъ это ему удалось.

Нѣсколько Царицынскихъ предателей пробрались въ лагерь Разина и по его наущенію, вернувшись въ городъ, открыли мятежникамъ городскія ворота. Воевода Тургеневъ защищался въ башнѣ съ горстью храбрецовъ. Послѣ горячаго боя башню взяли, и Тургенева привели на слѣдующій день на веревкѣ къ рѣкѣ, прокололи копьемъ и тяжело раненаго утопили.

Стенька объявляетъ походъ на Москву.

Тутъ Стенька, укрѣпивъ городъ, собралъ кругъ и объявилъ свой замыселъ: или итти по Волгѣ въ государевы города „выводить“ воеводъ или же итти на Москву противъ бояръ. Онъ спрашивалъ мнѣнія круга: какъ ему поступить? — Казаки закричали: пусть будетъ такъ, какъ того желаетъ самъ атаманъ Степанъ Тимофѣевичъ! — Типичный отвѣтъ . . .

Но вскорѣ пришла вѣсть, что въ Черномъ Яру собралась рать отъ воеводы князя Прозоровскаго изъ Астрахани, а сверху идутъ Московскіе стрѣльцы.

Тогда Разинъ стремительно бросается на стрѣльцовъ, которые въ количествѣ одной тысячи человѣкъ спокойно стояли въ 7 верстахъ отъ Царицына, на Денежномъ островѣ, подъ командой Лопатина.

Московскіе стрѣльцы, думая получить поддержку отъ Царицына, стали къ нему пробиваться. Но Царицынъ встрѣтилъ ихъ пушечными ядрами. 500 стрѣльцовъ было побито, болѣе 300 — Стенька посадилъ гребцами-невольниками на свои суда, а Лопатина и др. начальныхъ людей казнили по образцу Тургенева

Тутъ Московскіе стрѣльцы съ удивленіемъ услыхали отъ казаковъ такія странныя рѣчи: — „Вы бьетесь за измѣнниковъ, а не за государя! А мы бьемся — за государя!“

Но съ другой стороны противъ Разина плыли Астраханскіе стрѣльцы, цѣлыхъ 2.600 человѣкъ, и 500 вольныхъ людей, подъ начальствомъ товарища воеводы князя Семена Ивановича Львова. Настроеніе этихъ стрѣльцовъ было далеко отъ Московскихъ стрѣльцовъ. Духъ бунта коснулся ихъ уже во время пребыванія Разина въ Астрахани. На нихъ повліяли и Разинскіе лазутчики. При видѣ воровскихъ судовъ, эти стрѣльцы перевязали своихъ начальныхъ людей, громко привѣтствуя Разина. Начальниковъ перебили, и Разинъ принялъ стрѣльцовъ-дезертировъ подъ свою власть, обѣщая имъ вольную, разгульную и богатую жизнь.

Разинъ мѣняетъ планъ.

Отъ Астраханскихъ стрѣльцовъ Разинъ узнаетъ, что „свои“ ждутъ его съ нетерпѣніемъ въ Астрахани и сдадутъ ему городъ при первомъ его появленіи. Тогда Разинъ рѣшаетъ плыть къ Астрахани, совершая этимъ стратегическую ошибку, которая погубила все его дѣло.

Астрахань укрѣпляется. Видѣніе передъ осадой.

Тѣмъ временемъ Астрахань укрѣпляется. Князь Прозоровскій, узнавъ объ измѣнѣ стрѣльцовъ, не падаетъ духомъ и мужественно укрѣпляетъ городъ, при содѣйствіи капитана перваго русскаго корабля „Орелъ“, нѣмца Бутлера.

Бутлеръ съ Прозоровскимъ осмотрѣли пушки, валы и раскаты, поставили „корабельныхъ людей“ (матросовъ) у наряда (пушекъ), осмотрѣли и укрѣпили и каменный городъ, на другой сторонѣ котораго хлопоталъ англійскій полковникъ Фома Бойль. Поправили валы и раскаты, поставили крѣпкіе караулы. Въ нижней башнѣ стояли персы, калмыки, черкесы.

По преданію, передъ началомъ осады жителямъ Астрахани было видѣніе, предвѣщавшее грядущіе ужасы.

13 іюня ночью караульные стрѣльцы увидѣли, какъ надъ всѣмъ городомъ раскрылось небо, и на Астрахань просыпались точно печныя искры.

Стрѣльцы прибѣжали разсказать про видѣніе митрополиту Іосифу.

Іосифъ долго плакалъ и, вернувшись отъ заутрени въ свою келью, сказалъ, что это гнѣвъ Божій изливается съ Небесъ.

Еще восьмилѣтнимъ мальчикомъ Іосифъ былъ свидѣтелемъ неистовствъ, которыя позволили себѣ въ Астрахани въ Смутное время казаки Заруцкаго, какъ безчестили архіепископа Феодосія за то, что тотъ называлъ ихъ ворами, какъ перебили всѣхъ его дворовыхъ людей, разграбили домъ, а самого святителя посадили въ Троицкомъ

монастырѣ въ каменную тюрьму. . . — Іосифъ носилъ въ себѣ тяжелыя воспоминанія того времени и голова его постоянно тряслась отъ полученнаго отъ казаковъ удара. . .

Прозоровскій, услыхавъ о видѣніи, также заплакалъ: онъ не ждалъ ничего добраго ни отъ стрѣльцовъ, ни отъ астраханцевъ.

Воры подходятъ къ Астрахани Нищіе въ роли поджигателей.

Опасенія стали оправдываться. 22 іюня воровскіе казаки показались подъ городомъ, и Стечька прислалъ въ городъ съ „прелестными“ листами Воздвиженскаго священника и человѣка князя Львова, попавшихъ къ нему въ плѣнъ. Была у нихъ даже особая грамота къ Бутлеру, написанная по-нѣмецки. Но Бутлеръ отдалъ грамоту воеводѣ, который разодралъ ее и приказалъ холопа пытать и отсѣчь ему голову, а попа посадить въ тюрьму, заклепавъ ему ротъ. Въ то же время воевода продолжалъ съ Бутлеромъ укрѣплять городъ, они ставили пушки, закладывали ворота кирпичомъ, а митрополитъ съ духовенствомъ обходили городъ крестнымъ ходомъ.

23-го казаки пристали къ городу подъ виноградными садами, а защитники зажгли Татарскую слободу, чтобы не дать въ ней укрѣпиться непріятелю.

Къ воеводѣ привели двухъ нищихъ, которые перебѣжали къ Разину и были посланы имъ обратно — поджечь Бѣлый городъ во время приступа. Нищихъ казнили.

Послѣднія приготовленія.

На митрополичій дворъ созвали пятидесятниковъ и старыхъ, лучшихъ людей. Ихъ долго уговаривали постараться за Домъ Пречистой Богородицы, послужить великому государю вѣрою и правдою, биться съ измѣнниками мужественно, обѣщая царскую милость живымъ, вѣчное блаженство — павшимъ. Всѣ на словахъ увѣряли, что не будутъ щадить живота своего. Но иначе вышло на дѣлѣ (С. М. Соловьевъ).

Новая измѣна стрѣльцовъ.

Городскіе стрѣльцы только искали повода къ возмущенію. Они явились къ Прозоровскому и потребовали уплаты жалованья за прошлый годъ.

— „Казны отъ великаго государя изъ Москвы еще не бывало“, отвѣчалъ Прозоровскій. Но для успокоенія стрѣльцовъ пошелъ къ митрополиту, который далъ своихъ келейныхъ денегъ 600 рублей, да изъ Троицкаго монастыря вынули двѣ тысячи, и воевода роздалъ эти деньги стрѣльцамъ.

Городъ былъ хорошо защищенъ. Но когда явились воры, которыхъ встрѣтили пушечными ядрами, и полѣзли, несмотря на это,

на приступъ, то городскіе стрѣльцы встрѣтили ихъ какъ друзей, и городъ при ихъ содѣйствіи былъ взятъ въ короткое время. . .

Избіенія, гульба и казни.

Началась обычная картина избіеній. Казаки и Астраханскіе стрѣльцы разсыпались съ крикомъ по городу, избивая дворянъ, сотниковъ, людей боярскихъ, пушкарей. Грабили церкви и торговые дворы, товары дуванили.

Народъ, начальные люди, женщины и дѣти бросились къ собору, куда принесли и раненаго въ животъ князя Прозоровскаго. Прибѣжалъ туда и митрополитъ. Закрыли двери и рѣшили защищаться.

Воры взломали соборныя двери, перевязали всѣхъ начальныхъ людей и посадили подъ раскатъ (обрывъ надъ Волгой) ждать суда, который былъ коротокъ: Прозоровскаго взвели на раскатъ и ринули съ него на землю . . Остальныхъ у собора сѣкли (рубили) саблями и бердышами, такъ что кровь текла ручьемъ до приказной Избы. Трупы бросали въ общую яму, около которой стоялъ монахъ, насчитавшій ихъ 441.

Послѣ убійствъ разграбили приказную палату, дворы убитыхъ и богатыхъ людей и гостинные дворы: русскій, гилянскій, индѣйскій, бухарскій, и все было свалено въ кучу для дувана.

Начальныхъ людей не стало. Астраханью овладѣлъ Стенька Разинъ. Онъ сдѣлалъ изъ нея казачій городокъ, раздѣливъ жителей на тысячи, сотни и десятки, съ выборными атаманами, есаулами, сотскими и десятскими. Зашумѣлъ кругъ — старинное вѣче.

Утромъ все это новое общество двинулось за городъ, гдѣ ихъ привели къ присягѣ: „стоять за великаго государя, за атамана Степана Тимофѣевича Разина, и всему Войску служить, измѣнниковъ выводить.“ Двоихъ священниковъ, ставшихъ обличать воровъ, убили: одного посадили въ воду, другому отсѣкли руку и ногу.

Разинъ велѣлъ сжечь всѣ дѣла и бумаги, и хвалился, что сожжетъ ихъ также и въ Москвѣ, „наверху“, т. е. во дворцѣ государя . . .

Казаки старые и новые гуляли по Астрахани, съ утра пьяные. Стенька разъѣзжалъ по улицамъ или пьяный сидѣлъ у митрополичьяго двора, поджавъ по турецки ноги

Каждый день — кровавыя потѣхи. То одному отсѣкутъ голову, то другого кинутъ въ воду. Одному отрубятъ ноги и руки, а то — вдругъ смилуется Стенька и велитъ отпустить ожидающаго смерти . . .

Въ подражаніе казакамъ, Астраханцы перестали соблюдать постные дни, ѣли мясо и молоко, а кто отказывался, тѣхъ принуждали.

Забавы дѣтей. Женская участь.

Дѣтямъ понравилась потѣха отцовъ. Они завели у себя „круги“ и провинившихся били палками и подвѣшивали за ноги. Одного мальчика, подвѣсивъ за шею, вынули изъ петли мертвымъ . . .

Женамъ и дочерямъ убитыхъ дворянъ, сотниковъ и подъячихъ не было проходу отъ ругани казацкихъ женъ. Вскорѣ Стенька сталъ ихъ насильно выдавать замужъ за своихъ казаковъ. Свадьбы играли безъ поповъ, подъ деревьями.

Пытка двухъ мальчиковъ, князей Прозоровскихъ.

Стенька разыскалъ двухъ мальчиковъ, сыновей князя Прозоровскаго, 16 и 8 лѣтъ, приказалъ отнять ихъ отъ матери-княгини и повѣсить за ноги на городской стѣнѣ. Старшаго на слѣдующій день сбросили мертвымъ на землю, а младшаго сняли еще живымъ, высѣкли и отдали назадъ матери.

Пощадили князя Львова.

Товарищъ воеводы князь Львовъ былъ пощаденъ: во время перваго пріѣзда Стеньки въ Астрахань, послѣ Персидскаго набѣга, онъ сошелся съ княземъ, они даже побратались, и Стенька, не выходя изъ дома товарища воеводы, пилъ, ѣлъ и спалъ у него. Разинъ не тронулъ теперь у него имущества.

Разсылка агентовъ.

Разинъ разсылаетъ своихъ агентовъ по всему государству, пропагандируя истребленіе всѣхъ высшихъ классовъ и установленіе казачества и всеобщаго равенства.

Эти агитаторы возбуждали инородцевъ противъ русскихъ, язычниковъ и магометанъ противъ христіанъ и обратно, рабовъ на господъ, служилыхъ людей противъ начальства. Всѣ партіи, всѣ вѣрованія, всѣ страсти, говоритъ Костомаровъ, затрагивалъ Стенька, лишь бы произвести смуту и свергнуть ненавистный ему Московскій порядокъ. Онъ сносился съ Крымскимъ ханомъ и пытался поднять его орды на Русь. Онъ пробовалъ даже получить содѣйствіе Персидскаго шаха.

Современный путь національнаго прогресса.

Мы уже говорили недавно о народномъ воспитаніи и теперь вернемся къ этой темѣ конкретнѣе. Какъ мы уже указывали, нравственное воспитаніе русскаго народа до революціи осуществлялось исключительно при помощи религіи — въ двухъ направленіяхъ: съ одной стороны нравственное вліяніе шло отъ Православной Церкви, которая стремилась храмовое благочестіе народа распространить и за предѣлы храма — въ толщу народной жизни, съ другой же стороны навстрѣчу этому вліянію шелъ самъ народъ, старавшійся приноровить

свою повседневную жизнь къ требованіямъ Церкви, которая была ему по своему существу глубоко симпатична.

— „Со святцами въ рукахъ, говоритъ В. О. Ключевскій, или точнѣе — въ цѣпкой памяти — великороссъ прошелъ, наблюдая и изучая, весь годовой круговоротъ своей жизни. Церковь научила его наблюдать и считать время. Святые и праздники были его путеводителями въ этомъ наблюденіи и изученіи. Онъ вспоминалъ ихъ не въ церкви только: онъ уносилъ ихъ изъ храма съ собою въ свою избу, въ поле и лѣсъ, навѣшивая на имена ихъ свои примѣты, въ видѣ безцеремонныхъ прозвищъ, какія даютъ закадычнымъ друзьямъ: Афанасій — ломоносъ, Самсонъ — сѣночной, что въ іюлѣ дождемъ сѣно гноитъ, Федулъ — вѣтреникъ, Акулина — грѣчишница, мартовская Авдотья — подмочи порогъ, апрѣльская Марья — зажги снѣга, заиграй овражки и т. безъ конца.“

— На протяженіи своего историческаго пути Русскій Народъ воздвигаетъ безсчетное количество храмовъ и владѣнія Божіи переноситъ на все, что окружаетъ храмъ: такъ, Псковичи самое государство Псковское называли „домомъ Святой Троицы“ — по имени своего главнаго соборнаго храма.

Этимъ способомъ религіозная основа входила въ образованіе національнаго самосознанія, и жизнь государства только и оправдывалась присутствіемъ въ ней Небесныхъ Силъ: эти Силы ведутъ государство, имъ управляютъ, его защищаютъ.

Въ свою очередь, національно государственная жизнь Русскаго Народа создавала подвижниковъ вѣры и святыхъ вождей народныхъ, и это явленіе было настолько признаннымъ и всеобщимъ, что каждая область и каждый значительный городъ стремились получить свою народную святыню, какъ собственную близкую и родную національную хоругвь, служившую стимуломъ жизни, ея идеальнымъ оправданіемъ и высшей защитой въ бѣдѣ и опасности.

Въ русскомъ историческомъ процессѣ религія, сошедшая съ Небесъ, тѣсно входитъ въ жизнь гражданскую, связываясь съ нею все наростающими традиціями, преданіями и обычаями. Всѣмъ этимъ была крѣпка русская національная культура, былъ крѣпокъ морально и самый народъ.

Однако, по мѣрѣ развитія культуры и цивилизаціи, наряду съ религіозными потребностями народа, у государства появляются и свои собственныя задачи просвѣщенія и гражданскаго воспитанія народныхъ массъ, все болѣе сложныя и трудныя въ наше время. Но мы видимъ, что эти задачи въ національномъ государствѣ совпадаютъ съ задачами церковнаго просвѣщенія, вслѣдствіе чего государственное воспитаніе народа призвано дополнять собою и развивать воспитаніе религіозное, по мѣрѣ возможности устраняя изъ жизни человѣка и общества тѣ противорѣчія, которыя издавна существовали между христіанской догмой — и ея практическимъ примѣненіемъ въ жизни. И хотя эти противорѣчія характерны для всего рода человѣческаго благодаря двойственности его природы, но все же ихъ смягченіе во многомъ зависитъ и отъ соціальныхъ условій человѣческой жизни,

такъ какъ эти условія поддаются измѣненіямъ и реформѣ. Въ русской душѣ, какъ и душѣ всѣхъ другихъ людей, уживаются противорѣчивыя стремленія къ добру и злу, влекущія человѣка къ рѣзкимъ переходамъ отъ благородныхъ стремленій души къ низменнымъ паденіямъ человѣческой природы. И въ значительной степени острота этихъ явленій зависитъ отъ недостатка въ нашемъ обществѣ просвѣщенія и нравственнаго развитія. Въ Западной Европѣ, правда, случаются даже гораздо болѣе глубокіе провалы человѣческой нравственности, и западная культура едва ли вправѣ передъ нами чѣмъ либо гордиться, — но тамъ привычное лицемѣріе прикрываетъ эти провалы: въ Западной Европѣ съ этими противорѣчіями примирились, эти противорѣчія приняли застывшую форму. Мы же ищемъ изъ нихъ выхода и пытаемся ихъ преоборотъ.

Поэтому-то, для болѣе совершеннаго религіозно-національнаго воспитанія общества — мало еще церковнаго вліянія на нашу жизнь въ храмѣ, школѣ или въ обществѣ, мало и простого механическаго, некоординированнаго никакой общей идеей изученія свѣтскихъ наукъ, которыя сами по себѣ ни въ комъ не воспитываютъ нравственныхъ дисциплинъ, — необходима сверхъ того такая обстановка нашей жизни, каторая сама по себѣ уже облегчала бы намъ воспріятіе моральныхъ идеаловъ христіанства, а въ наукѣ открывала бы нашему духовному взору присутствіе того же морализующаго стержня, обычно скрытаго отъ поверхностнаго наблюденія.

— Въ чемъ же заключается эта обстановка жизни?

Прежде всего — въ развитіи національнаго сознанія и любви къ Отечеству, достигаемомъ всестороннимъ изученіемъ своего народа и его государства. Такъ напримѣръ, изученіе родной исторіи, со всѣми ея достоинствами и недостатками, ведетъ къ воспитанію патріотизма, но не квасного, поднятаго искусственно на дрожжахъ нашей самонадѣянности и легкомыслія, а патріотизма реальнаго. — Такой патріотизмъ далеко не всѣмъ кичится, что есть въ активѣ Націи, но онъ и глубоко сострадаетъ недостаткамъ своего народа, которые стремится исправить.

Но чтобы реально-патріотическія чувства, въ свою очередь, могли найти себѣ почву для приложенія, въ основу общественнаго устройства необходимо ввести идею соціальной справедливости и внутренняго равновѣсія классовъ. — Лишь тогда, когда народъ научится одухотворять свой трудъ моральнымъ стимуломъ, когда онъ оцѣнитъ практическія выгоды отъ солидарной работы всѣхъ членовъ общества на благо ихъ цѣлаго, — и христіанская идея получитъ для своего приложенія болѣе обширныя возможности.

Вѣдь въ наше время уже стало труизмомъ, что каждой организованной въ государство націи необходимо и ея внутреннее духовное единство, необходима наличность признанныхъ всѣмъ народомъ идеаловъ, безъ которыхъ пуста и безсмысленна жизнь человѣка. Существовавшая вмѣсто общей солидарности людей борьба образующихъ общество силъ — влекла и у насъ и у другихъ народовъ за собою внутреннее общественное неустройство, нравственный безпорядокъ и усиливала контрасты между красотой духа и ея нару-

шеніями, бросая государство Русское то въ объятія голутвеннаго казака Разина, то сибирскаго бродяги Распутина. Эти контрасты свѣта и тѣни, отличающіе собою незрѣлость общества, приводили его къ разложенію и параличу въ наиболѣе исторически отвѣтственные моменты: войны и революціи.

Русское общество, за которымъ не признавалось его гражданскаго и духовнаго единства, состояло изъ одиночныхъ лицъ, жившихъ въ глубокомъ разобщеніи, которое искусственно поддерживалось властью. Никакой національный прогрессъ не можетъ быть совмѣстимъ съ такимъ положеніемъ, такъ какъ онъ зависитъ не отъ достоинствъ отдѣльныхъ личностей, сколь высоки послѣднія бы ни были, а достигается послѣдовательными и согласованными усиліями всего Народа, въ зависимости отъ его правовыхъ возможностей, конституціи государства и справедливости общественнаго устройства.

— Національное воспитаніе общества опредѣляется духовно-санитарнымъ состояніемъ всего народа, его здоровыми идеалами и, что особенно важно, — возможностью эти идеалы воплощать въ жизни. А для этого нужны — здоровая, сросшаяся съ народомъ интеллигенція, здоровый и честный патріотизмъ стоящихъ у власти людей.

Астраханцы боятся царскихъ войскъ.

Въ Астрахани Стенька потерялъ много дорогого времени. Когда онъ, наконецъ, собрался походомъ на верховые города Поволжья, то Астраханцы, боясь, что послѣ ухода отъ нихъ Разина Астрахань можетъ быть взята царскими войсками, которымъ войти въ городъ помогутъ уцѣлѣвшіе дворяне и приказные, — обратились къ Разину съ просьбой розыскать этихъ дворянъ и приказныхъ и велѣть ихъ перебить. Стенька для этой расправы оставилъ въ Астрахани атамана Ваську Уса.

Разинъ въ Царицынѣ, Саратовѣ, Самарѣ.

Разинъ поплылъ отъ Астрахани вверхъ по Волгѣ на 200 судахъ, а по берегу за нимъ шло двѣ тысячи конницы. Изъ Царицына Стенька отправилъ награбленную добычу на Донъ, а самъ занялъ Саратовъ и Самару. Воеводъ утопили, дворянъ и приказныхъ перебили, имущество ихъ разграбили, а жителей показачили. Изъ Самары Разинъ двинулся къ Симбирску, гдѣ сидѣлъ окольничій Милославскій, на помощь къ которому успѣлъ подойти изъ Казани другой окольничій — князь Барятинскій. Но съ Барятинскимъ ратныхъ людей пришло мало.

Дворяне не даютъ хорошихъ ратниковъ въ царскую армію.

— „Начальные люди Зыковскаго и Чубаровскаго полковъ, доноситъ кн. Барятинскій царю, взяли въ Москвѣ жалованье, а въ

полки до сихъ поръ не бывали, живутъ по деревнямъ своимъ, а полковъ держать некому".

— „Алексѣй Еропкинъ разбиралъ служилыхъ людей не по указу, для своей бездѣльной корысти: вмѣсто того, чтобы оставлять у себя самыхъ меньшихъ статей, оставилъ лучшихъ людей, кому было можно служить. Рейтарскимъ полкамъ прислалъ списки, а въ спискахъ писаны многіе мертвые, одно имя дважды и трижды. Налицо 1.300 человѣкъ въ обоихъ полкахъ, и въ томъ числѣ треть пѣшихъ, а безъ пѣхоты мнѣ быть нельзя."

Симбирцы сами помогаютъ Разину.

4-го сентября Разинъ подошелъ къ Симбирску, обогнулъ городъ, оставилъ свои струги на полъ-версты выше города и ночью отправился на приступъ. Барятинскій преградилъ ему путь. Завязался упорный бой, длившійся цѣлый день, не доставившій никому рѣшительной побѣды.

Между тѣмъ, Разинъ „пересылался" съ жителями Симбирска. Увѣрившись, что они на его сторонѣ, онъ ночью напалъ на Барятинскаго, а передъ разсвѣтомъ приступилъ къ городу, къ тѣмъ прясламъ стѣны, гдѣ стояли Симбирцы. Пострѣлявши для вида пыжами, Симбирцы впустили казаковъ въ „острогъ" (передовое укрѣпленіе), а сами бросились рубить людей боярскихъ, не бывшихъ съ ними „въ одной думѣ."

Сказывается недостатокъ пѣхоты у Барятинскаго.

Овладѣвъ острогомъ, воры бросились къ городу. Но тутъ имъ навстрѣчу явился Барятинскій. Воры повернули на него острожныя пушки и заставили Барятинскаго, не имѣвшаго достаточно пѣхоты, отступить отъ Симбирска къ Тетюшамъ. Отсюда Барятинскій писалъ государю:

— „Татары, которые, въ рейтарахъ и сотняхъ, худы и ненадежны. Съ перваго же боя многіе изъ нихъ утекли въ домы свои." Надо полагать, что этого бы не случилось, еслибы при присоединеніи этого края къ Москвѣ, права и хозяйственные интересы инородцевъ не были грубо нарушены.

— „Начальные люди, доноситъ далѣе Барятинскій, въ полкъ ко мнѣ не бывали, живутъ въ деревняхъ. Окольничій Иванъ Богдановичъ Милославскій сѣлъ въ маломъ городкѣ (Симбирска), съ нимъ головы стрѣлецкіе, солдаты и иныхъ чиновъ люди. Малый городъ крѣпкій, скоро взять не чаю (т. е. скоро не будетъ взятъ мятежниками), только безводенъ, колодцевъ нѣтъ, а они воды навозили много. Я пошелъ въ Тетюши и дожидаюсь князя Петра Семеновича Урусова, чтобы намъ пойти опять къ Симбирску." — А у него (Разина) немноголюдно, больше пяти тысячъ нѣтъ худого и доброго, а нынче у него въ бояхъ и на приступѣ безмѣрно побито лучшихъ

людей. Хотя бы у меня было двѣ тысячи пѣхоты, — и онъ бы совсѣмъ пропалъ, не только бы къ Симбирску, и къ берегу бы не допустилъ. Но, видя, что безъ пѣхоты съ нимъ дѣлать нечего, я отошелъ и полкъ твой отвелъ въ цѣлости."

Бездѣйствіе Милославскаго.

Иванъ Милославскій сидѣлъ, несмотря на то, что силы Разина день ото дня росли приходомъ чувашъ, мордвы и русскихъ крестьянъ. Казаки предприняли четыре безуспѣшныхъ приступа городка. Цѣлый мѣсяцъ сидѣлъ Иванъ. 1-го октября онъ увидалъ, что Стенька уходитъ.

Пораженіе Разина подъ Симбирскомъ.

Но на пути Разина стоялъ обозомъ князь Барятинскій. Съ нимъ Стенька сразился въ 2-хъ верстахъ отъ Симбирска.

Потерявъ безчисленное количество людей, самъ получивъ двѣ раны, Стенька потерпѣлъ отъ Барятинскаго жестокое пораженіе, бѣжалъ къ Симбирскому острожному валу и заперся въ башнѣ.

Барятинскій наводилъ мосты на рѣкѣ Свіягѣ и 3-го октября подошелъ къ городку и освободилъ Милославскаго изъ осады. Но Стенька стоялъ по другую сторону Симбирска, у Казанскихъ воротъ, и весь острогъ занималъ воровскими людьми. Онъ готовился зажечь городъ и взять его.

Барятинскій прибѣгъ къ хитрости. Онъ приказалъ полковнику Чубарову зайти черезъ рѣку Свіягу со своимъ полкомъ и тамъ дѣлать окрики, какъ будто пришло новое царское войско.

Хитрость удалась: великій чародѣй и богатырь, Стенька испугался, объявилъ собравшейся толпѣ Астраханцевъ, Царицынцевъ, Саратовцевъ и Симбирцевъ, чтобы они стояли у города, а самъ онъ пойдетъ будто съ Донцами на царскихъ воеводъ, — и кинулся съ Донцами на суда и уплылъ.

Тогда Барятинскій и Милославскій съ двухъ сторонъ напали на воровъ и подожгли острогъ съ разныхъ сторонъ. Воры изъ него выбросились къ рѣкѣ, къ судамъ, но были захвачены и всѣ перетоплены, а пять или шесть сотъ плѣнныхъ были перебиты.

Заводчиковъ четвертовали, другихъ рубили и вѣшали по берегу Волги по всѣмъ дорогамъ. По уѣздамъ разослали приказъ, чтобы всѣ измѣнившіе государю — били бы челомъ о прощеніи и оставались въ своихъ домахъ. Со слободы выбирали по человѣку и наказывали его кнутомъ.

Долгое пребываніе Разина въ Астрахани, задержка и пораженіе подъ Симбирскомъ подорвали его предпріятіе.

Крестьянскія волненія въ сѣверныхъ Волжскихъ городахъ.

Но этимъ дѣло не кончилось. Еще при началѣ осады Симбирска Стенька отправилъ казаковъ съ „прелестными листами" въ сѣверные

Волжскіе города. Въ листахъ говорилось, что казаки идутъ противъ измѣнниковъ бояръ, и съ ними идутъ Нечай-царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ (въ дѣйствительности недавно умершій) и патріархъ Никонъ, изгнанный боярами (то же неправда).

Благодаря этимъ „прелестнымъ листамъ“, бунтъ запылалъ на всемъ пространствѣ между Окою и Волгою. Въ селахъ крестьяне стали истреблять помѣщиковъ и приказчиковъ, и толпами поднимались въ казаки.

Въ городахъ, услышавъ объ этомъ, чернь бросалась на воеводъ и приказныхъ, впускала казаковъ, выбирала вмѣсто воеводы атамана, вводила казачье устройство.

Воеводы и приказные, „облихованные“ міромъ, убивались, а „одобренныхъ“ не трогали, но это было исключеніемъ. Какъ и въ Стутное Время, поднялись инородцы: мордва, чуваши, черемисы.

Новое возстаніе развивается въ двухъ направленіяхъ.

Возстаніе, какъ лѣсной пожаръ, перебрасывалось все дальше. Поднимая возстаніе, воры держались двухъ главныхъ направленій: 1) отъ Симбирска на западъ, по губерніямъ Симбирской, Пензенской и Тамбовской, и 2) къ сѣверу-западу — по Симбирской и Нижегородской.

Часть мятежниковъ подъ командой Мишки Харитонова.

Первая воровская шайка, отдѣлившаяся отъ Разина въ сентябрѣ, подъ начальствомъ Мишки Харитонова, пошла къ Корсуню. При этомъ, была объявлена и цѣль похода: „итти на русскіе города, бояръ перебить, перебить женъ и дѣтей ихъ, а домы — разорить . . .“

Корсунскіе люди пристали къ ворамъ и вмѣстѣ съ ними отправились по селамъ бить помѣщиковъ. Сдались Атемарцы, Инсарскій острогъ. Сопротивленіе оказалъ Саранскъ. Воры ворвались въ него, перебили ратныхъ людей, убили воеводу, затѣмъ направились къ Тамбову. Хотя воровъ было немого, но сами городскіе люди оказывали имъ содѣйствіе. — „Ихъ воровская прелесть, писалъ Керенскій воевода Безобразовъ, во всѣхъ людяхъ всѣяла, будто съ ними идетъ Нечай-царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ да Никонъ патріархъ, и малоумные люди все то ставятъ въ правду, и отъ того пущая бѣда и поколебаніе въ людяхъ.“

Изъ Саранска Мишка Харитоновъ отправился къ Пензѣ. Пензенцы, завидя воровъ, убили воеводу и побратались къ казаками. Въ Пензу прибыло подъ начальствомъ бѣглаго солдата Васьки Федорова къ ворамъ подкрѣпленіе изъ Саратова. Взявъ двѣ пушки, воры послѣ Пензы заняли Норовчатъ, а Нижеломовцы схватили воеводу и подняли его на копья. Изъ Нижняго Ломова перекинулись къ Верхнему Ломову, жители котораго выдали воеводу Корсакова. Его убили. Но Керенскаго воеводу Безобразова отпустили въ Шацкъ. Въ Кадомскомъ уѣздѣ къ Мишкѣ Харитонову и Васькѣ Федорову

присоединился третій атаманъ — Мишка, а затѣмъ и четвертый — Шиловъ.

Въ каждой деревнѣ воры брали по мужику съ дыма, это былъ очень большой процентъ. Кромѣ того, толпа увеличивалась татарами и мордвою.

Другая часть воровъ подъ управленіемъ Осипова.

Вторая толпа воровъ, посланная Разинымъ изъ-подъ Симбирска съ атаманомъ Максимомъ Осиповымъ, выдававшимъ себя за царевича Алексѣя, двигалась на сѣверо-западъ къ Алатырю. Алатырь былъ взятъ и сожженъ, воевода Бутурлинъ съ женой, дѣтьми и съ дворянами заперлись въ соборной церкви, и въ ней сгорѣли живыми. Былъ взятъ Темниковъ, воевода котораго Челищевъ успѣлъ бѣжать, но воры убили его брата и племянника и подъячихъ. Въ Курмышевѣ городскіе и уѣздные люди, во главѣ съ воеводой, встрѣтили съ иконами воровъ, которые города не тронули. Въ Ядринѣ воеводу „одобрили“ и оставили въ живыхъ. Изъ Василя воевода убѣжалъ. Въ Козьмодемьянскѣ жители убили воеводу и выбрали старшиной посадскаго человѣка, освободили тюремныхъ сидѣльцевъ, одинъ изъ которыхъ, Долгополовъ, пошелъ поднимать Ветлугу. Жители Лыскова сами пригласили къ себѣ воровъ. Мурашкинцы отрубили своему воеводѣ Племянникову голову.

Но по другую сторону Волги не хотѣлъ сдаваться богатый Макарьевскій Желтоводскій монастырь. 8 октября воры подступили къ этому монастырю съ криками „Нечай“ и старались зажечь монастырь. Но приступъ былъ отбитъ монахами вмѣстѣ съ крестьянами и богомольцами.

У Осипова, между тѣмъ, накопилось около 15.000 народа, мордвы, черемисы и крестьянъ, среди которыхъ была только сотня Донскихъ казаковъ.

Воры осадили монастырь вторично, взяли его, разграбили имущество частныхъ лицъ, но монастырскаго почему то ничего не тронули. Вѣроятно, это было преобладающее вліяніе мужиковъ.

Къ атаману Осипову нахлынули новыя толпы чувашъ, мордвы и черемисъ, и онъ двинулся съ ними къ Нижнему.

Нижегородская чернь уже дважды присылала ворамъ приглашеніе, обѣщая открыть ворота, а государевыхъ людей перебить. Но Стенька прислалъ гонца съ приказомъ повернуть на помощь къ нему, въ виду его пораженія подъ Симбирскомъ, и осада Нижняго не состоялась.

Царскіе воеводы собрались съ силами, но дворяне въ „нѣтяхъ“

Царскіе воеводы собрались съ силами. Князь Юрій Долгорукій, стоявшій съ войскомъ въ Арзамасѣ, доносилъ государю о производимой имъ мобилизаціи:

— „Ратныхъ людей, которые идутъ къ намъ въ полки, воры побиваютъ и грабятъ. У насъ малолюдно, стольниковъ у насъ объявилось въ „естяхъ“ 96 человѣкъ, а въ „нѣтяхъ“ 92. Стряпчихъ въ естяхъ — 95, а въ нѣтяхъ — 212. Дворянъ Московскихъ въ естяхъ 108, а въ нѣтяхъ 279. Жильцовъ въ естяхъ 291, а въ нѣтяхъ 1508. Разныхъ городовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ зѣло мало въ пріѣздахъ.“

Нижегородскіе же воеводы сообщали:

— „Въ Нижегородскомъ уѣздѣ воры дороги всѣ переняли и учинили по дорогамъ крѣпости и засѣки, и заставы крѣпкія и многолюдныя. Конныхъ и пѣшихъ людей не пропускаютъ и побиваютъ до смерти.“ — „Въ Нижегородскомъ уѣздѣ многія села и деревни разорили и выжгли, дворянъ и людей ихъ побили. Къ Нижнему Новгороду подъѣзжаютъ и всякимъ жилецкимъ людямъ говорятъ съ угрозами, воровскія письма привозятъ.“

Усмиреніе Нижняго.

Бунтъ охватывалъ Долгорукаго съ трехъ сторонъ, но воеводы Леонтьевъ и князь Шербатовъ побили воровъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, по дорогамъ, ведущимъ къ Арзамасу, гдѣ сидѣлъ и оборонялся Долгорукій, вслѣдствіе чего Долгорукій теперь могъ перейти къ наступательнымъ дѣйствіямъ.

Чтобы очистить отъ воровъ Нижегородскую губернію и не дать имъ подойти къ Нижнему, Долгорукій послалъ воеводъ Леонтьева и Щербатова къ селу Мурашкину, главному мѣсту скопа воровскихъ силъ.

Нестройныя толпы бунтовщиковъ, несмотря на присутствіе у нихъ пушекъ, послѣ нѣсколькихъ упорныхъ боевъ и диверсій, побѣжали, оставивъ на полѣ 21 пушку, знамена и плѣнныхъ. Сдался воеводамъ Лысковъ, откуда воеводы 28 октября прибыли въ Нижній, для расправы. — „Въ Нижегородскихъ людяхъ была къ воровству шатость.“ Здѣсь многихъ воровъ повѣсили, четвертовали, инымъ отсѣкли головы. Нижній стихъ.

Воевода Леонтьевъ продолжалъ очищать Нижегородскій уѣздъ, разбилъ большую воровскую засѣку на Курмышской дорогѣ. Эта засѣка была построена по всѣмъ правиламъ крѣпостного искусства, и ее защищало 4 ½ тысячи воровъ. Засѣка имѣла въ квадратѣ версту. Большая часть воровъ здѣсь была истреблена, остатки бѣжали къ селу Маклакову, гдѣ засѣли на гумнахъ и дворахъ. Государевымъ людямъ ничего не оставалось, какъ запалить село и сжечь въ немъ воровъ.

Успѣшныя дѣйствія воеводъ.

Хотя крестьянское возстаніе охватило громадныя пространства, но воеводы уже дѣйствовали успѣшно. Съ сѣвера кн. Долгорукій двинулся на югъ, гдѣ воевода Лихаревъ подъ селомъ Веденяпинымъ

разбилъ воровскую шайку въ 5.000 человѣкъ, при 4 пушкахъ. Въ Кадомскомъ лѣсу Лихаревъ разбилъ одну за другой нѣсколько шаекъ по 500 и 300 человѣкъ, укрывавшихся въ засѣкахъ

Изъ Саранска двигались на помощь своимъ цѣлыя толпы воровъ. Но страхъ жителей передъ ворами уже исчезъ: отдѣльные города стали сдаваться воеводамъ, и воры спасались бѣгствомъ въ лѣса или перебѣгали изъ города въ городъ.

Въ сѣверной части Тамбовской губерніи успѣшно сражались съ ворами воеводы Хитрово, съ отрядомъ въ 2.670 человѣкъ, и Пашковъ, съ 2118 человѣкъ. Они двигались съ юга, отъ Тамбова.

17 октября на Шацкъ наступили большія толпы воровъ, но были отбиты и прогнаны въ заповѣдный лѣсъ рейтарскими полковниками Зубовымъ и Зыковымъ. Но въ 20 верстахъ отъ Шацка было обнаружено разбойничье гнѣздо, состоявшее изъ крестьянъ, Тамбовскихъ казаковъ и солдатъ разныхъ слободъ и селъ, которые должны были итти на службу къ воеводѣ Хитрово въ Шацкій полкъ, но дезертировали. Хитрово осадилъ ихъ обозъ подъ Алгасовымъ, Алгасово сжегъ, такъ какъ его крестьяне также участвовали въ воровскомъ обозѣ, послѣ чего на слѣдующій день вожакъ шайки Мещеряковъ сдался. Хитрово привелъ его къ присягѣ и отпустилъ всѣхъ въ въ Тамбовъ, на службу къ государю.

Таковы были рѣшительные успѣхи царскихъ войскъ среди бушующей мятежной стихіи, охватившей нѣсколько областей государства.

Но еще долго грабежи и частичные разбои не прекращались у Шацка. Только 19 ноября Шацкій уѣздъ успокоился.

Тѣмъ временемъ воеводы Долгорукій и Лихаревъ подступили къ Темникову, который изъявилъ покорность и выдалъ зачинщиковъ бунта.

7 декабря принесъ повинную городъ Красная Слобода (Краснослободскъ), жители котораго привели 56 воровъ. Ихъ послѣ розыска повѣсили.

По распоряженію изъ Москвы, всѣ отряды царскихъ войскъ соединились подъ однимъ командованіемъ кн. Долгорукаго, который отправилъ для „промысла“ на Алатырь и соединенія съ княземъ Барятинскимъ воеводу Панина.

Въ концѣ октября Барятинскій разбилъ на-голову восьми-тысячный отрядъ воровъ на рѣкѣ Урени, затѣмъ разбилъ 15-ти тысячный отрядъ воровъ у рѣки Барыша и взялъ слободу Усть Уренскую, чрезъ нѣсколько дней напалъ на главныя силы воровъ за рѣчкой Кондраткой, подъ слободою. Воры были пѣшіе и конные, при 12 пушкахъ. Пушки были взяты, воровъ преслѣдовали и побили такъ много, что въ полѣ, въ обозѣ и на улицахъ слободы между трупами нельзя было и конному проѣхать: крови пролилось „какъ отъ большого дождя ручьи текутъ“, а побѣдители потеряли только 13 человѣкъ убитыми и 108 ранеными. Изъ 323 плѣнныхъ воевода приказалъ главарей-заводчиковъ „посѣчь“ (порубить), остальныхъ, приведя къ присягѣ, — отпустить, самъ же пошелъ дальше къ рѣкѣ Сурѣ.

Изъ-за рѣки показались толпы жителей разныхъ деревень Алатырскаго и Саранскаго уѣздовъ, съ иконами. Они били челомъ о

прощеніи и съ плачемъ обѣщались впредь ни къ какимъ воровскимъ „прелестямъ“ не приставать.

Явилась и толпа жителей Алатыря съ повинной: посадскіе люди, священники съ образами, стрѣльцы, пушкари, казаки. Барятинскій отпустилъ въ Алатырь воеводу Шильникова, а самъ пошелъ къ Корсуню, откуда жители также вышли навстрѣчу съ иконами и принесли повинную. Вернувшись поспѣшно въ Алатырь, онъ построилъ для его защиты острогъ, опасаясь новыхъ движеній воровъ.

Русская народная трагедія.

Въ русской смутѣ 17 столѣтія насъ не должна поражать та легкость, съ которой простой народъ пристаетъ ко всякому „заводу“, наивно повѣривъ въ необыкновенную, сверхъестественную силу предводителей мятежа, которыхъ народное воображеніе возводитъ даже въ рангъ былинныхъ богатырей. Насъ не должно изумлять и то преклоненіе передъ внѣшнимъ успѣхомъ, которое проявляетъ народъ, не думая о будущихъ послѣдствіяхъ своего поведенія. — Всему этому мы уже имѣли свое объясненіе.

— Мы видѣли, что крестьянская консервативная масса неизмѣнно ждетъ доказательствъ этого успѣха и до той поры не трогается съ мѣста. Но зато, когда успѣхъ возстанія у всѣхъ налицо, — волны народнаго движенія поднимаются противъ государственной власти девятымъ валомъ, захлестывая самое государство и угрожая его бытію. Въ этомъ движеніи народныхъ массъ, помимо уже извѣстныхъ намъ историческихъ причинъ, можно видѣть еще и выраженіе тупого и узкаго классоваго эгоизма, который ни съ чѣмъ не считается: ни съ человѣчностью къ отдѣльнымъ лицамъ, которыхъ безъ пощады и разбора уничтожаетъ народный бунтъ, ни съ благомъ всего общества, противъ котораго онъ въ конечномъ итогѣ направленъ.

Въ эти кровавые моменты передъ нами встаетъ во весь свой ростъ образъ обѣзумѣвшаго крестьянина, ломающаго все на своемъ пути, объятаго слѣпой яростью, сбрасывающаго съ себя всякую оболочку культуры, обычаевъ жизни и ея взаимоотношеній.

Но вотъ, счастье измѣняетъ предводителямъ гиля, и народъ быстро теряетъ въ нихъ вѣру. Въ свою очередь онъ покидаетъ ихъ, раболѣпно склоняясь передъ авторитетами старой власти, къ чему побуждаютъ его разсчетъ и необходимость.

— И тутъ русскій человѣкъ проявляетъ еще одну особенность: совершивъ большое число преступленій, убійствъ и насилій, проявивъ полное неуваженіе къ Церкви и ея носителямъ, — теперь, когда бунтъ подавленъ и явно идетъ на отвалъ, — народъ снова, въ поискахъ себѣ моральной опоры, прибѣгаетъ къ покровительству Церкви, и съ тѣми же епископами и попами, которыхъ онъ только что безчестилъ и звѣрски убивалъ, съ церковными хоругвями, иконами и

молебнымъ пѣніемъ выходитъ навстрѣчу правительственной власти, видомъ своего раскаянія какъ бы желая смягчить эту власть въ свою пользу.

Но это первоначальное впечатлѣніе требуетъ значительнаго коррективa.

На самомъ дѣлѣ — это не игра, не театръ и не обманъ, и мы ни на минуту не сомнѣваемся въ томъ, что въ эти тяжелые для народа моменты въ немъ дѣйствительно просыпается уснувшая совѣсть и пробуждается искреннее раскаяніе и религіозное чувство, хотя при первомъ взглядѣ на эту экзотическую смѣсь свѣта и тѣни и рождается невольно чувство неловкости за народъ, пользующійся религіей для защиты своихъ шкурныхъ интересовъ, и становится тяжело за самую религію, низводимую до такого служенія. Ибо, какъ мы видѣли, народное раскаяніе пробуждается только послѣ хорошихъ ударовъ правительственной власти по бунту.

Прежде всего, однако, слѣдуетъ замѣтить, что въ моменты отрезвленія съ русскаго человѣка, какъ мы думаемъ, дѣйствительно слетаетъ, хоть и временно, его классовый эгоизмъ, и подъ вліяніемъ остраго разочарованія въ бунтѣ пробуждается простая человѣческая душа.

Справедливость требуетъ указать и на то, что большею частію народъ, въ своей массѣ, не убивалъ и не мучилъ священства, не разорялъ храмовъ и не кощунствовалъ: все это вмѣсто него, хотя и при его молчаливомъ согласіи, дѣлали воровскіе люди, тѣ подонки Московскаго общества 17 столѣтія, которые подняли гиль, стараясь свою ненависть къ государству и религіи оправдать заявленіемъ объ „измѣнѣ“ духовенства народному дѣлу.

Народъ же смотрѣлъ на все это и терпѣлъ, точно зачарованный злыми чарами волшебства, парализованный въ собственной волѣ, которая у него была отнята заводчиками гиля. Въ наше время это состояніе назвали бы гипнозомъ. Но въ народѣ, несомнѣнно, гдѣ-то въ самой глубинѣ его души, должны были отлагаться чувства изумленія и страха передъ этими злодѣяніями, которыя впослѣдствіи, когда съ народной совѣсти спадетъ „очарованіе“ бунта, выльются въ полное душевное пробужденіе, — и это сложное явленіе человѣческой психологіи нужно правильно оцѣнить, чтобы не пройти мимо него безъ вниманія.

— Здѣсь, въ этихъ явленіяхъ психики, мы наблюдаемъ смѣсь двухъ противоположныхъ началъ: дѣйствительной религіозности народа, которая лишь на время, подъ гипнозомъ бунта, благодаря своеобразной массовой истеріи и стаднымъ чувствамъ, была куда-то отставлена на задній планъ, — и умственной отсталости русскаго народа: дикія времена, грубый классовый эгоизмъ, первобытная, невоздѣланная натура русскаго человѣка, сквозь не всегда приглядную наружную оболочку которой на васъ временами сверкаютъ неожиданныя озаренія вѣры и духовной красоты . . .

— Народъ, проигравъ бунтъ и утративъ соединенныя съ нимъ надежды на лучшее соціальное существованіе, возвращаясь къ старому, постылому порядку вещей, уже не имѣетъ иной для себя за-

щиты, кромѣ Небесной, къ которой и обращается теперь его ищущій взоръ. — Встрѣча царскихъ войскъ иконами и священствомъ есть проявленіе глубокой трагедіи, наступившей въ душѣ русскаго человѣка, это — выраженіе появившагося сознанія безполезности и гибельности бунта, его грѣховности, это — молніеносное отрезвленіе и отчаяніе, ощущеніе вѣковѣчной придавленности, беззащитности и соціальнаго бездорожья. . .

— Прошли съ тѣхъ поръ почти три вѣка — срокъ немалый, но мало что измѣнилось въ психикѣ русскаго человѣка, оставшагося тѣмъ, чѣмъ онъ былъ и въ тѣ удаленныя отъ насъ времена.

Послѣднія вспышки бунта.

Въ началѣ декабря нѣсколько воровскихъ атамановъ собрали послѣднія силы и двинулись на Алатырь. Около мордовской деревни Баевой ихъ встрѣтилъ воевода Панинъ и разбилъ. Въ ту же ночь Панинъ и подоспѣвшій къ нему на помощь Барятинскій напали на воровской обозъ, взяли его и „сѣкли“ бѣгущихъ воровъ на протяженіи 15 верстъ. По дорогѣ на Саранскъ жители выходили навстрѣчу воеводамъ и приносили повинную.

Другой воевода, Леонтьевъ, разбилъ воровскія лѣсныя засѣки въ Арзамасскомъ и Алатырскомъ уѣздахъ, гдѣ отсиживались русскіе и мордва, съ женами и дѣтьми. Бѣжавшая съ боя мордва спряталась по своимъ деревнямъ, и Леонтьевъ приказалъ эти деревни сжечь. Послѣ того оба уѣзда успокоились.

На востокѣ для очистки отъ бунтовщиковъ городовъ Свіяжска, Цывильска, Чебоксаръ, Козьмодемьянска и другихъ, гдѣ вмѣстѣ съ русскими волновались черемисы и чуваши, отправился воевода князь Данила Барятинскій, быстро справившійся съ ворами въ этихъ мѣстахъ. Но когда Барятинскій подошелъ къ Козьмодемьянску, то увидѣлъ, что изъ него вышелъ крестный ходъ съ однимъ духовенствомъ, безъ жителей. Оказалось, что воры выпустили этотъ ходъ для переговоровъ, оставивъ въ городѣ заложниками женъ и дѣтей духовенства, угрожая ихъ перебить, если царскіе воеводы на городъ нападутъ. Что же сдѣлалъ тогда Барятинскій? Онъ немедленно пошелъ на приступъ, взялъ городъ, порубилъ воровъ и взялъ плѣнныхъ и оружіе. Остановившись здѣсь для розыска, Барятинскій казнилъ смертію 60 „пущихъ“ воровъ, сотнѣ воровъ отсѣкъ руки или по одному пальцу на правой рукѣ, а 400 человѣкъ билъ нещадно кнутомъ.

Несмотря на эти строгости, нагорная черемиса Козьмодемьянскаго уѣзда, давъ вмѣсто присяги на вѣрность шерсть, снова пристала къ воровскимъ казакамъ и билась противъ государевыхъ людей.

Воры собрались въ Ядринѣ. Барятинскій послалъ туда для уговоровъ монаха и посадскаго. Монаха воры сбросили съ башни, а посадскаго положили на огонь. Эти дерзкіе воры, не дожидаясь инициативы Барятинскаго, въ количествѣ 13.000 человѣкъ сами напали на Козьмодемьянскъ, зажгли слободы, но потерпѣли сильное пора-

женіе. Послѣ этого воры, сидѣвшіе въ Ядринѣ, въ страхѣ бѣжали, а Барятинскій привелъ Ядринцевъ къ присягѣ.

Въ январѣ 1671 года восточная окраина утихла. Мятежъ еще вспыхивалъ во многихъ мѣстахъ южной окраины, но безъ главнаго своего заводчика не разгорался. . .

Бѣгство Разина на Донъ.

Понесся пораженіе подъ Симбирскомъ, Разинъ такъ растерялся, что прибѣжалъ подъ Самару и сталъ жилецкимъ людямъ разсказывать, какъ пушки у него не стали стрѣлять, и оттого онъ бѣжалъ „на низъ."

Но Самарцы, увидавъ изъ этого неудачнаго разсказа, что сверхъестественная сила покинула ихъ богатыря-чародѣя, не впустили Разина въ городъ. То же сдѣлали и Саратовцы.

На Дону также все быстро перемѣнилось. Когда Стенька былъ силенъ, то его сторонники на Дону имѣли верхъ. Когда же пришла вѣсть о его пораженіи, и въ подтвержденіе этого извѣстія самъ Стенька пожаловалъ на Донъ, то старые, домовитые казаки одержали верхъ.

Въ городъ Черкасскъ въ сентябрѣ пріѣхалъ отъ царя съ грамотой казакъ Артемій Михайловъ, съ товарищами. Собрался казачій кругъ. Когда вычли грамоту, то старый атаманъ Корнило Яковлевъ вышелъ и нѣсколько разъ на разныя стороны со слезами сказалъ :

— „Мы отъ вѣры христіанской и отъ Соборной Церкви отступили! Пора намъ вспокаяться, дурость отложить и великому государю служить по-прежнему!"

Но Стенька на Дону еще свирѣпствовалъ, жегъ какъ дрова враговъ въ печахъ . . . Однако ничто болѣе не помогало : Донъ на его защиту не поднимался. Такъ, всякій терроръ теряетъ свою силу, когда отъ первой важной неудачи разсѣивается его гипнозъ.

Въ февралѣ 1671 года Стенька подошелъ было съ шайкой къ Черкасску, но его и сюда не впустили. Онъ засѣлъ въ Кагальницкомъ городкѣ.

Анафема Стенькѣ. Его арестъ и казнь.

А тѣмъ временемъ, въ Москвѣ, въ недѣлю православія, прокричали Стенькѣ анафему и отправили стольника Косогова съ тысячью отборныхъ рейтаръ и драгунъ къ Кагальницкому. Уже тогда было видно, что новые солдатскіе и драгунскіе полки иноземнаго строя надежнѣе и лучше буйныхъ стрѣлецкихъ полковъ.

Городокъ былъ сожженъ. Стенька съ братомъ Фролкой были схвачены и отправлены въ Москву. Послѣ розыска, ихъ 6 іюня на Красной площади четвертовали. Разинъ встрѣтилъ мученія и казнь съ недюжиннымъ самообладаніемъ. Когда ему ломали кости, онъ даже не стоналъ, не выдавъ своего волненія и выраженіемъ лица. Разинъ даже прикрикнулъ на Фролку, когда тотъ закричалъ отъ боли.

Мученичество митрополита Іосифа.

По отъѣздѣ изъ Астрахани Разина, замѣститель его Васька Усъ принялся за уничтоженіе царскихъ приверженцевъ.

3 августа поднялся гиль, и Астраханцы порубили бердышами подъячихъ съ товарищами: однихъ — въ домахъ, другихъ — въ тюрьмахъ, третьихъ — „въ сугонъ“. Искали государева дворцоваго промышленника Турчанина у митрополита Іосифа, ругали митрополита всячески и грозились убить.

— „Ты угождаешь боярамъ,“ кричали гилевщики. — „Только тебѣ у насъ не уцѣлѣть!“

Іосифъ видѣлъ сонъ. —

— „Вошелъ, будто, онъ въ палату, вельми чудну и украшену, сидятъ въ ней трое убіенныхъ князей Прозоровскихъ и пьютъ питіе сладкое паче меда. Надъ ними вѣнцы златы съ драгимъ и многоцѣннымъ каменьемъ. И онъ, митрополитъ, обрѣтеся въ той же палатѣ, токмо отъ нихъ подалѣ сидѣлъ, и питія своего не дали пить, глаголюще: онъ къ намъ еще не поспѣлъ.“

Разсказывая этотъ сонъ, митрополитъ плакалъ и говорилъ: „еще не пришелъ часъ мой смертный!“

Несмотря на пораженіе Стеньки подъ Симбирскомъ, вѣсть о которомъ достигла и до Астрахани, бунтъ не унимался. 2 ноября къ митрополиту явился татаринъ съ грамотой отъ царя, въ которой царь увѣщевалъ Астраханцевъ принести повинную. Митрополитъ велѣлъ списать съ грамоты нѣсколько списковъ и отправилъ ключаря своего и Вознесенскаго игумена Сильверста къ есаулу Лебедеву убѣдить его, чтобы онъ повліялъ на своихъ воровскихъ людей отстать отъ воровства. Какія соображенія побудили Іосифа обратиться именно къ Лебедеву, неизвѣстно, но этотъ шагъ оказался для митрополита роковымъ.

Лебедевъ „учинился неистовъ“ и объявилъ казакамъ, что митрополитъ со властями, съ попами и дворовыми дѣтьми боярскими складываетъ у себя грамоты, хочетъ всѣхъ казаковъ отдать боярамъ руками. Возбужденные казаки начали собираться во дворъ къ Васькѣ Усу.

Между тѣмъ загудѣлъ большой соборный колоколъ, и митрополитъ приказалъ ключарю облачиться и прочесть подлинную царскую грамоту передъ всѣмъ народомъ. Съ атаманова двора пришли казаки съ оказаченными Астраханцами и также слушали чтеніе грамоты.

Когда ключарь окончилъ чтеніе, казаки вырвали у него изъ рукъ грамоту. Раздраженный Іосифъ бранилъ казаковъ еретиками и измѣнниками, а казаки въ отвѣтъ ругали митрополита позорными словами и грозили ему раскатомъ.

— „Посадить его въ воду!“ кричали одни. — „Послать въ заточеніе!“ выкрикивали другіе.

На слѣдующій день казаки схватили ключаря, били палками и допрашивали, отъ кого прибыла грамота? — „Вы съ митрополитомъ, попами и дѣтьми боярскими здѣсь ее сложили!“

— „Государева прямая грамота,“ отвѣчалъ ключарь.

— „А есть ли съ нея списки?“ — Ключарь, не стерпя палокъ, сознался, что списки (копіи) есть. Къ митрополиту тогда явился есаулъ и съ нечестію отобралъ списки.

Слухи приходили для казаковъ все хуже и хуже. Наконецъ, въ апрѣлѣ пришла страшная вѣсть, что Разинъ взятъ старыми казаками въ Кагальницкомъ. Тогда воры выдѣлили шайку подъ начальствомъ атамана Шелудяка и отправили ее къ Симбирску, а въ Астрахани остался Усъ.

21 апрѣля митрополиту дали знать, что юртовскіе татары привезли отъ государя новую грамоту и стоятъ съ нею за Волгой.

Безстрашный Іосифъ немедля послалъ къ Астраханскимъ воровскимъ старшинамъ, чтобы пришли къ нему на совѣтъ. Но старшины стояли на базарѣ и не шли.

Тогда митрополитъ самъ пошелъ на базаръ и обратился къ народу, говоря, что отъ государя пришла милость, новая призывная грамота, привезенная за Волгой татарами, но онъ, митрополитъ, не смѣетъ ее принять, избѣгая новыхъ обвиненій противъ себя, и приглашаетъ народъ пойти за грамотой и привезти ее къ митрополиту. — „А великій государь, поучалъ онъ народъ, милостивъ и ваши вины вамъ отдастъ!“

Старшины отвѣчали, что не смѣютъ безъ атамана Васьки Уса и пошли къ атаману. Іосифъ же пошелъ въ соборъ.

Тутъ къ нему подошли Васька Усъ съ есауломъ Топоркомъ. Топорокъ началъ кричать и бранить митрополита. Іосифъ разсердился и кинулся на него съ посохомъ, говоря: — „Врагъ ты окаянный, еретикъ и богоотступникъ!“ — „Что вы не повинуетесь великому государю?“ Пошумѣвъ около собора, атаманы ушли.

Но на слѣдующій день, въ Великую субботу, воры нѣсколько разъ присылали къ Іосифу, требуя отъ него государевыхъ грамотъ.

— „Государевы грамоты за Волгою у татаръ, пошлите за ними сами, кого хотите.“

Наконецъ, за грамотами послали и привезли ихъ прямо въ соборъ, гдѣ митрополитъ, въ присутствіи Уса съ товарищами, распечаталъ ихъ, но когда хотѣлъ читать, то казаки повернулись и ушли въ свой кругъ.

Митрополитъ пошелъ за ними въ кругъ со священниками, домовыми дѣтьми боярскими и дворовыми людьми, и велѣлъ въ кругу читать грамоту.

Когда кончилось чтеніе, казаки закричали, что грамота писана самими боярами. — „А еслибы грамота была царская, то была бы за красными печатями!“ Кричали еще, что митрополитъ самъ сложилъ грамоту со властями и попами.

— „Тужить по немъ раскать!“ — „Вся смута и бѣда отъ него, митрополита, онъ переписывается съ Московскими боярами, съ Терекомъ и Дономъ!“ — „По его письму Терекъ и Донъ отъ насъ отложились “

Невзирая на угрожающіе крики, Іосифъ обратился къ народу:

— „Астраханскіе жители! Велѣно по грамотѣ великаго государя воровъ Донскихъ всѣхъ перехватать и посадить въ тюрьму до указа. А вамъ велѣно во всемъ вины свои принести. Онъ, государь — свѣтъ, милостивъ, вины ваши отдастъ!“

Разумѣется, такое обращеніе не могло быть пріятно главарямъ бунта.

—„Кого намъ хватать и сажать въ тюрьму?“ закричали въ отвѣтъ:

— „Мы всѣ — воры! Возьмите его, митрополита, и посадите въ тюрьму или въ каменную будку! Счастье твое, что пристигла Святая недѣля, а то бы мы дали тебѣ память!“

Участь митрополита рѣшалась. Его лишь не смѣли тронуть сразу.

Но въ Фомино воскресенье снова стали допрашивать несчастнаго ключаря: — откуда взялись царскія грамоты? Ключарь отвѣчалъ: извѣстно, вѣдь, что сами казаки привезли грамоту отъ татаръ изъ-за Волги. . .

Тѣмъ не менѣе ключаря повели за городъ и тамъ зарубили.

Схватили и повели на пытку также митрополичьихъ людей и дѣтей боярскихъ . . Но толпа закричала, что въ томъ толку нѣтъ, нужно схватить самого митрополита. . . И людей митрополичьихъ отпустили.

Но не сразу рѣшились на убійство митрополита. Поддержка въ этомъ рѣшеніи явилась отъ атамана Шелудяка.

Плывя со своей шайкой къ Симбирску, Шелудякъ крѣпко задумался: „а что, если послѣдняя попытка занять Симбирскъ не удастся? Придется тогда искать убѣжища въ Астрахани, а Астраханцы, подъ вліяніемъ митрополита, чего добраго, закроютъ ворота и не пустятъ его съ шайкою обратно!“ — И Шелудякъ созвалъ кругъ, на которомъ приговорили убить митрополита и воеводу князя Львова.

Чтобы заставить товарищей поднять руку на Святителя, послали сказать Усу, будто Іосифъ и Львовъ ссылаются съ Донскими казаками, что Разинъ пойманъ по ихъ письму, что митрополитъ промышляетъ всякое зло надъ товарищами Разина. Этого уже было достаточно.

17 мая Іосифъ былъ за проскомидіей въ соборѣ, куда явились воры звать его къ себѣ въ кругъ. Іосифъ понялъ. Онъ ношелъ въ алтарь, облачился въ святительскую одежду и долго молился, вызывая досаду заждавшихся казаковъ. Потомъ приказалъ благовѣстить въ большой колоколъ, собралъ всѣхъ священниковъ и съ ними вышелъ въ кругъ.

— „Зачѣмъ вы меня призвали, воры и клятвопреступники?“

По приказанію Уса, выступилъ казакъ, привезшій отъ Шелудяка обвиненія противъ митрополита, и повторилъ ихъ. Въ тѣ времена не обвинитель доказывалъ свое обвиненіе, а обвиняемый долженъ былъ доказывать свою невиновность.

— „Я съ Терекомъ и Дономъ не переписывался," отвѣчалъ Іосифъ.

— А хоть бы и переписывался? добавилъ митрополитъ: вѣдь это не съ Крымомъ и не съ Литвою. И я вамъ говорю, что бы и вы отъ воровства отстали и великому государю вины свои принесли." Нельзя не признать, что въ этихъ смѣлыхъ словахъ какъ бы содержалось косвенное признаніе того факта, котораго отъ него добивались гилевщики. Отвѣтъ не понравился.

— „Что онъ таитъ свое воровство, что будто не переписывался? закричали недовольно въ кругу. — Какой онъ правый человѣкъ?" Что онъ пришелъ въ кругъ съ крестомъ! Мы вѣдь и сами христіане, а ты будто пришелъ къ иновѣрнымъ."

Крикуны уже начали выходить изъ толпы, чтобы снять съ митрополита облаченіе. Но тутъ впередъ рванулся казакъ Миронъ:

— „Что вы, братцы, на такой великій санъ хотите руки поднять! Намъ къ такому великому сану и прикоснуться нельзя!"

Воры бросились на Мирона, схватили его за волосы, стали рубить, колоть, вытащили изъ круга и убили.

— Мирона убили, но его слова произвели впечатлѣніе, и толпа, не осмѣливаясь подступиться къ митрополиту, толкала священниковъ и съ руганью требовала, чтобы они сняли съ архіерея облаченіе.

— „Снимайте съ митрополита санъ! Онъ снималъ же и съ Никона патріарха санъ!" кричали изъ толпы. У толпы еще оставалось нѣкоторое уваженіе къ церковной внѣшности и святительскимъ одеждамъ, безъ которыхъ, по ея мнѣнію, митрополитъ долженъ былъ какъ бы лишиться сана и стать простымъ смертнымъ.

Іосифъ самъ снялъ съ себя митру, панагію и, обратившись къ протодіакону, сказалъ: — „Что же ты сталъ? не разоблачаешь! Уже пришелъ часъ мой . ." — Протодіаконъ въ ужасѣ снялъ омофоръ, снялъ саккосъ . . .

Тутъ казаки выбили духовенство изъ круга, крича: „до васъ дѣла нѣтъ!" и повели Іосифа пытать на пороховой дворъ.

Митрополита положили на огонь и спрашивали: „Скажи свое воровство, какъ ты переписывался?" —

Іосифъ не отвѣчалъ ни слова, только творилъ молитву и проклиналъ палача. . . Спрашивали также о митрополичьей казнѣ. Іосифъ отвѣчалъ, что у него только 50 рублей денегъ а поклажи ничьей нѣтъ.

Наконецъ, послѣ пытки, митрополита повели на казнь, на раскатъ. По дорогѣ, проходя мимо тѣла убитаго Мирона, Іосифъ осѣнилъ его крестнымъ знаменіемъ и поклонился. . . Его взвели на раскатъ, посадили и хотѣли сбросить. Но старикъ лишился послѣднихъ силъ и испугавшись послѣдней минуты, дрожащими руками ухватился за ноги палача. Его оторвали, положили на бокъ, на краю раската, и

толкнули внизъ. . . Исполнявшіе эту казнь, по отзывамъ С. М. Соловьева, были самые отчаянные воры, всего нѣсколько человѣкъ.

Остальные воры чувствовали страхъ передъ совершаемымъ. Они стояли большой толпой внизу подъ раскатомъ, и когда тѣло святителя ударилось объ землю, казакамъ послышался страшный стукъ . . Они обомлѣли и минутъ съ 20 стояли молча, повѣся головы. . . Но вскорѣ, говоритъ Соловьевъ, опохмѣлились казнью князя Львова.

Воровская „запись".

На другой день воры заставили все духовенство подписать запись (постановленіе): стоять имъ и всѣмъ ихъ дѣтямъ духовнымъ противъ бояръ и измѣнниковъ, и умирать другъ за друга! . . . — У воровъ начиналась паника.

Возвращеніе Шелудяка.

Походъ Федьки Шелудяка не былъ удаченъ. Не рѣшившись приступить къ Симбирску, въ которомъ оказался царскій воевода Шереметевъ, Шелудякъ завелъ съ нимъ переписку о повинной, и въ ожиданіи царскаго отвѣта отступилъ къ Самарѣ.

Но отвѣтъ не былъ милостивъ. Царь былъ недоволенъ, что въ челобитной царю воры называли князя Юрія Долгорукаго и другихъ бояръ измѣнниками.

Тогда воры, не получивъ милости, разбѣжались, а Шелудякъ съ остатками шайки приплылъ въ Астрахань, занявъ здѣсь мѣсто атамана Уса, умершаго отъ „червивой болѣзни."

Хитрость царскихъ воеводъ.

Но вслѣдъ за Шелудякомъ къ Астрахани подплыли и суда съ войскомъ боярина Ивана Милославскаго. Воры выплыли ему навстрѣчу на стругахъ. Произошелъ рѣчной бой, воры были отбиты, а Милославскій приставъ къ берегу и окопался въ земляномъ городкѣ, при устьѣ рѣчки Болды. Отсюда онъ сталъ посылать Астраханцамъ увѣщанія, но безполезно: Астраханцы ожесточенно нападали на войска Милославскаго.

Милославскому пришлось построить второе укрѣпленіе на нагорной сторонѣ рѣчки. Атаманы Шелудякъ и Каторожный немедленно на него напали, были разбиты наголову и перешли къ оборонѣ.

Прошло три мѣсяца. На помощь Милославскому подошелъ черкесскій князь Муцалевичъ и осадилъ Астрахань съ другой стороны. Муцалевичъ прибѣгъ къ хитрости. Онъ позволилъ Астраханцамъ приходить въ его лагерь для переговоровъ, и къ нему ежедневно являлись пьяные казаки, говорили всякія рѣчи, а боярин отвѣчалъ сдержанно и мягко.

Эта пропаганда вызвала въ Астрахани раздѣленіе между закорѣнелыми ворами и умѣренными, желавшими принести повинную. Умѣренные стали перебѣгать къ боярину, который встрѣчалъ ихъ ласково, приказывалъ поить и кормить.

Тогда закорѣнелые стали угрожать перебѣжчикамъ перебить ихъ родню. Но время ихъ явно проходило, у нихъ ужъ не доставало ни силы, ни смѣлости для новыхъ преступленій. Муцалевичу удалось даже заманить къ себѣ въ станъ Шелудяка. 26 ноября Астрахань дала знать Милославскому о покорности.

Государевы полки вошли въ городъ. Впереди шли священники съ молебнымъ пѣніемъ, неся икону Богородицы „Живописный источникъ въ чудесѣхъ," данную Милославскому при отпускѣ государемъ Астраханцы вышли навстрѣчу и съ раскаяніемъ пали передъ иконой на землю . . .

Муцалевичъ именемъ государя простилъ Астраханцевъ. Никого не тронули. Даже Федька Шелудякъ остался жить на воеводскомъ дворѣ. Не тронули и другихъ заводчиковъ мятежа У нихъ отобрали только въ пользу воеводы награбленное добро. Другіе воры закабалились въ холопы къ воеводѣ и приказнымъ людямъ. Но когда все совершенно успокоилось, то лѣтомъ 1672 года въ Астрахань прибылъ для суда и расправы князь Одоевскій. Главные заводчики были повѣшены, другіе отправлены на службу въ верховые города.

Заключеніе.

Когда въ Смутное Время государство Русское находилось на краю гибели, то земскіе люди собрались съ моральными силами и очистили землю отъ своихъ воровъ и иноземныхъ завоевателей, подчинивъ Московскому государству и воровскую часть казачества, искавшую коренного соціальнаго переворота.

Однако, чрезвычайное разореніе страны послѣ Смуты и личная слабость характера первыхъ двухъ государей династіи Романовыхъ — были причиной тому, что государство, несмотря на тяжкій урокъ Смуты, вернулось къ прежнему правопорядку, не внеся въ него никакихъ измѣненій и не даровавъ народу никакихъ соціальныхъ облегченій.

Народъ болѣе, чѣмъ когда либо ранѣе, изнемогалъ подъ тяжестью непосильныхъ налоговъ и отъ произвола дворянско-приказной бюрократіи, отъ того безпримѣрнаго и безнаказаннаго обдирательства населенія и злоупотребленій, въ которыхъ участвовали даже близкіе родственники царя. Казенныя монополіи и откупа довершали народное бѣдствіе.

Народъ продолжалъ страдать отъ нищеты и умственной темноты, которыя шли рука объ руку съ крайней неорганизованностью и невоспитанностью всего русскаго общества, а испорченные Смутой нравы наложили на русскій характеръ свой рѣзкій и продолжительный отпечатокъ.

Среди общей распущенности и вакханаліи недобросовѣстности, отъ которыхъ не были свободны сами выборные отъ населенія лица, — простой народъ находилъ себѣ забвеніе въ кабакѣ, куда несъ послѣднія крохи. По свидѣтельству Адама Олеарія, нигдѣ онъ не видѣлъ такого тяжелаго и безобразнаго пьянства, какъ въ Московіи царя Алексѣя Михайловича: около кабаковъ, среди пьяныхъ мужчинъ валялись на землѣ и женщины, и нерѣдко люди выходили изъ кабака совершенно голыми, оставивъ въ немъ все свое платье и мало стѣсняясь своей наготы.

На этомъ печальномъ фонѣ народной жизни дѣйствовала суровая власть государства, которое свою безпомощность и слабость старалось уравновѣсить строгими полицейскими мѣрами и усиленными уголовными наказаніями, недостигавшими никакой цѣли, прибѣгая къ насиліямъ надъ личностью гражданъ и возведя принужденіе въ систему.

Той же методы принужденія придерживалась и государственная Церковь, глава которой патріархъ Никонъ позволялъ себѣ при проведеніи реформы исправленія богослужебныхъ книгъ и иконъ, а также

бычу и довольствуясь устройствомъ мѣстныхъ круговъ и совѣтовъ, не объединенныхъ государственно. Благодаря этому Разинское устройство нельзя счесть государственнымъ, но болѣе всего оно походитъ на родовой строй народовъ, на зарѣ ихъ цивилизаціи, когда ни одинъ народъ не имѣетъ еще ни политическаго единства, ни настоящаго государственнаго устройства.

Тѣ десятки, сотни и тысячи, на которыя Разинъ дѣлилъ свое новое казачество, въ лучшемъ случаѣ могли бы послужить основой для производства безсословныхъ пропорціальныхъ выборовъ въ оказаченный Земскій Соборъ или иное подходящее учрежденіе. Эти десятки и тысячи могли бы также сыграть роль народной самозащиты, готовой съ оружіемъ въ рукахъ оборонять свое государственное устройство. -- Но изображать собою вѣчно шумящее, безтолковое первобытное вѣче они дальше ужъ не могли, что и показалъ конецъ предпріятія Разина, который, отдавшись девятому валу народныхъ волнъ, ужъ не имѣлъ власти ни надъ ними, ни надъ собою.

Въ Разинскомъ движеніи видна дикая, первобытная сила, которая уже сама по себѣ исключаетъ возможность всякой продуманности и способности къ государственной перспективѣ. И хотя Разинъ явился на арену дѣйствія въ подходящій историческій моментъ, и вся его личность какъ бы отвѣчала требованіямъ этого момента, однако — использовать свою роль въ творческомъ направленіи Разинъ не былъ въ состояніи, такъ какъ главнымъ образомъ былъ разрушителемъ и мстителемъ высшимъ классамъ общества за порабощеніе низшихъ, и Разинское движеніе было обречено на неудачу именно въ силу того, что дерзнуло противопоставить историческому развитію Московскаго государства свой соціальный примитивъ, съ фантастическимъ и нереальнымъ содержаніемъ.

Увидѣвъ слабость своего героя, народъ быстро разочаровался въ его всемогуществѣ и покинулъ его. Но онъ принялъ въ свою душу и сохранилъ въ ней для будущихъ временъ тотъ мятежный духъ и жажду разрушенія, которые получилъ въ наслѣдство отъ Разина.

—„Разиновщина, говоритъ проф. Фирсовъ, ничего не измѣнивъ въ соціальныхъ условіяхъ существованія народа, оставила въ народной психикѣ глубокій слѣдъ, яркія и любимыя воспоминанія: забывъ о мрачныхъ картинахъ Разинскаго звѣрства, народъ запомнилъ, что при Разинѣ онъ попилъ, поѣлъ и поцарствовалъ, и опоэтизировалъ „батюшку Степана Тимофѣевича“, причемъ даже старый богатырь Илья Муромецъ оказался у Степанушки всего лишь въ есаулахъ“. —

„Но народъ знаетъ, добавляетъ Фирсовъ, что Разинъ былъ великій грѣшникъ, что „за грѣхи его земля не приняла“, что онъ придетъ снова, когда на Руси грѣхи умножатся“ . . .

— Какая глубокая мысль народная. . .

Конецъ II-ой части.

А.-О. „ТЕКЛА"

ГЛАВНАЯ КОНТОРА:

Таллинъ, Suur Karja 15, тел. конторы 448-18.
„ Правленія 474-31.

ОТДѢЛЕНІЯ А/О. „ТЕКЛА" ВЪ ЭСТОНІИ:

Tallinn, Suur Karja 15
Tallinn, Pärnu 6
Tallinn, Estonia pst. 11
Haapsalu, Ehte 2
Kuressaare, Kauba 2
Mustvee, Tartu 15
Narva, Peetri pl. 2
Paide, Turuplats 10
Petseri, Kaubarida 6/7
Pärnu, Laidoneri 2
Rakvere, Turuplats 2
Vaiga, Kesk 14
Viljandi, Tartu 6-a
Võru, Tartu 11

Въ продажѣ по твердымъ цѣнамъ мануфактурные товары выработки нижеслѣдующихъ фабрикъ:

А/О. Балтійской Бумагопрядильной Ткацкой Мануфактуры,
Т-ва Кренгольмской Мануфактуры Бумажныхъ Издѣлій,
Т-ва Цинтенгофскихъ Текстильныхъ Мануфактуръ, бывш. Верманъ и сынъ,
Т-ва Эстонской Ниточной Мануфактуры.

Богатый выборъ сезонныхъ товаровъ всегда обезпеченъ заблаговременно.

Просимъ ознакомиться съ нашимъ выборомъ — безъ обязательства покупки.

XIII
1A-12261
116 954 2.

TÜ RAAMATUKOGU
1 0300 01064407 0